

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75

#11(75), 2021 часть 3

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#11(75), 2021 part 3

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Клиmek (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Misztal P., Kulakou V. TECHNOLOGICAL DETERMINANTS OF THE INVESTMENT CLIMATE IN POLAND AND BELARUS	4
Авдейчик О.В. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	14
Авдейчик О.В. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	22
Павлова О.В., Чеботарева З.В. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В УПРАВЛЕНИИ НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ	30
Чечетова Н.Ф., Лелюк Н.Є., Колубай Я.С. ПРОБЛЕМИ, ЗАВДАННЯ ТА НЕОБХІДНІСТЬ РОЗВИТКУ КООПЕРАТИВНОГО ПІДПРИЄМНИЦТВА В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ ЕКОНОМІКИ	33

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Китана А.Н. ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	39
Сафонов М.С. THE PUBLIC COMPANIES LAW AND SUBSTANTIVE IMAGES OF PERSONS OF PUBLIC LAW IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION	42
Сизова А.С., Соколов Е.Е. К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СВЯЗАННЫХ С ИЗМЕНЕНИЯМИ В РАБОТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	49
Цветикова Т.В. МЕСТО ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID -19	52
Черненко П.В. ФАЛЬСИФІКАЦІЯ ВИБОРЧИХ ДОКУМЕНТІВ: КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВИЙ АНАЛІЗ ОБ'ЄКТИВНИХ ОЗНАК	58

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Misztal Piotr

*PhD, Associate Professor, Head of the Department
Jan Kochanowski University (JKU) in Kielce*

Kulakou Vasili

*PhD, Associate Professor, Researcher
Polish national agency for academic exchange (NAWA)
Jan Kochanowski University (JKU) in Kielce*

TECHNOLOGICAL DETERMINANTS OF THE INVESTMENT CLIMATE IN POLAND AND BELARUS

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.166](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.166)

Summary. The article provides a detailed analysis of the most significant technological factors that determine the investment climates of Belarus and Poland.

According to the authors, the main technological determinants influencing investment decisions include: Global Innovation Rankings, R&D financing, level of introduction of advanced technology, digitalization of the economy, development of e-services and maturity of technology transfer mechanisms. The research shows, that among the factors of technological development there are both positively and negatively affecting the investment climate of the studied countries. The authors proved that despite the similar past and the commonality of a number of trends in the development of the technological environment of investment activity, Belarus fails to keep pace with Poland in the level of innovation development. This suggests that Polish investments are beneficial for Belarus not only from a financial, but also from a technological point of view.

Аннотация. В статье подробно анализируются наиболее значимые технологические факторы, определяющие инвестиционный климат Беларуси и Польши. По мнению авторов, к основным технологическим детерминантам, оказывающим влияние на инвестиционные решения, относятся: глобальные рейтинги инноваций, масштаб финансирования НИОКР, уровень внедрения передовых технологий, степень цифровизации экономики, развитие электронных услуг и зрелость механизмов передачи технологий. Исследование показывает, что среди факторов технологического развития есть как положительно, так и отрицательно влияющие на инвестиционный климат исследуемых стран. Авторами доказано, что, несмотря на схожее прошлое и общность ряда тенденций развития технологической среды инвестиционной деятельности, Беларусь отстает от Польши по уровню инновационного развития. Это говорит о том, что польские инвестиции выгодны для Беларуси не только с финансовой, но и с технологической точки зрения.

Keywords: technological factors, innovation, R&D, technology transfer, knowledge-intensive industries

Ключевые слова: технологические факторы, инновации, НИОКР, трансфер технологий, наукоемкие отрасли.

1. Problem statement

In the Republic of Belarus as well as in the Republic of Poland, the technological and innovative development path is captured as a strategic benchmark in a number of regulatory documents. Public intervention is necessary not only for creating favorable framework conditions and stimulating innovative activities but also for encouraging cooperative actions by innovation stakeholders and putting in place institutions and policy mechanisms that address different market failures in the innovation process [7].

Due to the growing importance of technological factors in the economic development of Belarus and Poland, and due to the significant role of these factors in international economic exchange, the main task of the research is a detailed analysis of technological factors as important determinants of mutual economic cooperation between Belarus and Poland.

Analysis of recent research and publications

Analysis of the investment climate is an important phase in determining the prospects and possible areas of economic cooperation between countries. The works of many scientists and practitioners are devoted to the

study of existing methods of assessing the investment climate.

Professor Ogorodnikov [13] carried out a comparative analysis of the methods used by Harvard Business School, Euromoney magazine, The Bank of Austria, Expert rating agency and others. Kosobutskaya [9], in addition to the above, studies the approaches of The Forbes magazine, A. T. Kearney Company, rating agencies Expert RA, Moody's and S&P. Savelenko [13] proposed a classification of the most common methods in international practice in accordance with their content and the assessment methods. Silva-Leander [18] divides the approaches to assessing the investment climate according to the indices used into: aggregated indices, disaggregated indices, and other indices. Kuznetsova and Vakulich [10] in the analysis of investment climate rating evaluation headline three main tools of assessment: narrowed, factor and risk. Authors agree that the factor approach meets most of the methodological requirements.

Isolation of previously unresolved parts of a common problem

Most of the presented approaches are based on the identification and analysis of significant indicators of the development of countries and regions. The main attention is usually paid to the economic, legal, political and a number of other components. However, despite the increasing importance for investors, the level of technological development is often taken into account only indirectly.

The purpose of the article

The main goal of the research undertaken in this publication is a detailed analysis of technological factors as important determinants of investment climate and mutual economic cooperation between Belarus and Poland.

2. Presentation of the main material

3. The position of Belarus and Poland in the Global Innovation Ranking

The International Business School INSEAD, Cornell University and the World Intellectual Property

Organization annually publish the analytical report The Global Innovation Index (GII), in which all countries of the world are assessed in terms of their development, innovation and technology.

The authors of the study reckon that the success of the economy is associated with both the availability of innovative potential and the conditions for its implementation. Therefore, the Index is calculated as a weighted sum of assessments of two groups of indicators: available resources and conditions for innovation (Innovation Input); achieved practical results of innovation implementation (Innovation Output) [1, 14].

Thus, the final Index represents the ratio of costs and benefits, which makes it possible to objectively assess the effectiveness of efforts to develop innovation in a particular country. According to the results of 2020 the Republic of Belarus is located on the 64th line of The Global Innovation Index rating losing to all five neighboring countries (Fig. 1).

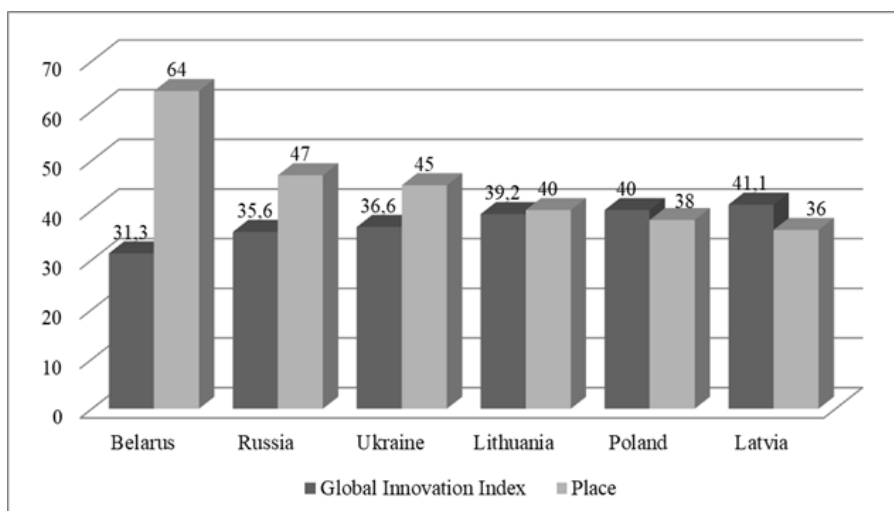

Fig. 1. Global Innovation Index by countries in 2020
Source: Developed by the authors on the basis of [4]

Poland significantly surpasses Belarus in this indicator. This suggests that the arrival of Polish investors in the Belarusian market is beneficial not only from a financial, but also from a technological point of view.

The GII relies on two sub-indices – the Innovation Input Sub-Index and the Innovation Output Sub-Index. If we look at the situation in terms of input – output, we will notice a gap between these two Sub-Indexes in both countries (Fig. 2 and 3).

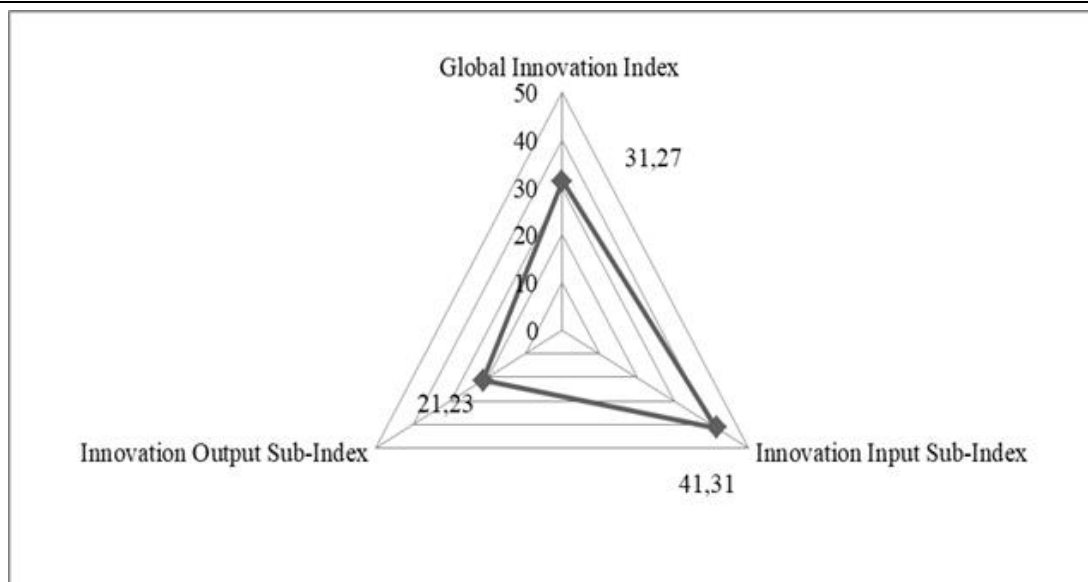
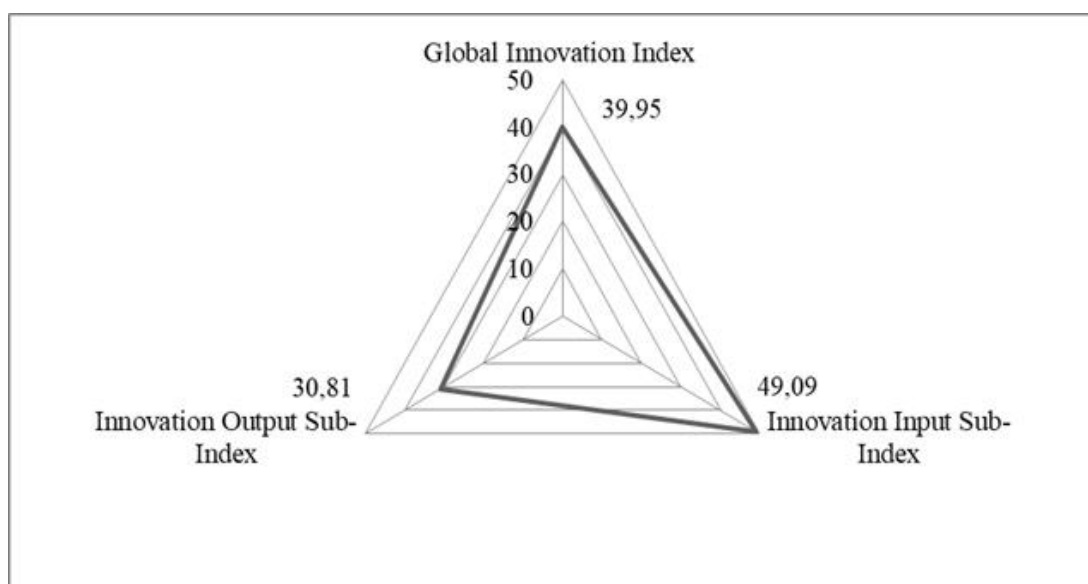

Fig. 2. Components of the Global Innovation Index in Belarus in 2020

Source: Developed by the authors on the basis of [4]
 Fig. 3. Components of the Global Innovation Index in Poland in 2020
 Source: Developed by the authors on the basis of [4]

This imbalance, to varying degree, is typical for all countries without exception. In this regard, based on data on individual components of the Global Innovation Index, specifically the Innovation Input and Output Sub-Indexes, we propose to calculate the coefficient of efficiency of the innovation infrastructure (CEII) for each economy.

This coefficient is calculated by a simple ratio of the Innovation Output Sub-Index to the Innovation Input Sub-Index:

$$CEII = \text{Output Sub-Index} / \text{Innovation Input Sub-Index}$$

In fact, this indicator shows how effective the main elements of the national economy are, which enable innovation in the country. It also characterizes the effectiveness of the existing technology transfer mechanism. The closer the coefficient is to 1, the more efficiently the innovation infrastructure works.

Calculations carried out in accordance with the rules of statistical analysis allowed us to group all countries into five categories depending on the value of CEII (Table 1).

Table 1

Grouping of countries in the world depending on the value of CEII

Group №	CEII Diapason	CEII Group average	Number of observations in a group
1	low efficiency (CEII up to 0,3577)	0,3015	22
2	below average efficiency (CEII from 0,3578 to 0,4981)	0,4340	39
3	average efficiency (CEII from 0,4982 to 0,6386)	0,5714	34
4	above average efficiency (CEII from 0,6387 to 0,7790)	0,7140	30
5	high efficiency (CEII above 0,7791)	0,8448	6
Total		0,5303	131

Source: Calculated by the authors on the basis of [4]

Based on the results obtained, we can conclude that in 71 countries out of 131 represented, the CEII indicator is below the world average. The most numerous is the second group with a range from 0.3578 to 0.4981 and an average value of 0.4340. Only six countries are in the group with high efficiency of innovation infrastructure (above 0.7791): Germany, Sweden, United Kingdom, the Netherlands, Switzerland and China. The leading position is occupied by China with the CEII of 0.9195.

Belarus and Poland are in the third group. However, it is difficult to talk about equality of the positions. Thus, Belarus is not far from the lower border with a CEII of 0.5138, while Poland closes the group with CEII of 0.6276.

In countries with the best indicators of the Global Innovation Index, such as Switzerland, the Netherlands, Sweden, Great Britain, Singapore, etc., there is stability in the dynamics of the indicator. In our opinion, one of the main reasons for this situation is that successful innovative activity leads to a kind of endless circle: when a certain critical level is reached, investment attracts investment, talents attract talents, and innovation generates innovation. In Belarus, as well as in Poland this level has not yet been reached, which leads to a certain imbalance.

4. Research and development financing

As long as innovation has existed, a central challenge facing innovators worldwide is the mobilization of stable and accessible financing mechanisms. Financing affects all stages of an innovation cycle, from ideation to commercialization, expansion, and, eventually, long-term business sustainability.

In international practice, research and development (R&D) is considered as a source of innovation and the foundation for the innovative development of the economic system. For this reason, the financing of R&D is defined as one of the most important indicators of successful socio-economic development of the country.

In the Republic of Belarus, the main budgetary sources of funding for scientific, technical and innovation activities are funds from the republican budget and innovation funds. In addition, financing is carried out at the expense of organizations' own funds, foreign investors and non-budgetary foundations. In 2019, R & D expenditures in the Republic of Belarus amounted to more than 777 million rubles or 332 million euros in equivalent (Tab. 2).

Table 2

Dynamics of financing of internal R & D expenditures in Belarus

Indicators	Years					2019/2015 [%, +/-]
	2015	2016	2017	2018	2019	
Financing of internal R & D expenditures, thou BYN	449543	475344	617684	739340	777843	173,03
Financing of internal R & D expenditures, thou EUR	255422	216065	283341	306780	332412	130,14
Share of R & D expenditures in GDP, %	0,50	0,50	0,58	0,60	0,59	0,09

Source: Developed by the authors on the basis of [17]

The data in Table 2 indicate a trend towards an increase in expenditures on research and development, both in absolute terms and as a share of the country's GDP.

The main source of funding of internal R & D in Belarus is the state budget, which accounted for about 44% of all expenditures in 2019. The second largest source is the company's own funds. The share of foreign capital, including foreign loans and borrowings,

accounted for about 10% of all funds spent on R & D in 2019 [17].

In Poland, the main sources of financing for scientific, technical and innovative activities are, as in the case of Belarus and in most of Central and Eastern Europe countries, funds from the state budget and own funds of enterprises. Moreover, financing is made at the expense of foreign investors and non-budgetary foundations. In 2019, R&D expenditure in Poland

amounted to approximately PLN 30,285 million (EUR 7,043 million), while in 2015, 40% less funds were allocated to this purpose than in 2019 (Table 3).

Table 3

Dynamics of financing of internal R & D expenditures in Poland

Indicators	Years					2019/2015 [% , +/-]
	2015	2016	2017	2018	2019	
Financing of internal R & D expenditures, mln PLN	18061	17943	20578	25648	30285	167,68
Financing of internal R & D expenditures, mln EUR	4515	4486	5019	6107	7043	155,99
Share of R & D expenditures in GDP, %	1,00	0,96	1,03	1,21	1,32	132,0

Source: Developed by the authors on the basis of [2]

In 2019, the main sources of financing for these outlays were the own resources of enterprises (approx. 50%) and state budget expenditure (approx. 42%). The next largest source of financing of research and development expenditures were foreign funds, including foreign credits and loans, constituting about 7% of all funds spent on R&D in 2019 [2].

If we make an international comparison of the relative value of research and development costs with neighboring countries, we will see that the Republic of Belarus is ahead only of Ukraine, behind the other four neighbors (Fig. 4). The leader in terms of the share of R&D expenditures in GDP among countries with a common border with Belarus is the Republic of Poland, where this indicator was 1.21%.

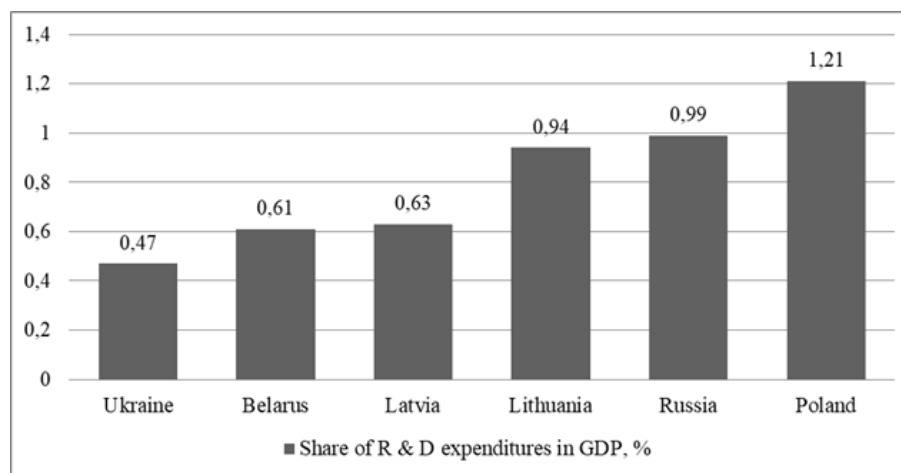

Fig. 4: Share of R & D expenditures in GDP in neighboring countries, %
Source: Developed by the authors on the basis of [12]

According to the Research and Development Expenditure 2019 study conducted by the UNESCO Institute for Statistics, R&D expenditures in Belarus in 2018 amounted to 0.61% of the GDP value. As we can see, there is a slight discrepancy with the information published by the National Statistical Committee. The reason for this discrepancy most likely lies in the difference in approaches to measurement.

We can conclude that despite the positive dynamics of R&D expenditures, the Republic of Belarus lags behind Poland and the neighboring countries in this indicator. This situation creates prerequisites for the technological gap in Belarus in relation to its main trading partners, including in particular Poland.

5. Level of introduction of advanced technology

Belarus and Poland do not have a sufficient resource base. For this reason, technological development should be a priority in these countries for both the public and private sectors. The economies of

the countries that relied on innovation have made a significant step forward in their development and show consistently high growth rates (Japan, Korea, Germany, Israel, etc.). In these countries, we observe a situation in which innovation entails new innovations, becoming the main engine of economic growth.

Innovations in the modern economy are influenced by decisions of many stakeholders and depends on many factors. Public policy has a significant impact on innovation performance. In the Republic of Belarus and Poland, work is intentionally underway to develop the production, technological, scientific, technical and innovative potential of the economy. The priorities of innovative development are enshrined in various regulatory documents.

The positive effect of such deliberate action is the increase in the share of high-tech and knowledge economy sectors in GDP from 2017. This situation applies to both Belarus and Poland, although on a significantly different scale (Fig. 5).

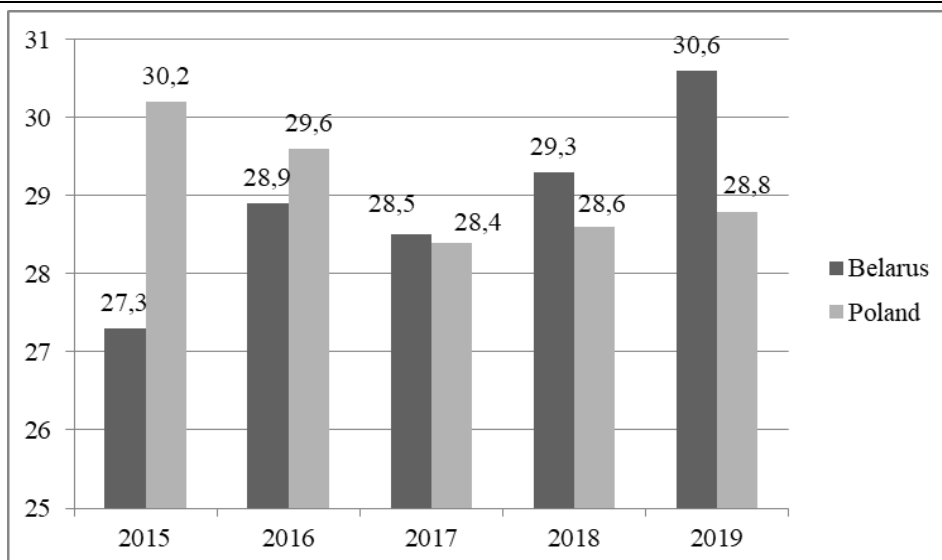

Fig. 5. Dynamics of share of knowledge-intensive industries in GDP, %
 Source: Developed by the authors on the basis of [17, 20]

It should also be noted that there is a growing number of innovative, active industrial organizations that have spent on technological innovation. Their share in the total number amounted to 24.5% in 2019, i.e. by 4.9 percentage points higher than in 2015 [17]. In Poland, there is also a systematic increase in the number of enterprises from the ICT sector, with the average growth rate of the number of these organizations over a period of 5 years being over 10%.

Despite the existence of a number of positive trends in the analyzed economies, it should be noted that the general level of GDP research intensity was not high and did not exceed 0.6% in Belarus, and 1.32% in Poland during the entire research period, and the share of innovative products also decreased in the total volume of exported products in 2019.

6. Digitalization of the economy

Digitalization is manifested everywhere in the transition from the raw materials and industrial economy to a new form based on the achievements of scientific and technological progress and information and communication technologies. Intellectual work and informational goods and services are becoming the main drivers of economic development. The benefits of the digital economy became most evident during the COVID-19 pandemic, making it possible to switch to remote work, distance learning, and remote provision of many types of services. It also served as the foundation for the large-scale development of e-commerce and delivery of goods.

The Republic of Belarus held a course for building a digital economy. In 2018, the country approved the Strategy “Science and Technology: 2018 – 2040”, within the framework of which the priorities and sectoral directions of scientific and technological development of Belarus were determined, as well as the

digital contour of the intellectual economy was outlined [22].

Digitalization is also an integral part of the innovative development of the Republic of Belarus, the priorities of which are defined in the State Program “Digital Development of Belarus” for 2021–2025. This document refers to the implementation of measures for the creation and development of modern information and communication infrastructure, the introduction of innovative solutions in the sectors of the economy and technologies of smart cities, as well as ensuring the information security of such solutions [19]. The key to the successful operation of all implemented technical solutions is a reliable information and communication infrastructure. As part of the work on its improvement in Belarus in 2016-2020, more than 33 thousand kilometers of fiber-optic communication lines were carried out to connect individuals and legal entities.

The cellular mobile telecommunications network of the LTE (4G) standard and services based on it were actively developed. Currently, the coverage of the territory of the Republic of Belarus with cellular telecommunications services is 98.7%, while the coverage of the population is 99.9% [21].

Thanks to the expanding opportunities for accessing the internet via mobile devices, we note a significant increase in the number of people using this type of services. Simultaneously, Belarus is characterized by a less significant gap in this indicator between the urban and rural population than the average in the world (86.9 to 71.3, respectively).

Similar development trends as in Belarus in the use of new information technologies by households also occur in Poland. It manifests itself, inter alia, in the growing share of households in the use of the Internet in Poland and in the growing degree of Internet use in households' contacts with public authorities (Fig. 6).

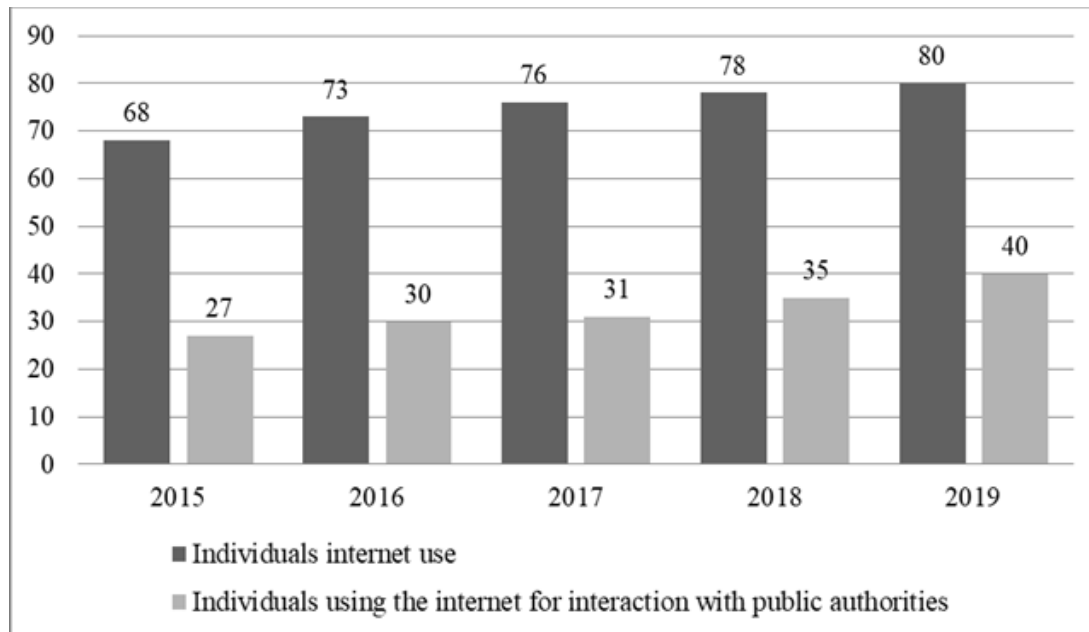

Fig. 6. Share of the population using internet in Poland, %
Source: Developed by the authors on the basis of [2]

Also competitiveness of Polish industries is to a large extent based on availability and quality of ICT sector solutions. The significance of the ICT sector in global and Polish economies continues to dynamically rise. Key trends in the ICT sector shall include cloud technologies, Big Data, the Internet of Things and cybersecurity. Poland faces the challenge of replacing present growth drivers, such as low cost of labor, EU subsidies and increase rate of productivity, and of balancing future disadvantageous regulations and socio-economic factors. Government investments and creation of innovation friendly environment shall be an important driver for stimulating growth of the ICT sector. The increased effectiveness of key sectors through implementation of IT solutions may become a driving force of overall economic growth.

The huge growth potential of the ICT sector is also confirmed by a large number of newly created start-ups. More than 50% of start-ups are established in the ICT sector. Polish ICT sector is in good condition, recording the average annual increase of turnover amounting to over 8.6%. This is the highest growth in Europe. However, relatively lower productivity of Polish ICT sector is manifested through the size of turnover per employee. This situation points to the need of further stimulation of the sector, as well as investment, both in

infrastructure and education. Investments from the government and enterprises in innovation should be the drivers of further increase of productivity. One of the conditions to stimulate investment activity of Polish enterprises is development of a transparent and stable legal system regulating activities in individual areas of the ICT sector and ensuring better safety of investment. Polish ICT sector is characterized by significantly higher innovativeness than other sectors of Polish economy [6].

The Global Connectivity Index (GCI) was created to analyze a broad spectrum of ICT infrastructure and digital transformation indicators to provide a comprehensive map of the global digital economy. GCI is a unique quantitative assessment that comprehensively and objectively assesses connectivity from both a national and industrial perspective. The research framework includes a combination of advanced and foundational technologies, allowing the analysis of how yesterday, today and tomorrow intersect to help map the global digital economy [3]. In 2020, in the ranking of countries according to GCI, the Republic of Belarus took 47th place with an index of 46, ahead of Ukraine, but behind other neighboring countries, including Poland (Fig. 7).

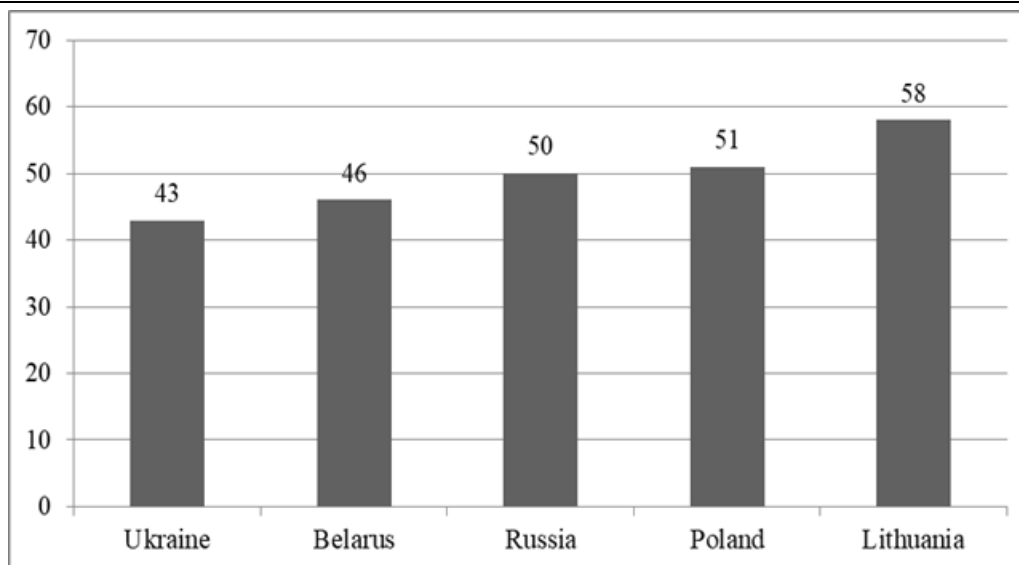

Fig. 7. Global connectivity index in neighboring countries
 Source: Developed by the authors on the basis of [3]

According to ICT investment, ICT maturity, and digital economic performance, the S-curve groups nations into three clusters: Starters, Adopters, and Frontrunners. The Republic of Belarus, like all neighboring countries, belongs to the second group.

7. Development of e-services

The results of the work on creating the necessary information and communication infrastructure make it possible to develop modern technologies and services and, on their basis, carry out the digital transformation of processes taking place in various sectors of the economy. The created telecommunications infrastructure opens the way for providing high-tech services. Information technologies are being actively implemented in education, healthcare, licensing of economic activities, banking services and other spheres of life of society and business.

The unified portal of e-services has been created and is functioning in the country. This is a useful platform for providing citizens and businesses with electronic services, a single point of access to various electronic services, as well as the source of information on administrative procedures performed by one or another Belarusian department [23]. As an example of the development of the e-services sector, the unified register of licenses elaborated and put into operation can be cited. From July 1, 2020, information from it is provided on the unified portal of electronic services. A number of specialized automated information systems (AIS) have been implemented: AIS "Tax Calculation", AIS "Personalized Accounting", AIS "Control Activity", etc.

The purpose of such systems is the digital transformation of management processes. For instance, thanks to the introduction of the unified automated information system of customs authorities, the share of customs declarations filed in electronic form has reached 99,99 % [19].

The processes accompanying the life of citizens were also transferred to a digital format. The service is actively used for submitting applications in electronic

form to solve utility problems. The system "Calculation of housing and communal services" was introduced, which made it possible to automate the business processes of manufacturers and suppliers of utilities and other services for accounting for the volume of services rendered. This significantly simplified and accelerated the payments between consumers and suppliers. Based on the analysis, we can talk about the existence of a systematic approach to the development of the base for the provision of electronic services in the Republic of Belarus. The achieved results demonstrate its effectiveness.

Also in Poland, the share of e-economy in GDP is systematically growing. Currently, this ratio is around 9.5% of GDP. Thanks to increasing digitalization, the cost of running business will be decreasing over the next few years. Also, exchange of information within companies will improve and customer service will become easier. The financial sector is the most digitalized in Poland. Despite significant changes in recent years, the remaining sectors still lag behind the European Union average. At the same time it should be noted that Poland is relatively poorly developed in terms of digitalization in comparison to the most developed economies in Europe. The use of ICT technologies in the public sector continues to call for improvements. The Ministry of Economic Development has made it its objective for 50% of the society to handle 80% of official matters electronically within 2-3 years. Furthermore, one of the priorities is to increase non-cash turnover.

"Polityka Insight" center issued a number of recommendations, which are to accelerate the digitalization process in Poland: to guarantee shaping of digital competences at each stage of education, to encourage public institutions to make data and services available online, to create a single government service to handle official matters, to support and develop educational programs on personal data, to regulate access to personal data taking into account all groups, to invest public funds only in selected, prospective

sectors, to design a system of tax allowances for purchases of innovative technological solutions, to support investment in broadband infrastructure to ensure universal, high-quality access to the internet, to facilitate business activities and to coordinate the process of execution of IT procurement by administration.

8. *Maturity of technology transfer mechanisms*

One of the most important links in the chain of elements that form the foundation for the transition to a high-tech digital economy is an effective technology transfer mechanism. Innovation activity in the country is usually regulated at the state level. The country's image in the global space, as well as the level and quality of attracted investments, largely depends on the effectiveness of the approaches applied in this area.

Technology transfer centers are fixed in the legislation of the Republic of Belarus as the main link in the management of innovation processes. The main focus of their activities is the implementation of technology transfer. In order to promote the cooperation between developers and users of high technologies and potential investors in 2003 in Belarus under the auspices of the State Committee for Science and Technologies of the Republic of Belarus, the National Academy of Sciences of Belarus, the United Nations Development Programme (UNDP) and the United Nations Industrial Development Organization (UNIDO) was founded the Republican center for technology transfer (RCTT) [15].

Currently, technology transfer centers operate at more than 10 universities. There are also 18 science and technology parks operating in the country. The main objectives of such parks are to promote the development of entrepreneurship in the scientific, technical, and innovative spheres and to create conditions for the implementation of innovative activities by legal entities and individual entrepreneurs [8, 11].

We can see that innovation activity in the country is supported at the state level. However, one should pay attention to the fact that in recent years, with an increase in the number of organizations engaged in R&D and their commercialization, there has been a significant decrease in the number of applications filed for patenting inventions [17].

In Poland innovative activity in 2017-2019 was declared by 21.7% of industrial enterprises and 13.7% of service enterprises, compared to 26.1% and 21.0%, respectively, in 2016-2018. In the period 2017-2019, innovations (new or improved products or business processes) were introduced by 18.9% of industrial enterprises and 11.9% of service enterprises, i.e. less than in 2018, when they were introduced by 24.0% and 19.6% of the surveyed enterprises [5].

Both product innovations and business process innovations were more often introduced by industrial enterprises than by service enterprises (13.6% and 15.3%, respectively, compared to 6.3% and 10.3%). 12.5% of industrial enterprises and 3.1% of service enterprises introduced improved products, while new or improved services were introduced by 3.9% of

industrial enterprises and 4.7% of service enterprises. Business process innovations were implemented by 15.3% of industrial enterprises and 10.3% of service enterprises. Industrial companies most often introduced new or improved methods of manufacturing products (9.9%), and service entities – new or improved methods of division of tasks, decision-making powers or human resources management (5.7%).

In industrial enterprises, investment outlays for fixed assets and intangible assets dominated, which accounted for 47.3% of all expenditure on innovation. Service enterprises spent the most funds on research and development (62.7%), as well as on investments in fixed assets and intangible and legal assets (23.0%).

9. **Conclusions**

The analysis of The Global Innovation Index in terms of the main components (Innovation Input and Innovation Output Sub-Indexes) and in dynamics allows us to conclude that Poland surpasses Belarus in terms of innovative development.

The grouping of the countries according to the calculated coefficient of efficiency of the innovation infrastructure (CEII) indicates that both states are in the same group, characterized by the average efficiency of innovation infrastructure. However, it is needless to say about equality of the positions. Thus, Belarus is not far from the lower border with a CEII of 0.5138, while Poland closes the group with CEII of 0.6276. This means that Polish investments are beneficial to Belarus not only from a financial, but also from a technological point of view.

Despite the difference in the level of technological development, the economies of Belarus and Poland share some common features. The analysis revealed that among the factors of technological development there are both positively and negatively affecting the investment climate of the studied countries. According to the data the positive dynamics of GII, the increased R & D funding, the growing innovative activity of enterprises, the development of e-services, the growth of the level of digitalization of the economies are positively perceived by potential investors. At the same time the misbalance between Innovation Input/Output Sub-Indexes, the low share of R&D expenditures in GDP and the suboptimal technology transfer mechanisms affect adversely the investment attractiveness of the countries.

We can also conclude that there is a certain imbalance between the links of the technological chain on the way from R&D to their patenting and implementation in the production process. It is obvious that in the current conditions, the entities of the innovation infrastructure of the Republic of Belarus and Poland should focus on quality input of R&D and improving the efficiency of the mechanism of their commercialization.

References

1. About the global innovation index [Electronic resource] The Global Innovation Index official website – Access mode:

- <https://www.globalinnovationindex.org/about-gii>. – Access date: 27.05.2021.
2. Eurostat [Electronic resource] Eurostat official website – Access mode: <https://ec.europa.eu/eurostat>. – Access date: 20.04.2021.
3. Global connectivity index. Country Rankings [Electronic resource] Huawei official website. – Access mode: <https://www.huawei.com/>. – Access date: 24.03.2021.
4. Global innovation index [Electronic resource] WIPO. – Access mode: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf. Access date: 19.03.2021.
5. Główny Urząd Statystyczny [Electronic resource] Official website. – Access mode: <http://stat.gov.pl>. – Access date: 10.5.2021.
6. Growth Perspectives for Polish ICT Sector by 2025, Polish Agency for Enterprise Development, Warsaw 2017.
7. Innovation performance review of Belarus [Electronic resource] UNECE. – Access mode: <https://unece.org/>. – Access date: (08.04.2021)
8. Innovative infrastructure [Electronic resource] State Committee on Science and Technology of the Republic of Belarus. – Access mode: <http://www.gknt.gov.by/>. – Access date: 25.03.2021.
9. Kosobutskaya, Y. Investment attractiveness of the region: evaluation methods / Y. Kosobutskaya // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management. – 2019. – № 1. p. 32-37.
10. Kuznetsova, S. Investment climate rating evaluation: the case of Ukrainian economy [Electronic resource] Financial Risk and Management Reviews. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/317618485_Investment_Climate_Rating_Evaluation_The_Case_of_Ukrainian_Economy. – Access date: 08.04.2021.
11. Law of the Republic of Belarus “On state innovation policy and innovation in the Republic of Belarus” [Electronic resource] National Legal Internet Portal. – Access mode: <https://www.pravo.by/>. – Access mode: 25.03.2021.
12. Level of R & D expenditures in the countries of the world [Electronic resource] – Access mode: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure>. Access date: 22.03.2021.
13. Ogorodnikov, P. I. (2014) Comparative analysis of methods for assessing the investment attractiveness of individual economic systems [Electronic resource] – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-metodik-otsenki-investitsionnoy-privlekatelnosti-otdelnyh-ekonomicheskikh-sistem/viewer>. Access date: 07.02.2021.
14. Ranking of countries by level of innovation [Electronic resource] NONNEWS. – Access mode: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index>. Access date: 19.03.2021.
15. Republican center for technology transfer [Electronic resource] Official website. Access mode: <https://ictt.by/>. – Access date: 25.03.2021.
16. Savelenko, V. Methodological approaches to assessing the investment attractiveness of regions [Electronic resource] Scientific and practical journal “Service Sector: Innovations and Quality”. Access mode: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2013_13_12.pdf. – Access date: 07.02.2021.
17. Science and innovation activity in the Republic of Belarus [Electronic resource] National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – Access mode: <https://www.belstat.gov.by/>. Access date: 22.03.2021.
18. Silva-Leander, K. Making sense of investment climate surveys [Electronic resource] International Conference: “Reforming the Business Environment”. – Access mode: <http://www.business-environment.org/dyn/be/docs/69/Session1.1LeanderDoc.pdf>. – Access date: 22.03.2021.
19. State Program “Digital Development of Belarus” for 2021-2025 [Electronic resource] National Legal Internet Portal. – Access mode: <https://pravo.by/>. – Access date: 23.03.2021.
20. Statista [Electronic resource] – Access mode: <https://www.statista.com>. – Access date: 12.05.2021.
21. Statistical Yearbook of the Republic of Belarus: stat. digest / Nats. stat. com. Rep. Belarus. – Minsk: RUE “Information and Computing Center of the National Academy of Sciences. stat. com. Rep. Belarus”, 2020 – 436 p.
22. Strategy “Science and Technology: 2018 – 2040” [Electronic resource] National Academy of Sciences of Belarus. – Access mode: <https://nasb.gov.by/>. – Access date: 24.03.2021.
23. The unified portal of e-services [Electronic resource] Official website. – Access mode: <https://portal.gov.by/>. – Access date: 26.03.2021.

УДК 001.895:338.45:621.7
ГРНТИ 06.81.23

Avdeychik O.V.
PhD in economics, associate professor,
Grodno State Agrarian University

INTELLIGENT COMPONENT OF CONVERGENT TECHNOLOGIES OF POSTINDUSTRIAL ECONOMY

Авдейчик Ольга Васильевна
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансов и анализа в АПК,
Гродненский государственный аграрный университет

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.163

Summary. The analysis of studies on the problem of the formation of a new economy with the use of convergent (NBIC) technologies is carried out. The prevalence of overestimated expectations from the use of technologies of the 5th and 6th modes in the developed spheres of social systems activity was established, while ignoring or underestimating the possible negative consequences of their implementation. The necessity of implementing the concept of intellectual support in the activities of economic and social systems, including the components of predetermination, validity, permanence, adequacy, which form the prerequisites for the purposeful creation of intelligent products of a given functional purpose for all stages of the life cycle of innovative products, is shown.

Аннотация. Проведен анализ исследований по проблеме становления новой экономики с применением конвергентных (NBIC) технологий. Установлено преобладание завышенных ожиданий от использования технологий V и VI укладов в развитых сферах деятельности социальных систем при игнорировании или недооценке возможных негативных последствий их реализации. Показана необходимость воплощения концепта интеллектуального обеспечения в деятельности экономических и социальных систем, включающего компоненты предопределённости, обоснованности, перманентности, адекватности, которые формируют предпосылки для целенаправленного создания интеллектуальных продуктов заданного функционального назначения для всех стадий жизненного цикла инновационной продукции.

Key words: intelligence, convergence, technology, post-industrial technology, paradigm, intellectual support, life cycle.

Ключевые слова: интеллект, конвергенция, технология, постиндустриальная технология, парадигма, интеллектуальное обеспечение, жизненный цикл.

Введение. Мировая экономическая система, как и её региональные составляющие, находятся в стадии перехода к новому сущностному состоянию, которое характеризуется увеличением роли знаний высокого уровня в развитии всех составляющих социально-политических систем – производственной, социальной, менеджерской, административной, образовательной, научной. Особенность этого состояния подчёркивают используемые определения новой экономики, как «экономики знаний», «экономики постиндустриального производства», «цифровой экономики», «конвергентной экономики» и др. [1–13]. В многочисленных исследованиях, посвящённых рассмотрению различных аспектов формирования экономики с определяющим фактором развития в виде знаний и разработанных на их основе технологий (hi-tech, конвергентных, прорывных и т.п.), однозначно констатируется необходимость разработки новых методологических подходов к их реализации на глобальном, региональном и объектном уровнях [1–13].

Центральное место в исследованиях занимает совокупность нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий (NBIC), названных, согласно [14], конвергентными технологиями.

Анализ исследований указывает на неоднозначность оценки роли конвергентных технологий в развитии глобальной, региональной и субъектных экономик. Поэтому представляет существенный интерес рассмотрение этого феномена в преломлении к особенностям экономического развития Беларуси.

Результаты и обсуждение. Современные исследования различных аспектов становления и развития новой экономики используют терминологический и понятийный аппарат, в котором присутствует элемент «интеллектуальный». Рассматривают «интеллектуальные услуги», «интеллектуальный каркас», «интеллектуальные потребности», «интеллектуализацию обучающих технологий», «интеллектуализацию экономики» и т.п. [2–5, 7–9, 12–13]. На наш взгляд, использование элемента «интеллектуальный» в ряде случаев носит

искусственный характер и позволяет создавать идиоматические выражения с неопределённой сущностью. Например, словосочетание «интеллектуальная экономика» или «экономика знаний» косвенным образом указывает на недостаток этих компонентов (интеллекта, знаний) в экономике IV и V укладов, что не соответствует действительности, так как технологии 19 века характеризовались высоким уровнем научного обеспечения, который позволил сформировать промышленность эффективных материалов, в том числе искусственных и синтетических, авиационную и автомобильную промышленности, энергетику и другие отрасли, которые определили саму возможность разработки новых технологий, в том числе конвергентных. В новой экономике меняется не столько научный (знаниевый, интеллектуальный) компонент, сколько его содержание, которое благодаря интенсивному развитию исследовательской базы позволило трансформировать сложившиеся парадигмы в научных направлениях, отнесённые к основополагающим – физике, химии, биологии, математике.

На наш взгляд, целесообразно для характеристики особенностей современного экономического и социального развития использовать понятие «интеллектуальное обеспечение», которое предложено нами в начале 21 века и рассмотрено в ряде монографий [15, 16]. Использование понятия «интеллектуальное обеспечение» применительно к научно-исследовательской, производственной, образовательной и иной деятельности институциональных компонентов государственных, региональных и субъектных комплексов позволяет подчеркнуть необходимость системного подхода к функционированию современной экономики, который основан на базовых составляющих – предопределённости, перманентности, обоснованности, адекватности интеллектуального фактора в экономическом и социальном развитии хозяйственных комплексов постсоветского пространства.

В работе [17] отмечают: «...Трансформационные изменения в мире и в России, усиленные геополитическим соперничеством союзов и отдельных государств, вызвали повышенный спрос на новые концептуальные исследования и разработки в сфере развития социально-экономических процессов на разных уровнях мировой хозяйственной системы. На макроуровне это связано с переходом к *новой парадигме развития, ориентированной на реальный сектор экономики – становление новой индустрии на базе высших технологических укладов. Такая парадигма развития в экономической науке получила название неоиндустриализация*» (выделено нами О.А.) ([17], стр.2). С точки зрения Губанова С.С. «Новая индустриализация – это создание первоклассного (?) базиса для инноваций. Поэтому *новая*

индустриализация определяется так – умная индустриализация, наукоёмкая, интеллектуальная» (выделено нами О.А.) ([17], стр.13 со ссылкой на [18]).

Новую индустриализацию («неоиндустриализацию», «постиндустриальную экономику») исследователи связывают с широким практически использованием конвергентных (NBIC) технологий во всех сферах деятельности социумов. При этом, неоднозначность результатов применения NBIC-технологий, отсутствие доказанных механизмов влияния их продуктов на производственные и социальные процессы формируют полярные прогнозы их расширенного использования.

Так, в [2] отмечают: «*Человечество встретило XXI век с некоторой неопределённостью и даже противоречивостью*, по крайней мере, с точки зрения осознания себя, перспектив социального развития и их соразмерности природной заданности мира» (выделено нами О.А.) ([2], стр.22).

На наш взгляд большая часть социума не ощущает этой «неопределённости» и «противоречивости», так как благодаря интенсивному воздействию ангажированных средств, так называемой «массовой информации» и низкому уровню образования вследствие осознанного трансформирования классического метода получения знаний в систему предоставления образовательных услуг, значительная часть социума отождествляет себя с «творцами нового мира» (техносферы), который будет превосходить природный мир по степени совершенства, которая понимается как количество и качество технологических средств для получения максимального удовлетворения во всех формах проявления в течение собственной жизни.

Автор работы [2], с удовлетворением отмечает: «Люди гордятся тем, что в ней (*природной заданности мира* – подч. нами О.А.) их выделяет разум. При этом они создают так называемую *вторую природу – технизированный мир (техномир), наделяя его объекты фантастическими свойствами, стирающими границы между естественным и искусственным*» (выделено нами О.А.) ([2], стр.22). Необоснованная «гордость обладания разумом» приводит некоторых субъектов к осознанному представлению о своём исключительном предназначении в существующем мире в качестве творцов «нового мира». При этом эти «творцы» даже не представляют себе сущность основных принципов мироздания, связанных с возникновением материи, особенностями её воплощения в органических и неорганических объектах, структурном совершенстве материальных объектов природного мира, наличием гармоничного взаимодействия на разных стадиях существования и т.д. Мировой социум, увлечённый прогнозами создания новой среды обитания – «техносферы» (или «техномира»

согласно автору [2]), не разрабатывает средств, предотвращающих разрушение материальных основ для его создания – природного мира. Необходимо напомнить футурологам такого типа, что для создания «чудесного» техномира [2] необходимы материальные, энергетические субстанции, даже если они находятся в атомарном, молекулярном, наноразмерном и других состояниях.

Понятие «технический» или «научно-технический прогресс» – это искусственно построенная словесная конструкция, которая не рассматривает основной компонент для целеполагания какой-то деятельности – формирование гармоничного человека с доминирующими нравственными компонентами самосознания, а, значит, и поведения в социуме. Кроме того, экологические последствия так называемого «научно-технического прогресса» привели к глобальному нарушению гармоничных природных процессов, часто необратимым, что ставит под угрозу саму возможность существования цивилизации при сохранении существующей методологии развития техносферы с превалирующим критерием достижения максимального экономического эффекта.

Быстро нарастающие негативные тенденции разрушения исходного равновесия во всех компонентах природного мира – атмосфере, геосфере, аквасфере, вызывают обоснованную тревогу у специалистов, которую скептики называют «алармистскими настроениями». Так в работе [2] автор отмечает: «Сторонники алармистского настроения утверждают, что в новейшей мировой истории развитие техники и технологий обусловило ряд катаклизмов и экологических катастроф, сделало возможным глобальный терроризм, информационные войны и «twitter-революции». Они не согласны с тем, что технико-технологический прогресс – создание новых чудесных (?) нано-, био- и информационных технологий – *позволит решить существующие проблемы и спасёт человечество от исторического тупика (?) или глобальной катастрофы*» (выделено нами О.А.) ([2], стр.23).

Автор работы [3] оперирует типичными терминами средств массовой информации о «чудесном» (?) преобразовании мировой системы, выводе её из «исторического» тупика (?), не пытаясь даже рассмотреть реально сложившуюся негативную тенденцию разрушения всех составляющих экосферы без разработки сколь-нибудь эффективных способов, если не её предотвращения, то, хотя бы, замедления. Неоправданные оптимистические ожидания от неоиндустриализации, базирующейся на использовании конвергентных технологий, некоторые исследователи связывают с достижениями научно-технического прогресса с его утилитарной целью, состоящей в повышении благосостояния человека. Например, в работе [2], указывают: «В большинстве трудов по истории

философии техники её *зарождение, социальный смысл и назначение усматривают в стремлении обеспечить жизнь, повысить производительность труда, минимизировать зависимость от природы, освободиться от рутинной работы и создать возможности для творчества*» (выделено нами О.А.) ([2], стр.23). Такая сентенция однозначно указывает на осознанное отделение человека от природы, хотя человек – только часть природного мира и его существование возможно только в гармонии с другими его частями. Творческое развитие возможно только в осознанном восприятии человеком своего несовершенства на основе интеллектуальной (мыслительной) деятельности и стремлении к реализации и совершенствованию своих способностей (талантов) в соответствии с высшими критериями нравственности и гуманизма. Понимание «техники» (в расширенном содержании) как способа удовлетворения своих потребностей приводит к эффекту разрушения под благовидными предлогами. Псевдонародные «пугачёвские» бунты по разрушительности действия равнозначны «пугачёвщине» в современных формах культурного развития – музыке, живописи, фильмографии, литературе и т.п. Направленная деятельность индивидуума только в целях удовлетворения своих потребностей разрушительна для социума. О. Шпенглер в работе «Человек и техника» писал, что «... *основные антропологические характеристики индивидуума сводятся к жёсткости и проявляются в его инстинктах хищника, опасного существа, ориентированного на господство и абсолютную власть над природой и другими людьми*» (выделено нами О.А.) ([2], стр.24). Вся история развития цивилизации подтверждает справедливость этого вывода.

Односторонний подход к оценке перспектив практического использования разработок, полученных на основе конвергентных технологий, формирует необоснованные ожидания в обществе. Так в работе [2], утверждают, что «*Нанотехнологии действительно дают возможность воспроизводить окружающий мир с помощью тех же приёмов, которые использует природа*» (выделено нами О.А.) ([2], стр.25). Это типичное заблуждение «теоретиков от философии», которые не имеют собственных представлений о сущности нанотехнологий, а используют навязанные мифы, разработанные, главным образом, для получения финансирования для исследования конвергентных технологий ангажированными средствами массовой информации, так как, во-первых, нам не известны природные «приёмы» по созданию компонентов окружающего мира, а во-вторых, мы не имеем понятия о гармонизации (соподчинённости и взаимосвязанности) всех объектов органического и неорганического происхождения, составляющих природный мир.

Нельзя согласиться с утверждением и о том, что «...*конвергентные нано-, био-, инфо-, когнитивные*

и социальные (НБИКС) технологии открывают возможности адекватного воспроизведения систем и процессов живой природы в координатах современной социальной практики. Это делает их эффективным инструментом для формирования качественно новой техносреды, которая станет органичной частью не только новой социальной, но и, что принципиально, природной реальности» (выделено нами О.А.) [2, стр.25]. Это необоснованный взгляд на сущность конвергентных технологий, которые в настоящее время являются в большинстве случаев только попыткой внести технологические коррективы в сложившиеся природные процессы, обусловившие формирование материальных объектов во всех формах их проявления, мыслительной (когнитивной) деятельности человека, механизмы реагирования биологических систем на внешнее воздействие.

Современный уровень развития науки не дает однозначных оснований создавать «техномир» («техносреду»), который может не только не совершенствовать «природную реальность», но и её разрушить. Сознательно (или бессознательно) замалчиваются негативные составляющие всех «конвергентных» технологий, которые уже на начальной стадии их практического воплощения обладают выраженным неблагоприятным действием на все компоненты социума – производственный, экологический, экономический и т.п. Например, доказанное негативное действие наночастиц на биохимические процессы, определяющие жизнеспособность человека, животного и растительного мира, может привести к разрушению сложившегося цикла, обеспечивающего их существование и развитие уже в недалёком будущем. Приобретение навыков манипулирования простейшими элементами сложных систем (атомами, квантами, битами информации и т.п.) ещё не означает обладания тайной создания этих систем в гармоничном взаимодействии с окружением.

Дж. Коатес утверждает, что «В последние годы много говорят о нанотехнологии. Её «конечная предельная цель» как раз и сводится к тому, чтобы «стать аналогом технологий природных». В наномире речь идёт «о манипуляциях отдельными атомами или молекулами». Природа знает, как это делать. Она превращает неживые материалы в протоплазму, а «затем в растения или животных» (выделено нами О.А.) [2, стр.25, со ссылкой на [19]]. При этом однозначных результатов, которые дают основание утверждать о возможности создания антропоморфных технических систем с признаками живых организмов во всех их проявлениях не существует и рассуждения на тему представляются в настоящее время необоснованными.

В работе [2] со ссылкой на исследования Ковальчука М.В. и соавторов [20] отмечают, что: «Очевидно, что двигаясь по пути синтеза природоподобных систем и процессов,

человечество рано или поздно подойдёт к созданию антропоморфных технологических систем, высокоорганизованных «копий живого» (выделено нами О.А.) [2, стр.25]. На наш взгляд, это завышенные и, часто, необоснованные ожидания, потому что при нынешнем состоянии науки рассматривать механизмы формирования и функционирования живой природы в полной мере невозможно, а упрощённое их моделирование, в том числе с помощью конвергентных технологий, может привести к катастрофическим последствиям, например, созданию нанообъектов с выраженным негативным воздействием на человека или животный мир.

Нанотехнологии – это не только «манипуляции отдельными атомами или молекулами», а, прежде всего, управление структурными параметрами систем с использованием наноразмерных компонентов или фаз. При этом механизмы живой природы можно только моделировать с известной степенью адекватности, но никак не подменять. Оптимистические ожидания от масштабного использования конвергентных технологий формируют некорректные представления о достигнутых при их применении практических результатах. Так в [2], утверждают, что «...сегодня мы имеем дело с нетрадиционными формами проектирования и в буквальном смысле социализации техники. Речь идёт не о простом копировании природы, подражании живому и конструировании искусственного технического мира. Эту стадию развития человечество уже прошло (?). Намечается тенденция синтеза живого и технического с выстраиванием стратегии создания искусственным образом» (выделено нами О.А.) [2, стр.25]. По нашему мнению, это некорректная оценка сущности техносферы. Все известные технические разработки не только являются упрощённым «подражанием живому», но и не достигли параметров характеристик, свойственных для этих природных объектов. Например, до сих пор неизвестны конструкции летательных аппаратов, близких по параметрам к параметрам крыльев птиц, насекомых, не выявлена структура природных материалов органического и неорганического происхождения, в том числе воды и т.п.

Современные технологии, в том числе и нанотехнологии, разработаны на базе концепта незавершенного цикла, в котором проблема эффективного использования сырьевых материалов и рециклинга амортизированных изделий решена только частично при отсутствии природной предрасположенности к усвоению и трансформированию большинства видов материальных субстанций под действием комплекса химических, физических, биологических и других процессов. Именно этот аспект требует системной оценки роли конвергентных технологий в развитии социумов.

Разработан ряд концепций формирования цивилизации при расширении применения знаний высокого уровня. В работе [2] отмечают, что «Наиболее глубокую разработку концепция общности техно- и биоразвития получила в *теории технетики*, центральной темой которой выступает понятие *техническая реальность*» (выделено нами О.А.) [2, стр.25]. Российский исследователь Кудрин Т.И. считает, что «Всё окружающее бытие есть некоторая техническая реальность – нет ни одного клочка суши или глотка воды, вдоха того, что мы называем воздухом, где не обнаружилось бы техногенные следы» [21]. При этом «...всё что существует в природном и социумном мире в ходе социоприродной революции превращается в техническое в его различных разновидностях – в *технически мёртвое, в технически живое, в технически интеллектуальное*» (выделено нами О.А.) [2, стр.26, со ссылкой на [21]].

Эллиот Ж. утверждает, что «...Техника сама становится средой, в самом полном смысле этого слова. *Техника окружает нас, как сплошной кокон без просветов, делающий природу ... совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной*» (выделено нами О.А.) [2, стр.26, со ссылкой на [22]]. Это упрощённое понимание сущности техники, которое формирует представление о ненужности, «бесполезности, покорности, вторичности, малозначительности» самого человека, как части природы.

Завышенные оптимистические прогнозы состояния и перспектив развития высоких технологий, прежде всего конвергентных, создают предпосылки разработки неоднозначного научного обоснования нового мира. Например, в [2] отмечают: «Технобиоэволюция уже стала реальностью и в её процессе человек действительно становится более технологизированным существом. В виде новых технологий он получает инструмент не только для совершенствования быта, организации досуга, улучшения производственно-экономических показателей, но и для трансформации себя как вида» (выделено нами О.А.) [2, стр.27]. Нам представляется, что весь вопрос состоит в направлении трансформирования (а не трансформации) «себя как вида». Никаких реальных и убедительных подтверждений о совершенствовании человека как «вида» с интеллектуальными способностями, кроме декларируемых в научных источниках, не существует. При этом формируется стратегия виртуализации действительности, в том числе с использованием «симулякров», которые создают у обладателя иллюзию собственной значимости и совершенства. Между тем, достижения отдельных личностей в научной, литературной, музыкальной и других видах творческой деятельности свидетельствуют об отсутствии обоснованных представлений о механизмах креативного мышления и реальном потенциале интеллекта человека, даже не обладающего техническими

гаджетами различного назначения. Поэтому, прежде чем «трансформировать себя как вид» человек должен познать свою сущность в полном объёме для реализации интеллекта, заложенного при рождении.

Завышенные, на наш взгляд, ожидания от использования конвергентных технологий в институциональном развитии социумов различного уровня приводят к интенсифицированному исследованию формирования постчеловеческих структур, в которых главным компонентом будет «модифицированный» человек. Так в работе Юдина Б.Г. считают, что «Следующий шаг в этом направлении (трансформирования человека – прим. наше О.А.) ведёт к тому, что можно назвать радикальной модификацией человека. Это уже не просто его «улучшение», а создание человека (!) с заранее заданными свойствами» (выделено нами О.А.) [2, стр.27, со ссылкой на [23]].

Создание «модифицированного» человека предполагают с использованием конвергентных технологий путём «нового взаимодействия науки и технологии – технонауки (technoscience) [2, стр.28]. При этом отмечают, что «Самый очевидный признак технонауки – существенно более глубокое, чем прежде, встроение научного познания в деятельность по созданию новых технологий» (выделено нами О.А.) [2, стр.28].

По определению немецкого философа Ф. Шефера, приведенному в [23], «Технонаука – это гибридный научной технологии и технологизированной науки» (выделено нами О.А.) [2, стр.28]. Отметим, что в понимании термина «технология», как науки, исследующей влияние заданных параметров внешних воздействий на структуру и свойства продукта (как материального, так и не материального), не предполагает разделение сущности категорий «наука» и «технология». Как ранее нами отмечено, все технологии, используемые институциональными компонентами социумов, представляют собой результат научной деятельности. Поэтому словосочетания «онаученная технология», «технологизированная наука», «технонаука», на наш взгляд, не более чем результат оперирования терминами без оценки и понимания их сущностного содержания. Поэтому прогнозы о формировании с помощью «технонауки» нового мира, который будет иметь «... свою антологию и эпистемологию, свою логику, этику и эстетику, свои законы пространства и времени, случая и судьбы, свою философскую матрицу, которая сознательно или бессознательно кладется в основу его технологического построения и программного обеспечения» (выделено нами О.А.) [2, стр.28, со ссылкой на [24]], на наш взгляд, неоправданы не только не разработанностью заявленных приложений конвергентных технологий, но и отсутствием в настоящее время осознанного представления о целесообразности их применения с учётом реалий цивилизационной структуры,

характеризующейся выраженным градиентом технологического и экономического развития, наличием характерных национальных групп со специфическими культурными, образовательными и религиозными особенностями, отсутствием эффективного противодействия негативным последствиям использования технологий незавершённого цикла. Вся история развития цивилизации с использованием новейших технологий как промышленных, так социальных и политических базируется на концепте *незавершённого цикла*, в соответствии с которым применяют технологии, которые обеспечивают прогнозируемый эффект в конкретном приложении – материаловедческом, производственном (например, увеличение производительности), управленческом (например, уменьшение числа занятых в производстве), политическом, социальном, образовательном и т.п. Совокупный эффект от применения новой технологии как правило не анализируется в угоду достигаемому эффекту в конкретном приложении. Вследствие этого, все технологии, определяющие функционирование и развитие социумов (от технологий связанных с применением пара, энергоресурсов, материалов и т.п. до лазерных, ядерных и других технологий высокого уровня), имеют негативные последствия, которые прямо и опосредованно проявляются в определённом временном промежутке.

По утверждению Эрвина Ласло мы существуем в «... эпоху глубокой трансформации – сдвига в цивилизации» [25, стр.16-21]. Этот сдвиг Э. Ласло называет макросдвигом, понимая под этим термином «... *бифуркацию в динамике эволюции общества*, в нашем мире, насыщенном взаимодействием и взаимозависимостью, ... *бифуркацию человеческой цивилизации и её квазицелостности*» (выделено нами О.А.) [25]. В настоящее время, как полагает Э. Ласло, «мы находимся в третьей критической (или «хаотической») фазе макросдвига. В этой фазе человеческое общество, как системная целостность, становится чувствительным к *малейшим флуктуациям окружающей его среды, которая сама в свою очередь, всё более становится искусственной, технизированной и неравновесной*» (выделено нами О.А.) [10, стр.49].

В условиях проявления макросдвига в ряде исследований особое значение придано особое значение нанотехнологии, которая по утверждению [10] «... пытается понять и использовать принципы, лежащие в основе природных процессов (и, прежде всего, принципы синергичного единства природы на уровне наномасштабов) для преодоления традиционных барьеров между *естественными науками и инженерией, инженерными науками и технологиями*. Тем самым *нанотехнологию можно также рассматривать как своего рода метатехнологию, технологию «второго порядка», технологию технологий, открывающую путь для возникновения целого веера (?) новых*

возможностей преобразования человеком, как мира, в котором себя он обнаруживает, так и самого себя в этом мире» (выделено нами О.А.) [10, стр.49]. На наш взгляд, это типичное непонимание сущности понятий «наука», «инженерия», «технология», в котором считают, что это различные области интеллектуальной деятельности. Между «естественными науками» и «инженерией», равным образом как между «инженерными науками» (?) и «технологиями», не существует никаких «традиционных барьеров», так как эти области интеллектуальной деятельности базируются на знаниях в различных формах практических приложений. Если следовать терминологии автора работы [10], то «технология» – это какая-то обособленная область интеллектуальной деятельности, характеризующаяся специфическими параметрами процесса мышления. Между тем, как ранее отмечено, «технология» – это, прежде всего, наука о закономерности протекания каких-то процессов технического, социального, политического характера при изменении воздействующих параметров. В настоящее время нанотехнологии представляют собой *попытку* копирования объектов, которые существуют в природе, путём манипулирования отдельными элементами. Этот процесс происходит на уровне *повторения*, а не *создания* новых принципов существования материальных объектов, так как гармония существующего мира является непознанной областью. Поэтому считать нанотехнологию в нынешнем состоянии её развития «метатехнологией» [10] является необоснованным и некорректным.

Имеющиеся попытки выделения первичных элементов (атом, бит, нейрон и т.д.), их которых можно будет сформировать любой материальный объект или интеллектуальную систему, явление, носят поисковый, а не фундаментальный характер, так как не познаны причины формирования упорядоченных систем такого уровня и их гармоничного взаимодействия с другими системами. Очевидно следует согласиться с утверждением, высказанным в [2]: «*Построение пути в человекомерное будущее, при всей его квантово-сложностной неопределённости, а потому и растущей рискованности, насыщенности возможными катастрофическими сценариями, возможно при наличии новых инструментов его конструирования, создания новых инновационных подходов.... Именно поэтому такие надежды возлагаются на конвергентные технологии.... Но эти надежды могут быть оправданы при том непременно условии, что в этот процесс будут вовлечены и социогуманитарные знания*» (выделено нами О.А.) [2, стр.44]. В связи с этим оправданной является необходимость разработки новой методологии технологического воздействия на все инфраструктурные компоненты социумов на базе концепта ноосферного развития, предложенного академиком Вернадским. В этом

аспекте утверждение Эпштейна М. о том, что «... Вырастает перспектива нового синтеза философии и техники – техносифия и софиотехника, которая теоретически мыслит первоначала и практически утверждает их в альтернативных видах материи, жизни, разума» (выделено нами О.А.) [2, стр.27, со ссылкой на [24]], является обоснованным.

Для реализации синтеза философии и техники, на наш взгляд, плодотворно сочетание двух концептов – ноосферного развития («ноосферной экономики») и жизненного цикла инновационной продукции, которые охватывают все сферы деятельности социумов. При этом следует внести коррективы в традиционную структуру жизненного цикла, согласно которой его первым этапом являются маркетинговые исследования рынка. В контексте изложенных выше результатов представляется очевидным предшествование первому этапу жизненного цикла инновационной системного анализа результатов интеллектуального обеспечения, которое базируется на компонентах предопределённости, обоснованности, перманентности и адекватности. Наличие этих компонентов однозначно предопределяет формирование инновационной восприимчивости производителей и потребителей, обосновывает актуальность разрабатываемого

направления, перманентно генерирует инновационный процесс создания интеллектуальных ресурсов с высокой адекватностью их реальным параметрам производства, рынка реализации и всех стадий жизненного цикла, в то числе рециклинга амортизированной продукции и технологических отходов.

Функциональная связь базовых компонентов интеллектуального обеспечения и стадий жизненного цикла инновационной продукции представлена на рисунке.

Особый интерес представляет это направление для государств, являющихся правопреемниками союзного комплекса с различным уровнем научно-технического, технологического, кадрового обеспечения и характерными национальными особенностями.

Беларусь и Россия относятся к числу государств СНГ, которые в значительной мере определяют стратегию функционирования и развития этого структурного формирования. При этом наблюдаются как совпадающие, так и различные методологические подходы к формированию экономики в рамках современной стратегии инновационного развития.

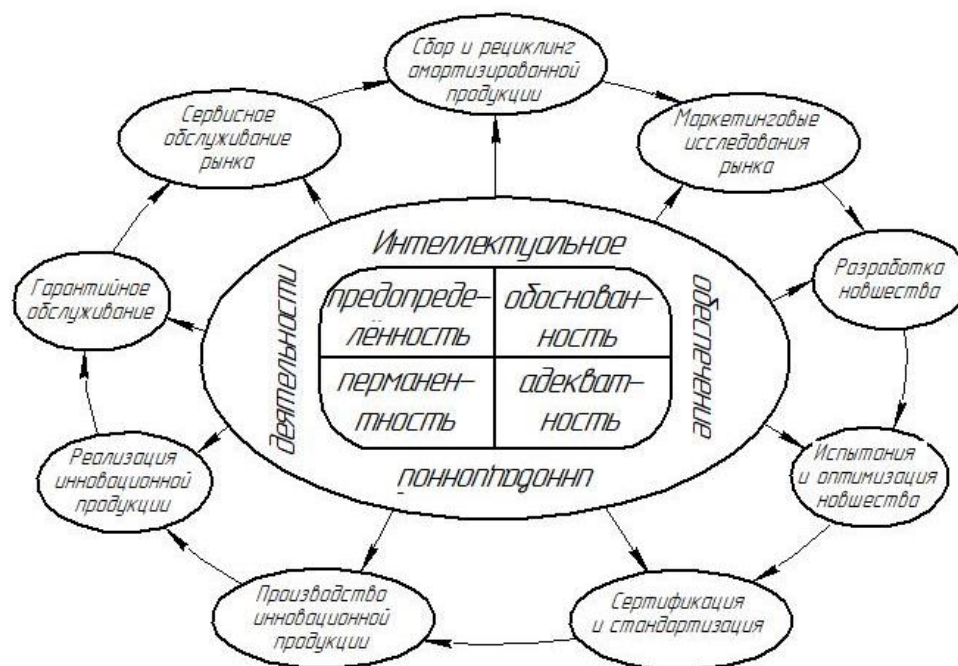

Рис. Функциональная взаимосвязь компонентов интеллектуального обеспечения инновационной деятельности и жизненного цикла продукции

Рассмотрение методологических подходов к формированию экономики в рамках современной стратегии инновационного развития является предметом самостоятельного исследования.

Заключение. Проведен анализ современных методологических подходов к формированию стратегии формирования и функционирования

постиндустриальной экономики, позиционируемой как экономики знаний.

Установлен тренд завышенных ожиданий от использования в различных сферах деятельности социумов технологий высокого уровня, к числу которых относятся конвергентные (NBIC) технологии. Показано, что необходимым условием эффективного использования конвергентных

технологий в экономических и социальных системах является системность в оценке их эффективности и возможных негативных последствий на сложившуюся инфраструктуру производственной деятельности и формирование социальных механизмов образования, безопасного и комфортного проживания, медицинского обслуживания.

Предложены направления развития и адаптации конвергентных технологий к совокупности стадий жизненного цикла инновационной продукции путем использования концепта интеллектуального обеспечения, базовыми составляющими которого являются интеллектуальная предопределённость, обоснованность, перманентность и адекватность, позволяющие создать интеллектуальные продукты для достижения синергического эффекта. Предложена функциональная взаимосвязь компонентов интеллектуального обеспечения и жизненного цикла инновации.

Список литературы:

1. Гусаков, В.Г. Научно-методические основы стратегии экономического развития страны на ближайшую перспективу / В.Г. Гусаков // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2020. – Т.64, №1. – С. 103–110.
2. Лазаревич, А.А. Горизонты техносциума / А.А. Лазаревич // Наука и инновации. 2014. – №3 (133). – С. 22–28.
3. Паньшин, Б.Н. Генезис и иерархия ключевых понятий в сфере цифровой экономики / Б.Н. Паньшин // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – вып.3. – С. 142–146.
4. Мелешко, Ю. В. Онтологическая природа экономики неиндустриального производства / Ю. В. Мелешко // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – вып.3. – С. 49–57.
5. Гончаров, В. Тройная спираль инноваций: белорусская адаптация модели // В. Гончаров, А. Коршунов // Наука и инновации. – 2014. – №9 (139). – С. 25–28.
6. Вайнштейн, Л. Научное обеспечение человеческого фактора в различных технологических укладах / Л. Вайнштейн // Наука и инновации. – 2014. – №7 (137). – С. 8–12.
7. Паньшин, Б. Интеллектуальный каркас экономики / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2014. – №10 (140). – С. 48–52.
8. Паньшин, Б. Интеллектуализация деловых услуг как основной фактор формирования «новой экономики» / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2014. – №8 (138). – С. 49–53.
9. Шилин, Л. Ю. Современные аспекты интеллектуализации обучающих технологий / Л. Ю. Шилин, А. А. Навроцкий, Л. С. Стригалёв // Высшая школа. – 2019. – №1. – С. 25–26.
10. Аршинов, В. И. Конвергентные технологии в контексте постнеклассической парадигмы сложности / В. И. Аршинов // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2015. – №3. – С. 42–54.
11. Данилин, И. В. Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал / И. В. Данилин // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т.17, №3 – С. 555–567.
12. Ланская, Д. В. Неиндустриализация в базе идей экономики знаний и высших технологических укладов / Д. В. Ланская, Л. И. Волкова, К. К. Губин, В. Е. Стрелков // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – №11(07). – С. 1–22.
13. Басалаева, О. Г. Технологический уклад информационного общества в контексте концепции конвергенции технологий / О. Г. Басалаева, Н. П. Лукина // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – №10(259), Выпуск 40. – С. 62–67.
14. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science// Ed. By M. C. Roco and W. Sims Bainbridge; National Science Foundation – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003 – URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf
15. Авдейчик, О. В. Интеллектуальное обеспечение инновационной деятельности промышленных предприятий: технико-экономический и методологический аспекты / О. В. Авдейчик и др.; под науч. ред. В.А. Струка и Л.Н. Нехорошевой. – Минск: Право и экономика, 2007. – 524 с.
16. Авдейчик, О. В. Основы научной и инновационной деятельности / О. В. Авдейчик, Л. П. Нехорошева, В. А. Струк; под науч. ред. Л. Н. Нехорошевой, В. А. Струка. – Минск: Право и экономика, 2016. – 490 с.
17. Волкова, Л. И., Ланская Д. В. Возможности и условия неоиндустриализации агропромышленного региона / Л. И. Волкова, Д. В. Ланская // Креативная экономика. 2017. – Т.11, №6. – С. 667–680.
18. Губанов, С. С. Державный прорыв. Новая индустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир. 2012 – 420 с.
19. Coates, J. The next twenty-five years of technology: opportunities and risk // 21st century technologies: promises and permits of dynamic future. OECD. 1998, Цит. по «Наука и общество на рубеже веков»: Ред.сб. / РАН ИНИОН. – М., 2000.
20. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О.Г. Нарайкин, Е. Б. Яцишина // Вопросы философии. – 2013. – №3. – С. 3–11.
21. Кудрин, Б. И. Метафизика технетики / Б. И. Кудрин // Становление философии и техники: техническая реальность и технетика. – М., 1997. – 346 с.
22. Эллюль Ж. Другая революция. Перевод на русский язык: В. В. Библихин. Новая

технократическая волна на Западе. Сборник статей. – М., 1986. Из книг: Trahison de l'Occident. P., 1975; L'empire du non-sens: L'art et la societe technicienne. P., 1980; Changer de revolution: L'ineluctable proletariat. – P., 1982. La subversion du christianisme. P., 1984. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 18.10.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6332>.

23. Юдин, Б. Г. Сотворение трансчеловека / Б. Г. Юдин // Вестник российской академии наук. – 2007. – №6. – С. 520–527.

24. Эпштейн, М. Техника – религия – гуманистика / М. Эпштейн // Вопросы философии. – 2009. – №12. – С. 19–29.

25. Ласло, Э. Макродвиг: (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 206 с.

УДК 001.895:338.45:621.7
ГРНТИ 06.81.23

Avdeychik O.V.

*PhD in economics, associate professor,
Grodno State Agrarian University*

INTELLECTUAL SUPPORT OF THE STRATEGY OF SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Авдейчик Ольга Васильевна

*кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансов и анализа в АПК,
Гродненский государственный аграрный университет*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.164

Summary. The features of the formation and development of the economy are investigated, the fundamental component of which is the results of scientific research, embodied in functional materials, technologies, designs. The imperfection of the conceptual and terminological apparatus used to analyze the economic development of systems of various levels is shown. Methodological approaches to innovative functioning using convergent technologies are considered. The expediency and efficiency of creating cluster structures, including various institutional components, for generating innovations with a high level of consumer characteristics are shown. The analysis of the directions of development of the cluster approach in the post-Soviet economic complexes is carried out. The expediency of the formation of scientific, educational and industrial cluster structures, allowing to achieve synergistic effects due to the integration of intellectual resources, is shown. The concept of convergence of various directions of intellectual activity of the institutional components of economic and social systems is proposed.

Аннотация. Исследованы особенности становления и развития экономики, основополагающим компонентом которой являются результаты научных исследований, воплощенные в функциональные материалы, технологии, конструкции. Показано несовершенство понятийно-терминологического аппарата, используемого для анализа экономического развития систем различного уровня. Рассмотрены методологические подходы к инновационному функционированию с использованием конвергентных технологий. Показана целесообразность и эффективность создания кластерных структур, включающих различные институциональные компоненты, для генерирования инноваций с высоким уровнем потребительских характеристик. Проведен анализ направлений развития кластерного подхода в постсоветских хозяйственных комплексах. Показана целесообразность формирования научно-учебно-производственных кластерных структур, позволяющих достичь синергических эффектов благодаря интегрированию интеллектуальных ресурсов. Предложен концепт конвергенции различных направлений интеллектуальной деятельности институциональных компонентов экономических и социальных систем.

Key words: *economy, sustainable development, digitalization, convergent technologies, intellectual support, convergence of intelligence.*

Ключевые слова: *экономика, устойчивое развитие, цифровизация, конвергентные технологии, интеллектуальное обеспечение, конвергенция интеллекта.*

Введение. Экономическое развитие на глобальном, государственном, региональном и субъектном уровнях характеризуется тенденцией увеличения роли функциональных продуктов, полученных на основе знаний трансцендентного характера в функционировании производственных, менеджерских, образовательных, правоохранительных, социальных компонентов

социумов, что дает основание использовать для его характеристики термины – «знаниевое», «цифровое», «креативное», «информационное», «конвергентное» и др. [1–12]. Одновременно разрабатываются методологические подходы к определению стратегии функционирования экономических и социальных систем различного уровня и понятийно-терминологический аппарат

для однозначной характеристики используемых принципов организации сферы производства, управления, маркетинга, образования, нормативного и правового обеспечения, социальной и природоохранной деятельности. Последнему аспекту научно-исследовательской деятельности придается особое значение, так как справедливо отмечено в [4]: «... согласно известным методикам анализа рисков утверждением, сформулированным известным учёным С. Капланом, 50% проблем в мире возникают из-за людей, которые используют одинаковые слова для обозначения разных понятий, а остальные 50% проблем возникают из-за людей, которые используют различные слова для обозначения одних и тех же понятий» (выделено нами О.А.) ([20], стр.142–143 со ссылкой на [11]).

При анализе особенностей современного развития экономических и социально-политических систем широко используют термины и понятия с неоднозначной сущностью и содержанием [9, 10, 12-22]: «надотраслевые технологии» [22], «технологическая культура» [22], «структурная конвергенция» [21], «органическая модернизация» [20], «интеллектуализация производства» [19], «интеллектуализация управленческой деятельности» [17], «интеллектуализация трудовой деятельности» [16], «интеллектуализация деятельности предприятия» [15], «конвергентно-индуцированный сдвиг» [14], «интеллектуальные потребности» [23], «интеллектуальные услуги» [9] и др. На наш взгляд содержание многих понятий, приведенных выше, носит искусственный характер, для подчеркивания особенностей экономики переходного периода, сохраняющих и традиционные методологические приемы, и элементы новых, разработанных с использованием знаний высокого уровня – интеллектуальных продуктов. Наличие элемента «интеллектуальный» в ряде случаев носит формальный характер, т.к. индустриализация, производство, управленческая и трудовая деятельность и т.д. безусловно, осуществляются на основе интеллектуальных ресурсов, разработанных системным образом. Поэтому разрабатываемый понятийный и терминологический аппарат для характеристики переходной и новой («постиндустриальной») экономики должен раскрывать сущность новых методологических подходов с однозначным трактованием.

Наличие широкого спектра понятий и терминов с неоднозначным содержанием затрудняет анализ современных тенденций экономического развития в странах постсоветского пространства, которые различаются по принятым стратегиям, материально-техническому, технологическому, ресурсному и кадровому потенциалу. При этом, вследствие длительного функционирования в едином хозяйственном комплексе у этих государств сохранились отдельные элементы совместной деятельности при выполнении проектов различного уровня и научно-

технического потенциала, сформированного системными исследованиями в базовых отраслях промышленного производства – машиностроении, строительной индустрии, энергетике, химической и перерабатывающей промышленности [12–16, 19–22, 24, 25]. Представляет существенный научный и практический интерес анализ методологических подходов к использованию интеллектуальных ресурсов различного вида и функционального назначения при разработке стратегий экономического развития с выраженным инновационным компонентом в хозяйственных комплексах постсоветского пространства.

Результаты и обсуждения. В исследованиях, посвященных анализу тенденций развития экономики на постсоветском пространстве, рассматривают положение отдельных государств – Беларуси, России, Украины в глобальном экономическом пространстве. Отмечено, что эти страны – это «*страны с незавершенной индустриализацией*, обремененные наследием распада советской системы» (выделено нами О.А.) ([20], стр.26). При этом экономика Украины, по мнению О. Бондарь-Подгурской, испытывает системный кризис, который обуславливает «... неспособность к реализации назревших реформаторских проектов и технологических инноваций» [25, стр.27].

Страны постсоветского пространства находятся в четвертой (индустриальной) фазе, в то время как США и страны ЕС в «... фазе перехода от пятой к шестой форме модернизации (то есть информационной и биотехнологической)» [24, стр.26]. В ряде случаев наблюдается процесс «деиндустриализации» [14,19], обусловленный разрушением сложившихся хозяйственных связей и изменением потребностей рынка в производимой продукции. Отмечают, что «... основной массив занятого населения (до 80%) ... составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий ... , имущественному положению, ... объему прав» (выделено нами О.А.) [24, стр.28].

При сформировавшемся технологическом отставании от ряда стран Европы, Америки, Юго-Восточной Азии для стран постсоветской системы характерен высокий интеллектуальный потенциал, обусловленный существовавшей системой образования и научной деятельности, развивающих исходную склонность к познанию, заложенную в менталитете славянских народов. Так «... По индексу человеческого развития Республика Беларусь находится на 50 месте среди 187 стран» [26, стр.44].

В постсоветских государствах сформировалась интеллектуальная элита, представляющая «... довольно тонкий слой в общей массе экономически активного населения, не особенно влияющий на электоральные настроения, но без нее нереально осуществить

научно-технологические прорывы, инновационные преобразования, модернизационную перестройку экономики» (выделено нами О.А.) [26, стр.47].

Наличие национальной интеллектуальной элиты в постсоветских государствах обусловлено формированием предпосылок не только сохранения эффективности ранее разработанных технологий на достаточно высоком уровне, обеспечивающем промышленное производство инноваций с высоким уровнем потребительских характеристик, но и развитие исследований в области высоких технологий, в том числе так называемых конвергентных. При этом наличие интеллектуальной элиты является основополагающим, но не достаточным условием разработки методологии экономики знаний, которая в качестве основного фактора эффективного функционирования рассматривает материализованные знания в различной форме их воплощения [27], как отмечал Э. Шредингер «Существует тенденция забывать, что все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой и что *научные открытия, даже кажущиеся в настоящий момент наиболее передовыми и доступными пониманию немногих и избранных, все же бессмысленны вне своего культурного контекста*» (выделено нами О.А.) [27, стр.10].

Поэтому необходимо формировать институциональные условия для целенаправленной и системной работы интеллектуальной элиты государства, способной проявить креативный подход к разработке инноваций во всех сферах деятельности экономических, политических, социальных, образовательных, научно-исследовательских компонентов [28]. Плодотворным методологическим подходом к созданию институциональных условий креативного развития интеллектуальной элиты в интересах эффективной экономики является формирование кластерных структур с различной формой взаимодействия основных составляющих – научно-исследовательского, образовательного, производственного в действующем административном, нормативном и правовом поле [28].

Кластерный подход связывают с возможностью ускоренной реализации конвергентных технологий в сложившемся производственном комплексе и также структурное трансформирование ключевых отраслей экономики, обеспечивающих жизнедеятельность региональных, государственных и надгосударственных комплексов. Так, в работе Жиронкина С. А. и соавторов [14] отмечено: «Мы полагаем целесообразным рассматривать конвергенцию технологий как релокацию производственных сил, формирование кластеров нового типа, в котором производители благ, характерных для современного витка научно-технического прогресса (таких как новейшие лекарства, средства глобального информационного

доступа, экологически чистая энергия и прочее), *самоорганизуется и координирует свою деятельность для достижения синергетического эффекта в технологической эффективности*. Такая релокация происходит в виде формирования глобальных кластеров конвергентных технологий сетевого типа» (выделено нами О.А.) [14, стр.71]. На наш взгляд данное утверждение не в полной мере соответствует представлениям о сущности конвергентных технологий. Деятельность кластерных структур является многоаспектной и предполагает не столько «достижение синергического эффекта в технологической эффективности», сколько создание новых видов продукции на базе знаний высокого уровня.

В этой же работе сказано, что «... *Сетевая сущность кластеров конвергентных технологий объясняется их сущностью, что делает невозможным созданием единого центра*». *Напротив, такие кластеры образуют собой полицентричную сеть, в которой происходит постоянный обмен ноу-хау и совместное патентование прорывных инноваций, внедрение которых постепенно принимает повсеместный характер*» (выделено нами О.А.) [14, стр.71]. В представленном варианте деятельности кластерных структур, сформированных на базе конвергентных технологий, нарушена логика инновационных процессов, согласно которой в начале разрабатывается методология создания новшества, и это осуществляется в едином центре кластера, а затем реализуется процесс использования или разработки функциональных новшеств в целевых компонентах кластерной структуры. Этот процесс осуществляется с использованием ноу-хау и завершается патентованием.

«Прорывные инновации» являются результатом разработанной методологии, а не следствием обмена и диффузии ноу-хау по случайному принципу. Поэтому наличие в кластерной структуре центрального элемента является методологически обоснованным и необходимым.

Характерной особенностью экономики Беларуси является сочетание различных факторов, имеющих противоположное действие. С одной стороны, производственный комплекс использует технологии, не утратившие своей эффективности, в рамках суверенного государства. Как отмечено в [29] «... *Научно-техническая сторона белорусских технологий традиционно сильна, так как в их основе лежат оригинальные, по-настоящему инновационные идеи*. Однако их рыночная составляющая не конкретизируется и требует серьезного совершенствования» (выделено нами О.А.) ([29], стр.49-50).

При этом справедливо указано, что «*Эффективная модернизация предполагает научное обеспечение, предсказательную аналитику и интеллектуальную составляющую*, происходит на стыке технологических укладов в условиях резко увеличивающейся сложности и скорости

ведения бизнеса, что требует формирования в стране соответствующей экономической среды» (выделено нами О.А.) ([29], стр.48).

Вместе с тем, установлено, что для Беларуси «Глобализация ..., выражающаяся в миграции населения малых городов в областные центры, усилила негативные тенденции в дотационных районах:

- снижение уровня и качества жизни населения;

- углубление социального неравенства;

- *устойчивое замедление технологического роста;*

- *деградацию материально-технической базы предприятий, организаций, учреждений и инфраструктуры;*

- *ухудшение профессионально-квалификационных и демографических характеристик населения, его социальной адаптации;*

- повышение социальной нестабильности» (выделено нами О.А.) ([30], стр.7–8).

Наблюдается быстрое старение высококвалифицированных кадров в высшей школе, Национальной академии наук. Заявление Пенязькова О. о том, что «... порядка 75% наиболее квалифицированных специалистов – докторов и кандидатов наук, работающих в Институте тепло- и массообмена им. А.В. Лыкова, являются людьми пенсионного возраста» ([31], стр. 46), отражает общую тенденцию изменения интеллектуального потенциала. Еще более выраженная негативная тенденция в этом аспекте характерна для регионов, которые и ранее имели неоднородное обеспечение кадрами высшей квалификации в ВУЗах и исследовательских учреждениях.

На наш взгляд, в неблагоприятную сторону изменяется и социальный статус работника интеллектуальной сферы деятельности – исследователя или преподавателя высшей школы. Между тем «... **плеяда выдающихся ученых физиков** (Максвелл, Рэлей, Томсон, Резерфорд) ... **не могла бы возникнуть если бы там** (в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета – прим. наше) и вообще в Англии **в то время не существовало культурной научной общественности**, правильно оценивающей и поддерживающей деятельность ученых...» (выделено нами О.А.) ([27], стр. 64). Адекватный социальный статус работника интеллектуальной составляющей государства позволяет ему в полной мере раскрыть свои потенциальные возможности, благодаря действию окружающего мира, потому что по утверждению Гёте «Мы одарены известными способностями, но своим развитием обязаны тысяче воздействий на нас великого мира, из которого мы черпаем и усваиваем всё, что можем и всё, что нам подходит» ([27], стр. 12). Во многих областях знаний белорусские научные школы сформировались благодаря появлению выдающихся специалистов из России и других республик союзного государства, которые явились

центрами не только развития собственного интеллекта и креативного мышления, но и развили эти способности у своих учеников. Эту особенность подчеркивает Е.Толкачев в [27]: «... Взгляните на биографии белорусских академик-физиков, избранных в 50-70 гг. прошлого века. В основном это выходцы из бедных крестьянских семей, но возможность работать в одной связке с выдающимися ленинградскими учёными, которую представляла нацеленная на инновации советская власть, превратила их в учёных с мировой известностью» ([27], стр. 13).

Наличие неформального лидера, генерирующего плодотворные идеи для развития научного направления, является по утвердившейся терминологии «точкой роста», которая приводит к появлению результатов высокого уровня – трансцендентных знаний, являющихся основой инноваций самого высокого уровня, и образования интеллектуального центра инновационного типа, потому что: «... Когда общество создаёт гения, он неизбежно выводит на арену историю группу талантов, и этому коллективу многое под силу» ([27], стр. 13).

Характерной особенностью экономики технологически развитых стран является выражаемое стремление доминирования, которое проявляется в различных формах. Закономерно считают, что: «*Идеологическая конкуренция, желание политического и экономического доминирования является основной движущей силой для многих стран и осуществляется на основе передовых научно-исследовательских разработок и соответствующей научно-технологической и инновационной политики*» (выделено нами О.А.) ([32], стр. 48).

При этом методологические подходы создания механизмов перманентного генерирования таких разработок многообразны и зависят от сложившихся традиций промышленной деятельности, нормативной правовой базы, системы собственности, ментальности, ресурсного обеспечения и других факторов. Для отечественной практики характерны попытки перенесения моделей инновационного развития, апробированных в технологически развитых странах, в сложившуюся инфраструктуру экономики с характерными особенностями её функционирования. Между тем, «... Государственные предприятия в нашей стране в большинстве своём пока не восприимчивы к нововведениям и не размещают заказы на высокотехнологические научные разработки...» ([31], стр. 48). Поэтому мы не разделяем точку зрения Шутилина В. о том, что «Традиционное понимание инновационного процесса на микро- и мезоуровне исходит из его восприятия менеджментом компаний в организационном плане как *относительно линейного, однонаправленного «нисходящего», то есть иницируемого исследовательскими и конструкторскими подразделениями, потока знаний приводящего (или*

не приводящего) идею к воплощению в продукт, который получает общественной признание в виде коммерциализации» (выделено нами О.А.) ([3], стр. 24). Линейная модель инновационного процесса обуславливает стагнацию производства вследствие истощения потенциала традиционных методов разработки новшеств и их трансформирования в инновации. Некорректно на наш взгляд предположение, что «В компаниях, ... восприимчивых к инновациям, разработка и выпуск продукции представляет собой по сути «одновекторный» процесс, берущий начало чаще всего в инженерно-конструкторских службах, реже – во внутрифирменных исследовательских лабораториях, академических или отраслевых НИИ, университетах. В случае успешного «прохождения» идеи через все механизмы организации (а также отрасли, кластера, межотраслевого комплекса) и её трансформации в готовый продукт последний попадает на рынок, где инновационный процесс и заканчивается» ([3], стр. 25). Это упрощённое понимание современного инновационного процесса, который реализуется в рамках концепта жизненного цикла, предусматривающего и стадии сервисного обслуживания, сбора амортизированной продукции и её рециклинга. Стадия сервисного гарантийного и постгарантийного обслуживания реализованной инновации позволяет получать обратную связь с потребителем, не рассматривая его, как отмечается в работе [3], «... как пассивное, а чаще всего вообще лишнее звено в процессе разработки товара или услуги, поскольку он обладает слишком малыми знаниями».

Концепт жизненного цикла позволяет усовершенствовать маркетинговую парадигму инновационной линейной деятельности с учётом ожиданий потребителей. Но главная задача состоит в формировании рынка путем создания функциональных инноваций. Предложенная в [3] модель «открытых инноваций», в которой равноправными участниками становятся потребители, а драйвером являются информационно-телекоммуникационные технологии, не позволяет сформировать условия перманентного создания инновационных продуктов для развития базовых отраслей экономики – машиностроения, перерабатывающей и химической промышленности, строительной индустрии, энергетики, которые определяют её эффективность и устойчивость. В работе [33] считают, что «... для кластерного развития хозяйствующих субъектов необходимо наличие трёх видов партнерских отношений: между производителями, поставщиками и потребителями, а также поддерживающими и обслуживающими организациями – научными учреждениями, ВУЗами, финансовыми институтами, венчурными компаниями» (выделено нами О.А.) ([33], стр. 31). На наш взгляд это принципиально неверный подход, при котором научная составляющая инновационной

деятельности относится к числу «обслуживающей и поддерживающей», а не основополагающей, от которой зависит (а не от запросов потребителей) сама возможность существования экономики, основанной на применении высших, в том числе конвергентных технологий.

Практическая реализация стратегии инновационной деятельности путем создания кластерных структур не получила должного развития. В значительной мере это связано с несовершенством взаимодействия институциональных компонентов Беларуси.

Справедливо отмечено в [33], что «В настоящее время образование, наука и производство существуют сами по себе, практически не пересекаясь» ([33], стр. 32). Поэтому несмотря на наличие отдельных составляющих, реализовать кластеризацию на основе концепта «тройной спирали» (Triple Helix), предложенной Ицковичем Г. [34], в полной мере не удастся, так как «... сам факт их существования ещё не означает, что национальная инновационная система в рамках описанной модели качественно выполняет свою важнейшую функцию по обеспечению научно-технологического прогресса в экономике» (выделено нами О.А.) ([34], стр. 26). Необходимо отметить, что в концепции «тройной спирали» роль научного центра по разработке основ инновации выполняют ВУЗы. Для Беларуси и для других стран постсоветского пространства фактор, весьма характерный для технологически развитых стран (США, Канада, страны ЕС, Южно-Азиатского региона), требует существенной корректировки в связи с низким уровнем научно-исследовательской деятельности, обусловленным недостатком квалифицированных кадров, научных школ, исследовательской базы и др. Особенно характерен этот аспект для региональных и негосударственных ВУЗов, созданных в последние годы, с выраженным коммерческим вектором деятельности.

Характерной особенностью инновационной деятельности постсоветских государств является низкий вклад бизнеса в финансировании научных исследований, между тем, как отмечено в [35] «... в инновационных системах промышленно развитых стран обеспечивается пересечение институциональных сфер между наукой, которая финансируется государством (фундаментальные исследования и небольшая часть прикладных) и фирменной наукой, существующей на средства бизнеса (часть прикладных исследований и разработки)» (выделено нами О.А.) ([35], стр. 26).

Важнейшим компонентом кластерной концепции реализации инновационной стратегии функционирования экономики является наличие Национальной инновационной системы (НИС), которая осуществляет координацию взаимодействия институциональных составляющих, оказывает инжиниринговые, консалтинговые услуги, осуществляет информационное обеспечение процесса создания и

использования функциональных новшеств. Утверждение о том, что «Действующую белорусскую НИС можно характеризовать как административно-командную модель, функционирующую в рамках двойных множеств взаимодействий: государство – наука, государство – промышленность, наука – промышленность. При этом важно подчеркнуть, что пока имеет место традиционное развитие выраженных двойных, а не тройных спиралей отношений ... Скромный вклад университетов и ВУЗов в науку и инновации также не позволяет считать их в чистом виде (как в промышленно развитых странах) сферой генерации знаний...» (выделено нами О.А.) ([35], стр. 27), является характерной особенностью инновационной деятельности и других постсоветских государств. При этом следует отметить элемент формального отнесения ряда организаций к НИС. Например, в Гродненском регионе структурные составляющие региональной НИС – «Дом науки и техники», «Областной центр научно-технической и деловой информации» представляет собой коммерческие или датируемые организации, не имеющие необходимого потенциала и практического опыта системной научной деятельности.

Характерной особенностью производственного институционального компонента инновационной стратегии является пассивное отношение к инновациям. Как справедливо указано в [35] «... производственники заинтересованы в монопольном положении той или иной разработки. В результате образуется «ловушка технологий», когда интересы участников направлены на то, чтобы нововведения не появлялись. То есть в промышленности реализуется в основном последовательная линейная модель инновационного процесса, при практической реализации которой среди основных участников отсутствует должная координация и взаимодействие» (выделено нами О.А.) ([35], стр. 27).

При этом, так как «... В отраслевом секторе науки занято всего 2% от общего числа научных работников высшей квалификации...» ([35], стр. 27), складывается негативная тенденция стагнации инновационной деятельности в производственном секторе, так как «Большинство производственных организаций не имеют возможности выполнять самостоятельно или оплачивать исследования и разработки. Заказанные при участии государства в системе академической и вузовской науки результаты исследований проходят длительный процесс внедрения из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры и не могут быть востребованы в связи с неконкурентоспособностью перед появившимися зарубежными аналогами» (выделено нами О.А.) ([35], стр. 28).

Формируется методологический парадокс – ВУЗы и НИИ не могут выполнить завершённую разработку, адаптированную к реальному

производству из-за незнания его особенностей, а производственные структуры не способны адаптировать законченные научные разработки из-за отсутствия должной квалификации своих специалистов в реализации прикладных НИР и соответствующей подготовки производства. Инфраструктура типа научно-учебно-производственных кластеров (НУПК) – эффективно решает эту многоаспектную проблему [28]. Поэтому двойные взаимодействия «государство – наука», «государство – промышленность» не эффективны в инновационной стратегии современного уровня.

Важнейшей составляющей институционального производственного компонента инновационной стратегии в технологически развитых странах является малые и средние предприятия в различных отраслях промышленности, инжиниринговой, консалтинговой, информационной деятельности. Характерной особенностью отечественного сектора малого и среднего бизнеса является низкий вклад в инновационное развитие, так как «... Сегодня доля малых и средних предприятий, осуществляющих нововведения, в их общем числе не превышает ... 5%. При этом, по оценочным данным Комиссии ЕЭК ООН, на долю всех технопарков приходится всего 1% от общего объема инновационной продукции» (выделено нами О.А.) ([35], стр. 28).

Характерно, что большая часть малых и средних предприятий с выраженным характером инновационной производственной деятельности или осуществляют выпуск продукции с низким инновационным уровнем (инновации локальные, инновации сопровождения и т.п. по классификации [28]), о чём свидетельствует отсутствие запатентованных решений, или заимствованных инноваций без получения соответствующих юридических полномочий от разработчиков, часть из которых является комплекующими или технологическими компонентами импортных производств. В работе [35] справедливо отмечено, что «... принципы построения связей между наукой, промышленностью и государством практически не претерпели изменений с советских времён. Ресурсы науки ещё в достаточной мере сохранены, хотя она ... развивалась по инерционному сценарию. Её возможности позволяют стать движущей силой инноваций, ... если будут созданы новые формы сотрудничества и взаимодействия» (выделено нами О.А.) ([35], стр. 29).

Эффективными вариантами реализации новых принципов построения связей между наукой, промышленностью и государством является создание инновационных предприятий типа технопарков в структуре АН, ВУЗов или научно-учебно-производственных кластеров (НУПК), предложенных нами в [36]. При этом необходимо подчеркнуть характерную особенность НУПК по сравнению с другими видами инновационных

кластерных структур – наличие образовательного компонента, функционирующего на базе интегрированных ресурсов ВУЗов, АН и промышленных предприятий.

Подобные кластерные структуры позволяют «... сменить парадигму инновационной политики с реактивной (её суть состоит в попытках реагирования на изменения факторов среды, включая вновь поставленные административно-управленческие задачи) на проактивную, реализация которой предвосхищает будущее шаг за шагом создает новую модель НИС» (выделено нами О.А.) ([35], стр.29). Кластерные структуры типа НУПК представляют собой наиболее перспективный вид инновационных «спиралей», так как являются регулятором интеграционного взаимодействия интеллектуальных ресурсов всех основных участников жизненного цикла инновационной продукции при относительно небольших затратах финансовых, материальных, кадровых и других ресурсов.

Характерными отличиями таких структур является формирование инновационной восприимчивости не только участников производственного цикла, но и членов социумов на базе концептов «экологического императива» и «разумной достаточности» в соответствии с базовыми принципами Устойчивого развития и ноосферного функционирования цивилизации [28] на основе повышения научного уровня и доли интеллектуальных компонентов во всех сферах их производственной и социальной деятельности.

Заключение. Формируемая на основе трансцендентных знаний картина мира во всех аспектах её проявления в значительной степени является ущербной вследствие сложившегося характера обособленности, самостоятельности и независимости направлений познания, которые имеют в упрощённом трактовании «отраслевой» характер. Поэтому каждый из специалистов даже очень высокого уровня квалификации и креативности в своей области («отрасли») научной деятельности (например, в наноматериаловедении и нанотехнологии, физике, химии, математике, философии и др.) не имеет системных представлений о влиянии своей разработки в различных формах её реализации на развитие сопряжённых областей не только научной, но других видов интеллектуальной деятельности – производственной, менеджерской, образовательной и др. Вследствие такой обособленности формируются локальные бифуркации, которые при определённых условиях способны инициировать быстрое развитие какого-то направления интеллектуальной деятельности с выраженным компонентом негативного действия на социум, необходимость которого обосновывают политическими, экономическими, медицинскими и другими обстоятельствами. Подобным действием обладают исследования ядерной и атомной физики, органической химии, биохимии, лазерной физики,

обусловившие создание вооружений с огромной эффективностью поражающего действия.

К этому типу бифуркаций относятся и ряд результатов, полученных в областях исследований, которые в настоящее время объединены концептом в конвергентные технологии. Интенсивное развитие принципа конвергенции в нано-, био-, инфо- и когни- технологиях, позиционируемого преимущественно как методологию разработки механизмов формирования материальных объектов и методов управления когнитивной деятельностью, имеет и негативную составляющую, которая практически не анализируется во всём комплексе последствий для функционирования социумов в ближайшей и отдалённой перспективе. Одной из форм глобального негативного влияния использованных конвергентных технологий может быть нарушение природного равновесия с проявлением локальных и глобальных экологических кризисов. Реализация возможностей когнитивных и информационных технологий в моделировании процессов мышления человека при определённых условиях приведёт к глобальному разделению социумов на элитарные и обслуживающие компоненты со всеми разрушительными антигуманными последствиями для цивилизационного развития.

Усиление обособленности, самостоятельности и независимости основополагающих направлений познания сущности материального и духовного мира при отсутствии действенных механизмов противостояния использованию полученных результатов в интересах технологической элиты глобального комплекса неизбежно приведёт к разрушению базовых принципов существования цивилизации, в которой во всё большей степени проявляется тренд максимального удовлетворения потребностей даже самого низменного содержания в ущерб нравственным, духовным, гуманистическим составляющим человека с высоким интеллектом. Заявленный тренд конвергенции Nano-, Bio-, Info-, Cogni- технологий формально ориентирован на создание механизмов «совершенствования» человека и окружающего мира путём создания оптимальных структур направленным манипулированием элементарными элементами (атом, квант, бит, нейрон) по «природоподобным» методам. При этом критерии такого совершенствования не формулируются и не обсуждаются, что позволяет осуществлять манипулирование сознанием социума, используя назначенные стандарты в соответствии с требованиями «элиты». Развитие и широкое распространение результатов конвергентных технологий без однозначного определения глобальных целей с выраженными критериями их реализации – это порочный путь неоиндустриализации, который может не только не сформировать основы гармоничной цивилизации, но и разрушить устойчивую существующую вследствие образующихся возможностей использования

инноваций в качестве средств политического, военного, социального насилия.

Очевидно, что конвергенция технологий в сформировавшейся стадии, позволяющей самостоятельно разрабатывать наукоёмкие продукты различного функционального назначения, имеет выраженный гистерезисный (запаздывающий) характер, так как полученные продукты в виде новых материальных, информационных, биологических объектов представляют собственный рыночный интерес, и их реализация и применение трудно управляемый и неконтролируемый процесс, о чём свидетельствует история появления новых объектов биообъектов в виде клонов, вирусов, чипов и т.п.

На наш взгляд, конвергенция должна иметь упреждающий (предупредительный) характер, исключающий появление гистерезиса средств контроля перед применением так называемых «прорывных» разработок, ибо глобальной целью всех технологий, используемых в экономическом, техническом, социальном развитии региональных, государственных и надгосударственных структур, состоит в предотвращении их неблагоприятного действия.

Поэтому целесообразно рассматривать не конвергенцию технологий, а конвергенцию различных направлений интеллектуальной деятельности институциональных компонентов социумов путем интеграционного взаимодействия их интеллектуальных ресурсов. Подобная конвергенция сформирует предпосылки для предотвращения или минимизации негативных последствий практического использования научных результатов высокого уровня в деятельности социальных систем различного уровня.

Список литературы:

1. Гусаков, В. Г. Научно-методические основы стратегии экономического развития страны на ближайшую перспективу / В. Г. Гусаков // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2020. – Т.64, №1. – С. 103–110.
2. Лазаревич, А. А. Горизонты техносциума / А. А. Лазаревич // Наука и инновации. – 2014. – №3 (133). – С. 22–28.
3. Шумилин, В. Инновации, формируемые потребителями: феномен Web X.O. / В. Шумилин // Наука и инновации. – 2014. – №12 (142). – С. 24–25.
4. Панышин, Б. Н. Генезис и иерархия ключевых понятий в сфере цифровой экономики / Б. Н. Панышин // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – вып. 3. – С. 142–146.
5. Мелешко, Ю. В. Онтологическая природа экономики неиндустриального производства / Ю. В. Мелешко // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – вып. 3. – С. 49–57.
6. Мирошниченко, А. Системы непрерывного совершенствования деятельности предприятий на основе менеджмента знаний / А. Мирошниченко // Наука и инновации. – 2014. – №2 (132). – С. 55–60.
7. Солодовников, Ю. С. Современная структурная политика Республики Беларусь в условиях Евразийской экономической интеграции / Ю. С. Солодовников // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – Вып. 3. – С. 17–25.
8. Шумилин, А. Формирование системообразующих взаимодействий в инновационном развитии экономики / А. Шумилин // Наука и инновации. – 2014. – №7 (137). – С. 29–34.
9. Панышин, Б. Интеллектуализация деловых услуг как основной фактор формирования «новой экономики» / Б. Панышин // Наука и инновации. – 2014. – №8 (138). – С. 49–53.
10. Шилин, Л. Ю. Современные аспекты интеллектуализации обучающих технологий / Л. Ю. Шилин, А. А. Навроцкий, Л. С. Стригалёв // Высшая школа. – 2015. – №1. – С. 25–26.
11. Kaplan, S. The Words of Risk Analysis / S. Kaplan // Risk Analysis. – 1997. – vol.17, №4. – p.407–417.
12. Садоминский, К. А. Кластерная политика как инструмент формирования региональной NBIC-экономики / К. А. Садоминский // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2017. – №3 (59). – С. 220 – 229.
13. Асеева, И. А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада / И. А. Асеева // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т.51., №1. – С. 124–137.
14. Жиронкин, С. А. Принципы и условия конвергентно-индуцированных структурного сдвига / С. А. Жиронкин, Е. А. Таран, М. А. Гасанов, А. В. Жаворонок // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2010. – №44. – С. 70 – 81.
15. Бережнов, Г. В. Стоял он дум высоких полон... интеллектуализация деятельности предприятия / Г. В. Бережнов // Креативная экономика. – 2007. – №2. – С. 84–91.
16. Сидоренко, В. К. Интеллектуализация трудовой деятельности человека в современных условиях усовершенствования средств производства / В. К. Сидоренко // Проблемы образования. – 2018. – №1. – С. 3–12.
17. Вишняков, В. А. Технологии интеллектуализации управленческой деятельности / В. А. Вишняков, Ю. В. Бородаенко // Доклады БГУИР. – 2013. – № 5 (75). – С. 43–47.
18. Тынчачёв, А. Р., Бухнер, А. В. Интеллектуализация производства – путь к эффективности: https://www.sensorika.ru/upload/file/statja_asutp.pdf. – Дата доступа: 14.06.2021.
19. Губанов, С. С. Новая индустриализация / С. С. Губанов // Новая индустриализация – Сверхновая реальность: <http://www.sverxnova.ru/onas/chitat-6/novaja-industrializacija/>. – Дата доступа: 14.06.2021.
20. Соколова, Г. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь

– Россия / Г. Соколова // Наука и инновации. – 2013. – №6 (124). – С. 24–28.

21. Гасанов, М. А. Инновационный потенциал структурной конвергенции российской экономики / М. А. Гасанов, А. В. Жаворонок, М. А. Климович // Вестник университета. – 2019. – №4. – С. 23–29.

22. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее / М. В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. – 2011. – №1–2. – С. 1–26.

23. Головчанская, Е. Э. Интеллектуальные потребности как категория маркетинга / Е. Э. Головчанская, Л. С. Шаховская // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – №3. – С. 184–189.

24. Соколова, Г. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия / Г. Соколова // Наука и инновации. – 2013. – №7 (125). – С. 33–35.

25. Бондарь-Подгурская, О. Антикризисные аспекты управления промышленностью / О. Бондарь-Подгурская // Наука и инновации. – 2014. – №8 (138). – С. 27–31.

26. Бондарь, М. Интеллектуальная миграция в постиндустриальной экономике Беларуси / М. Бондарь // Наука и инновации. – 2014. – №10 (140). – С. 44–47.

27. Толкачев, Е. Этюды о научном творчестве / Е. Толкачев // Наука и инновации. – 2014. – №12 (142). – С. 10–14.

28. Основы научной и инновационной деятельности / О. В. Авдейчик, Г. А. Хацкевич, Л. П. Нехорошева, В. А. Струк – Минск: Право и Экономика, 2016. – 490 с.

29. Панышин, Б. Интеллектуальный каркас экономики / Б. Панышин // Наука и инновации. – 2014. – №10 (140). – С. 48–52.

30. Хацкевич, Г. А. Социально-экономические факторы, обосновывающие актуальность изменения административно-территориального деления Республики Беларусь / Г. А. Хацкевич, Н. Г. Забродская // Бизнес. Инновации. Экономика. – 2019. – №2. – С. 7–16.

31. Комарова, Ж. Дискуссионный клуб: новые перспективы науки / Ж. Комарова, И. Емельянович // Наука и инновации. – 2014. – №3 (133). – С. 46–51.

32. Правик, Ю. Маркетинговые методы в реализации государственных стратегий инновационного развития / Ю. Правик // Наука и инновации. – 2013. – №7 (125). – С. 48–51.

33. Слонимский, А. Научно-инновационные кластеры и их технологические платформы / А. Слонимский, М. Слонимский // Наука и инновации. – 2014. – №9 (139). – С. 30–34.

34. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государства. Инновации в действии. / Г. Ицковиц. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. – 44 с.

35. Гончаров, В. Тройная спираль инноваций: белорусская адаптация модели // В. Гончаров, А. Коршунов // Наука и инновации. – 2014. – №9 (139). – С. 25–28.

36. Интеллектуальное обеспечение инновационной деятельности промышленных предприятий: технико-экономический и методологический аспекты / О. В. Авдейчик и [др.]; под науч. ред. В. А. Струка, Л. Н. Нехорошевой – Минск: Право и Экономика. – 2007. – 524 с.

УДК 338.27

Pavlova O.V.

magistrant

State University of Management

Chebotareva Z.V.

kandidat of economics, docent,

State University of Management

QUESTIONS IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF CONTROL AND ACCOUNTING OF FINANCIAL RESULTS IN MANAGEMENT OF REAL ESTATE PROPERTY

Павлова Ольга Викторовна

магистрант

Государственный университет управления

Чеботарева Зоя Валентиновна

Кандидат экономических наук, доцент

Государственный университет управления

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В УПРАВЛЕНИИ НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of accounting and internal control of financial results of companies that manage real estate received in trust from its owners. The article highlights the groups of risky areas for recognizing income and expenses in a real estate management company, and also formulates the stages

of internal control of financial results in order to increase the efficiency of activities in the real estate sector and the reliability of financial results of real estate management companies.

Аннотация. Статья посвящена особенностям учета и внутреннего контроля финансовых результатов компаний, осуществляющих управление недвижимым имуществом, полученным в доверительное управление от его собственников. В статье освещены группы рискованных направлений признания доходов и расходов в компании по управлению недвижимостью, а также сформулированы этапы внутреннего контроля финансовых результатов в целях повышения эффективности деятельности в сфере недвижимости и достоверности финансовых результатов компаний по управлению недвижимостью.

Keywords: accounting, internal control, financial results, commercial real estate management

Ключевые слова: учет, внутренний контроль, финансовые результаты, управление коммерческой недвижимостью

Инвестиции в недвижимость считаются привлекательным видом вложений с целью получения прибыли. Однако, получить высокий уровень прибыли, владея недвижимостью, особенно, наряду с другими видами деятельности является весьма сложной задачей для собственника имущества. Поэтому недвижимость может быть передана по договору в управление другим организациям, которые будут осуществлять комплекс операций по эксплуатации зданий и сооружений, а именно поддержание их сервиса, руководство обслуживающим персоналом, создание условий для пользователей (арендаторов), по определению условий сдачи площадей в аренду, сбору арендной платы и прочее в целях наиболее эффективного использования недвижимого имущества в интересах собственника недвижимого имущества.

Порядок и правила оформления процесса передачи имущества по соглашению доверительного управления регулируется гл. 53 ГК РФ и ст. 1012 ГК РФ [2], по которым одна сторона (собственник недвижимости) с целью приумножения своего капитала предоставляет право другой стороне (доверительному управляющему лицу) временно распоряжаться имуществом (недвижимостью).

Доверительное управляющее лицо далее может заключать сделки с вверенным ему имуществом. Все договорные отношения оно должно оформить от своего имени, но в документации обязательно должен быть указан статус доверительного управляющего, а не собственника имущества.

Положение доверительной управляющей компании на рынке, ее конкурентоспособность и финансовый результат будут зависеть от эффективности использования имущества.

Под финансовым результатом необходимо понимать итог деятельности доверительной управляющей компании за определенный период. Он выражается в форме прибыли или убытка, определяемого за период как разность между доходами и расходами доверительной управляющей компании организации, которая по сути является компанией по управлению недвижимостью.

Понятие «финансовый результат» целесообразно рассмотреть с экономической, бухгалтерской и налоговой точки зрения.

С точки зрения экономического подхода «финансовый результат» представляет собой разницу между доходами и расходами, которая создана в процессе финансово-хозяйственной деятельности компании по управлению недвижимостью.

Бухгалтерский финансовый результат является прибылью или убытком от обычных видов деятельности, прочих доходов и расходов, отраженных в бухгалтерском учете и отчетности.

Налоговый кодекс РФ определяет «финансовый результат» как налогооблагаемую базу по налогу на прибыль, которая представляет собой разность между расходами и доходами, признанными для целей налогообложения [1].

Необходимость учета совершенствования финансовых результатов обусловлена тем, что бухгалтерский учет доходов и расходов и механизм формирования финансовых результатов – это источник информации для анализа эффективной деятельности компании по управлению недвижимостью, а также принятия управленческих решений.

В данном направлении компания по управлению недвижимостью, при согласовании с владельцем, может подготовить детальные бюджеты для операций с недвижимостью. При этом возможно не только оценить доходы от предстоящей сдачи недвижимости в аренду, но и провести обоснованную оценку расходов, связанных с ней.

Расходы на текущие услуги компании по управлению недвижимостью, ремонт и техническое обслуживание, а также административное обслуживание целесообразно внести в общую номенклатуру расходов компании по управлению недвижимостью и детализировать их.

В частности, в состав управленческих расходов компании по управлению недвижимостью целесообразно включить услуги информационного характера (профессиональный консалтинг, аудит, оценка, техподдержка и прочие), налоговые отчисления, содержание административных сотрудников.

Компаниям по управлению недвижимостью в стремлении к достижению прибыльности по результатам года целесообразно усилить внутренний контроль за точностью и

своевременностью документирования и отражения в учете выручки от реализации и расходов.

Это принято за основу разработки системы внутреннего контроля финансовых результатов, потому что наиболее распространены и часто встречаются финансовые махинации с размером выручки от реализации.

В этой связи, в компании по управлению недвижимостью выделены четыре группы рискованных направлений признания доходов и расходов:

1) К первой группе отнесены расчеты с подставными компаниями, когда, к примеру, заключаются договоры оказания услуг, по которым осуществляется оплата денежных средств, но при этом услуга не оказывается;

2) К второй группе рекомендуется относить досрочное признание выручки, когда по принципу начисления доходы и расходы признаются в одном и том же периоде, однако имеется риск нарушения, когда доходы или расходы приходятся на границу отчетного периода;

3) К третьей группе рекомендуется отнести сокрытие расходов, осуществляемых через подконтрольные компании, понесенные расходы не отражаются в бухгалтерском отчете;

4) К четвертой группе относится факт умышленного создания в компании по управлению недвижимостью необоснованных резервов, или допущения преднамеренных ошибок при создании резервов в меньшем объеме, чем предусмотрено условиями учетной политики.

Вышеназванные группы рискованных аспектов искажения размера доходов и расходов являются предпосылкой для разработки системы внутреннего контроля финансовых в компании по управлению недвижимостью по следующим этапам:

1. Организация внутреннего контроля за условиями договоров доверительного управления между собственником объектов недвижимости и компанией по управлению недвижимостью, с одной стороны и договоров аренды между компанией по управлению недвижимостью и арендаторами.

2. Внутренний контроль в компании по управлению недвижимостью за обоснованностью номенклатуры и классификации расходов, в т.ч. на ремонт и техническое, административное обслуживание объекта недвижимости.

3. Организация внутреннего контроля за содержанием учетной политики в части формирования и порядка учета расходов и доходов, начисления резервов; за соблюдением в учете условий учетной политики.

4. Контроль за полнотой и своевременностью признания доходов, документированием доходов.

5. Контроль за хозяйственными операциями по признанию доходов и расходов, связанными с

расчетами с фирмами «однодневками», подконтрольными компаниями, связанными сторонами.

6. Выполняя контроль финансовых результатов по вышеназванным этапам следует минимизировать возможное влияние негативных последствий занижения доходов и завышению расходов посредством контроля за соблюдением нормативно-законодательной базы по признанию доходов и расходов.

7. Поскольку в современных условиях деятельности, зачастую, компании по управлению недвижимостью за сданные в аренду объекты от арендаторов могут получать оплату в неденежной форме, т.е. происходит замена арендной платы передачей разнообразных активов, оказанием актуальных для арендодателя услуг, выполнением работ для улучшения арендованного объекта недвижимости. Неденежная форма расчета дополнительно согласуется сторонами договора и соответствующим образом должна отразиться на счетах бухгалтерского учета в компании по управлению недвижимостью [3]. В этой связи следующим этапом контроля является контроль за полнотой и правильностью отражения на счетах бухгалтерского учета поступившей оплаты от арендаторов.

Таким образом, в ходе последовательного проведения внутреннего контроля финансовых результатов в компании по управлению недвижимостью по вышеуказанным разработанным этапам улучшится ситуация с операциями по учету прибылей и убытков, стабилизируется, будет обеспечена достоверность и полнота доходов и расходов по управлению недвижимостью, соответственно точность определения финансовых результатов по каждому конкретному отчетному периоду. Также решится проблема с низкой надежностью и стабильностью базы для оформления учетных операций в целях составления бухгалтерской и налоговой отчетности.

Список литературы

1. Беспалова О.В. Оценка финансовых результатов и пути их совершенствования [Электронный ресурс] URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/399/Action399-116477.pdf> (дата обращения: 18.09.2021)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021)

3. Токарева А.А. Обзор (сравнительная характеристика) существующих методов анализа финансовых результатов деятельности организации // Наука и общество в современных условиях, 2016. № 1 (4). С. 158-164

Chechetova N.F.*Doctor of Economics, professor,
V. Vernadsky Tavriya National University
ORCID: 0000-0003-1988-2923***Lelyuk N.E.***PhD in Economics***Kolubai Y.S.***Postgraduate student**M. Beketov National University of Municipal Economy, Kharkov***PROBLEMS, TASKS AND NECESSITY OF DEVELOPMENT OF COOPERATIVE
ENTREPRENEURSHIP IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF ECONOMY****Чечетова Наталя Федорівна***доктор економічних наук, професор,
Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, м. Київ***Лелюк Наталія Євгенівна***кандидат економічних наук, доцент,***Колубай Ярослав Станіславович***аспірант**Харківський національний університет міського господарства
ім. О.М. Бекетова, м. Харків***ПРОБЛЕМИ, ЗАВДАННЯ ТА НЕОБХІДНІСТЬ РОЗВИТКУ КООПЕРАТИВНОГО
ПІДПРИЄМНИЦТВА В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ ЕКОНОМІКИ**

Summary. The article considers the state of the cooperative sector in the modern conditions of globalization of the world economy. Areas of cooperation have been identified that will help mitigate conflicts in the labor and property markets. The necessity of the state support of the cooperative sector of the national economy is substantiated. There is a need to consolidate cooperatives, to find new forms of their activities, which should ensure the competitiveness of the cooperative sector in today's globalization of the world economy.

Анотація. В статті розглянуто стан кооперативного сектору в сучасних умовах глобалізації світової економіки. Виявлено напрями діяльності кооперації, що сприятимуть пом'якшенню протиріч на ринках праці та власності. Обґрунтовується необхідність державної підтримки кооперативного сектору національної економіки. Доводиться необхідність консолідації кооперативів, пошуку нових форм їх діяльності, що має забезпечити конкурентоспроможність кооперативного сектору в сучасних умовах глобалізації світової економіки.

Key words: globalization, cooperative sector of the economy, cooperative movement, cooperation, regulation.

Ключові слова: глобалізація, кооперативний сектор економіки, кооперативний рух, кооперація, регулювання.

Аналіз основних досліджень та публікацій.

Вагомий внесок у розвиток кооперації внесли її основоположники: М. Туган-Барановський [1], О. Чаянов [2], М. Левицький [3], О. Анциферов [4], які досліджували основи виникнення кооперативного руху, обґрунтовували його переваги. Зародження, історію та розвиток кооперативного руху розглядали в своїх працях такі видатні вчені дослідники як: Вітанович І. [5], Гелей С.Д. [6], Вахітов І.В. [7], Манжура О.В. [8], Яцун Т.П. [9] та багато інших не менш визначних вчених. Питання організації діяльності та економічних механізмів функціонування сільськогосподарських кооперативів висвітлили у своїх працях відомі вчені: В. Гончаренко [10], С. Бабенко [11], М. Долішній [12], П. Саблук [13]. Натомість проблемі функціонування кооперативного підприємництва в сучасних умовах глобалізаційної економіки в працях науковців приділено недостатньо уваги.

Постановка проблеми.

Глобалізація – це динамічне суспільство в якому на перший план виходять такі фактори як безробіття та концентрація економічного капіталу, що в цілому є негативним фактором для демократичного розвитку. Натомість кооперативи певною мірою можуть пом'якшити цей вплив, оскільки, з одного боку, кооперативи сприяють зростанню зайнятості населення, а з іншої – є економічною перевагою концентрації капіталів. Висвітлити та систематизувати проблеми, завдання та необхідність розвитку кооперативного підприємництва в умовах глобалізації економіки було визначено метою представленої роботи.

Виклад основного матеріалу дослідження.

Ключові процеси, які відбуваються в сучасному світі, зокрема, глобалізація світової економіки, зростання числа інтеграційних об'єднань, формування світових фінансів, світове переливання

робочої сили, підтверджують економічну взаємозалежність та взаємозв'язок всіх учасників світового господарського спілкування. Глобалізацію прийнято характеризувати, в першу чергу, як результат науково-технічної революції, розвитку інформаційних технологій та комп'ютерних мереж, телекомунікаційних та транспортних систем, а також взаємодії національних ринків, інтенсивного руху капіталів, товарів, послуг та робочої сили у всьому світі. Глобалізація – це продукт технічного та економічного досягнення людства.

Процес глобалізації світової економіки в різних країнах економісти оцінюють як з позитивної так і негативної сторони. Позитивним слід вважати те, що процес глобалізації регулюється так званими природними законами, дія яких не залежить від особистостей та керівництва держав. Глобалізація сприяє розвитку вільної торгівлі та безмежним можливостями заключення міжнародних контрактів. Крім того, в умовах глобалізації для виконання певної роботи для установ та організацій неважливе місце проживання виконавця та розташування організацій (вони можуть розташовуватися в різних кінцях світу). Розвиток інформаційних технологій дозволяє отримувати досить швидко та в значному обсязі потрібну інформацію, що значно прискорює прийняття управлінських рішень та можливість оцінювати конкурентний ринок тощо.

В той же час, поряд з позитивними, існують і негативні наслідки глобалізації. Так, в процесі глобалізації світової економіки в більшості вирішуються питання підприємця, а не споживача. Створюються великі промислові, банківські, мережеві підприємства, транснаціональні компанії, що, безумовно, негативно позначається на внутрішньому ринку, який частково згортається. А це призводить до зростання безробіття і, відповідно, до невиконання головної функції глобалізації – боротьби з бідністю. Крім того, глобалізаційні процеси супроводжуються кризовими явищами в світовій економіці або економіці окремих країн, а, отже, ці процеси не могли не торкнутися міжнародного кооперативного руху, оскільки кооперативи також вимушені здійснювати свою діяльність в умовах глобалізації світової економіки.

Зростаючий інтерес науки та практики до кооперативного руху об'єктивно обумовлений. Консолідуєча природа кооперації виявилася цілком співзвучною процесам глобалізації та постіндустріальним тенденціям сучасного світу. Баланс соціальних та економічних цінностей, властивий кооперації, знаходить поживний ґрунт у гуманістичному векторі постіндустріальних змін. Кооперативний рух функціонує в економіці світу

майже два сторіччя. Всі розрізнені кооперативні організації, створені в різних країнах світу об'єдналися у Міжнародний кооперативний альянс (МКА), який розробив та впровадив універсальні принципи діяльності кооперативів. Натомість зміна економічних формацій, стрімкий розвиток сучасної економічної системи, ринків праці та власності, вихід на передній план інформаційної економіки та інтелектуального рівня людського капіталу, а особливо значного соціального розриву між невеликою купкою багатих людей та величезною масою решти населення в глобальному світі обумовили необхідність у ревізії, коригуванні, поновленні сформованих історико-традиційних принципів кооперації. Міжнародний кооперативний альянс – це неприбуткова міжнародна асоціація, основна мета якої полягає у розвитку і зміцненні кооперативного руху на глобальному рівні. Він представляє інтереси 317 кооперативних федерацій і організацій із 110 країн світу, об'єднує близько 1,2 млрд членів кооперативів із 3 млн кооперативних організацій через участь у ній національних кооперативних об'єднань, кооперативних організацій і державних установ, діяльність яких пов'язана з розвитком кооперації [14].

Глобальні зміни на світових ринках суттєво впливають на розвиток кооперативного руху. По-перше, сучасне суспільство розвивається одночасно в двох протилежних напрямках: з одного боку, з розвитком транспорту, систем зв'язку, високих технологій значення міст, як економічно розвинутого мегаполісу, різко зростає; з іншого боку, відбувається тенденція повернення до природи, етнічного самовизначення. Кооперативи, які діють на місцевому рівні зможуть вирішити це протиріччя шляхом об'єднання в регіональні, національні та глобальні союзи. По-друге, відбувається зміна системи влади також у двох напрямках: держава передає певні повноваження як міжнародним союзам так і місцевій владі. По-третє, Міжнародний кооперативний альянс (МКА) відіграє важливу роль серед міжнародних організацій. Кооперативи через МКА мають потенційну можливість стати головним компонентом громадянського суспільства. Адже МКА вважались самим великим, найстарішим та найбільш універсальним з неурядових організацій. По-четверте, від глобалізаційних процесів, зокрема, кризових явищ, кооперативи страждають набагато менше ніж приватні підприємства, оскільки вони ґрунтуються на капіталі власників кооперативу і не мають мети щодо максимального отримання прибутку та нарощування капіталу. В таблиці 1 наведено перелік великих кооперативів світу.

Таблиця 1

Великі кооперативи світу у рейтингу Global 300

Місце у рейтингу	Назва кооперативу	Тип структури	Країна	Доходи, млрд. дол.	Рік заснування
	Credit Agricole Groupe	Кредитний союз	Франція	103,58	1897
	Groupe Caisse DEpargne	Кредитний союз	Франція	58,54	1983
	Zenkyoren	Сільське господарство	Японія	52,33	1951
	Rabobank Group	Кредитний союз	Нідерланди	43,00	1898
	CHS Inc	Сільське господарство	США	32,17	1931

Джерело: [16].

Безумовно, кооперація, в силу особливостей її організаційно-економічних форм, статутних цілей та завдань, не вирішить всіх глобальних проблем, що стоять перед спільнотою. Проте певні можливості кооперативного руху, його традиції взаємодопомоги та взаємо підтримки можуть зробити значний внесок у формування нових соціально-виробничих стосунків. Адже кооперативному руху властиві одночасно економічні та суспільні риси. Зокрема, його підприємства надають послуги та займаються виробництвом і в той же час консолідує в собі робітника-власника. Кооперативний рух тривалий історичний час демонструє приклад соціально орієнтованого підприємництва незалежно від цивілізаційних змін суспільного розвитку. При цьому, незважаючи на специфіку різних кооперативних господарюючих структур, які розвиваються під впливом національних умов різних країн, політичного тиску та особливостей глобального розвитку світу, загальний вектор розвитку кооперативного руху залишається незмінним своїм загально визнаним принципам, хоча, безумовно, зазнає впливу від процесів глобалізації.

Проте, слід зауважити, що в глобалізаційному просторі відбувається інституціоналізація кооперативного руху. Адже формування сучасних організаційних структур кооперативного руху не може відбуватися без внесення серйозних коректив у їх фундаментальну основу. Розвиток інтелектуалізації людського капіталу, значний вплив інформаційної економіки призводять до необхідності зміни сутності та форм існування сучасного бізнесу. Якщо ще в кінці минулого тисячоліття людський капітал задовольнявся певним соціальним пакетом, то сьогодні виникає потреба у певній рівності отримання прибутку та управління бізнесом. І вирішення такого завдання можливе з розвитком підприємницької кооперації, оскільки кооперація гармонізує працю та власність, створює особливу природну кооперативну якість: високо мотивовану працю учасників, зацікавлене ставлення до усупільненої власності, організацію, засновану на прямій демократії.

Кооперація має бути конкурентоспроможною на ринку, впроваджувати прогресивні технології

виробництва та обслуговування населення, широко використовувати інновації у всіх галузях діяльності. Одночасно кооперативним організаціям важливо не втратити своєї головної сутності — продовжувати забезпечувати соціально-орієнтоване виробництво та соціальний захист населення.

Особливу роль у процесі адаптації кооперативного руху до умов глобальної економіки відіграє Міжнародний кооперативний альянс, який вказав на найбільш важливі проблеми, які належить вирішувати кооперативному руху в третьому тисячолітті: затвердження кооперативної самобутності на основі поліпшення інформаційних кооперативних ресурсів; посилення міжнародної присутності кооперативів на міжнародному рівні; економічний, соціальний та політичний розвиток світової кооперації, зорієнтований на формування нової формації підприємця-власника. Крім того, МКА наголошує на те, що кооперативи можуть вирішити протиріччя та протистояти загрозам глобалізації лише шляхом зміцнення єдності кооперативного сектору як в національних економіках так і світовій економіці, об'єднавшись у національні (глобальні) спілки. Кооперація, як самобутня, соціально орієнтована система, маючи двоїсту природу, здатна й за умов глобалізації економіки вирішувати як господарські завдання так і соціально-економічні проблеми. Таким чином, сьогодні для кооперації на перше місце виходять завдання щодо пристосування до нових умов господарювання, завоювання на ринку втрачених позицій та посилення конкурентоспроможності. Вочевидь, в епоху глобалізації особливо зростає цінність таких властивих кооперації рис, як демократія, провідна роль пайовиків, автономія та незалежність, взаємо підтримка, просвітницька діяльність, боротьба з бідністю, забезпечення зайнятості населення (створення нових робочих місць), турбота про непрацездатних, інвалідів, пенсіонерів, активне залучення до роботи жінок та молоді тощо.

Глобалізація економіки та структурні зрушення, що відбуваються в соціальному складі населення, зумовлюють зростання частки виробничої, сільськогосподарської та сервісної кооперації але одночасне зниження частки

споживчої кооперації. Розвиток кооперативного сектора у країнах із розвинутою ринковою економікою характеризується появою кооперативів у галузі охорони здоров'я, захисту навколишнього середовища, освіти, інноваційної діяльності, інформаційних технологій. Глобалізаційні процеси у світовій економіці викликають необхідність розширення співробітництва кооперативних організацій з державними та зацікавленими громадськими організаціями, а також із приватним сектором; диверсифікацію господарської діяльності та вдосконалення управління.

Слід звернути увагу ще й на такий факт, як фінансування «загальних» послуг на місцевому та регіональному рівнях. Сьогодні поряд з державним та муніципальним фінансуванням таких послуг йде пошук нових моделей фінансування. Водночас кооперативна форма діяльності дає можливість мобілізувати фінанси суспільства, управляти видатками та контролювати ефективність їх використання. Кооперативний досвід в галузі комунального обслуговування, страхування, надання медичних послуг доводить, що кооперативи можуть грати суттєву роль в наданні «загальних» послуг.

В даний момент, коли свідоме, зацікавлене ставлення до праці стає не тільки додатковим фактором підвищення продуктивності праці, але і необхідним компонентом самих продуктивних сил, пошук організаційних структур, що дозволяють вирішити це завдання, набуває особливої актуальності. Генетичне протиріччя між працею та власністю є сильним стимулом розвитку кооперативного господарства. Тенденція до інтеграції відносин власності та трудових засад у максимально повній та послідовній формі втілюється у найбільш життєздатних та ефективно функціонуючих кооперативах. Так, наприклад, іспанське кооперативне об'єднання «Мондрагон», яке налічує у своїх лавах більше 18 тисяч осіб, має особові рахунки всіх працюючих, на які зараховується частина доходу, що підлягає виплаті при звільненні або виході на пенсію [15]. Кооперативи США використовують для цих цілей систему акцій, пакет яких збільшується залежно від трудового вкладу чи вислуги років. Сама практика кооперативного будівництва виявила найоптимальніший спосіб поєднання праці та власності.

Кооперативи страждають від глобалізації меншою мірою, ніж приватні підприємства, оскільки вони в основному спираються на пайовий капітал, вирішують конкретні проблеми, які стоять перед їх членами та незалучені до спекулятивних дій, зберігають прозорість комерційних процесів, доходів та їх використання. Вирішення протиріч та загроз глобалізації для кооперативів, що діють на місцевому рівні, можливе завдяки зміцненню єдності всередині кооперативного сектору національної та світової економік, об'єднанню в національні та глобальні спілки, встановленню тісніших контактів з усіма видами кооперації.

Ідеологічною основою інтеграції кооперативів в умовах глобалізаційних процесів, що посилюються, має стати визнання кооперативами основоположного принципу Міжнародного кооперативного альянсу «Співпраця між кооперативами», який передбачає, що кооперативи обслуговують своїх членів найбільш ефективно; посилюють господарські та інші зв'язки між собою шляхом надання допомоги, участі у спільних проектах, спрямованих на формування світової кооперативної кредитно-фінансової системи.

Одним з напрямів розвитку та закріплення на ринку кооперативного підприємництва та їх протидія тиску з боку великого бізнесу є створення багатоцільових кооперативів, які здійснюють диверсифікаційну діяльність. Багатоцільові кооперативи найбільш ефективні в регіонах, де проживає більшість малозабезпеченого населення, яке недостатньо платоспроможне, що не дозволяє спеціалізованим кооперативам ефективно існувати в таких регіонах. Безумовно таким кооперативам буде перешкоджати великий та мережевий бізнес, граючись цінами на товари та послуги.

До пріоритетних напрямів розвитку кооперації слід віднести:

- споживчу кооперацію, яка створює можливість для збільшення зайнятості сільського населення та покращення його торговельного обслуговування, збуту сільськогосподарської продукції, надання допомоги особистим підсобним господарствам та різного виду кооперативам;
- сільськогосподарську виробничу кооперацію;
- кооперацію з переробки сільськогосподарської продукції;
- виробничу промислову кооперацію;
- кооперацію зі збуту та постачання;
- банківську, кредитну та страхову кооперацію тощо.

10. Кооперативи можуть здійснювати діяльність в галузі транспорту, охорони здоров'я та соціальних послуг. В деяких країнах місцева влада заключає контракти з кооперативами на надання певних послуг.

11. Натомість кооперативи мають бути конкурентоспроможними, повністю використовувати свій потенціал, зберегти свою приналежність для населення в сфері надання послуг, виробництва та продажу товарів. До того ж сильною стороною кооперативів в глобальному світі є їх соціальна відповідальність, яка полягає в захисті навколишнього середовища, безпеки харчових продуктів та боротьба з бідністю, безробіттям. Щоб вивести кооперацію на якісно новий рівень, то форма та ідея мають наповнитися новим сучасним змістом.

Глобалізація зачіпає процеси виробництва, використання трудових ресурсів, інвестицій, ефективність виробництва та обігу та формує соціально несправедливу економіку. Значна частина науковців вважають, що такий економіці слід протипоставити іншу парадигму розвитку, як

більше відповідає інтересам всіх економічних суб'єктів. Такою парадигмою може стати економіка, яка не переслідує мету досягнення максимального прибутку, а орієнтується на оптимальне поєднання підприємницьких та соціальних інтересів та забезпечити економічний розвиток суспільства без значних соціальних втрат. Соціальна економіка – це можливо єдиний спосіб вирішення протиріч між глобальною економікою та економікою стійкого розвитку. Елементи соціальної економіки притаманні й кооперативному руху з його соціальною спрямованістю. Сучасну економічну систему слід вбачати не тільки глобальною але й в якійсь мірі кооперативною, яка сприймає основні принципи кооперативного руху, які були вироблені та знайшли своє втілення в продовж двох століть розвитку теорії та практики світового кооперативного руху, як самого найпотужнішого після церкви об'єднання людей.

Розвиток кооперації в умовах глобалізації світової економіки потребує укріплення внутрішньо системних комерційних відносин, використання інтеграційних можливостей горизонтальних та вертикальних внутрішньо системних зв'язків, що має призвести до значного синергетичного ефекту навіть без додаткових інвестицій. Інноваційність кооперативного підприємництва може бути досягнута за рахунок впровадження прогресивних технологій, сучасної техніки, досягненням міжнародних стандартів якості продукції та послуг, використанням маркетингових технологій просування на всі ринки товарів та послуг, удосконалення системи управління на основі сучасних технологій менеджменту, запровадження новітніх інформаційних технологій.

Зростає значення соціальної місії кооперативів. Вони мають приймати участь в розвитку людського капіталу шляхом надання послуг з освіти, медичних послуг, послуг громадянам похилого віку та мало захищеним тощо. Задоволення основних людських потреб повинно стати головним завданням кооперативів в глобальному світі.

Проте, вже тривалий час не відбувається бурхливого зростання кооперації. Причина цього очевидна - по-перше, неможливе відродження кооперації у відриві від загальної концепції розвитку економіки; по-друге, відсутність досить масштабного соціального прошарку дрібних власників; по-третє, втрата населенням та досить поступове відновлення відповідних ментальних рис, властивих індивідуальним товаровиробникам, що є, безумовно, основним у порівнянні з певними технічними навичками та вміннями, носіїв яких, до речі, також поменшало у зв'язку з повсюдним використанням індустріальних основ праці.

Висновки. Незалежно від особливостей розвитку кооперації в різних національних економічних системах загальний вектор цього підприємницького руху з його сталими

принципами залишається незмінним. Натомість кооперативний рух має розвиватися з врахуванням існуючого процесу глобалізації, а це, відповідно, ставить завдання щодо пошуку нових, сучасних методологічних підходів. До того ж всі принципи кооперативного руху, які лежать в його інституційній основі, набувають особливої значущості у вирішенні глобальних проблем соціальної сфери. Головними завданнями кооперативного руху в цьому напрямку має стати: захист малозабезпеченого населення та створення умов для їх доступу до загальнолюдських благ та розвитку кооперативного підприємництва; комерційна та соціальна діяльність кооперативних організацій, які вносять суттєвий вклад в розвиток соціально-економічної сфери регіонів та країн, сприяє соціально-економічному прогресу суспільства; розповсюдження гуманних, демократичних відносин в економіці.

Список літератури:

1. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации / М. И. Туган-Барановский ; предисл., коммент.: Л. А. Булочникова, Г. Н. Сорвина, Т. П. Субботина. – М.: Экономика, 1989. – 496 с. – (Экономическое наследие)
2. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации // Крестьяноведение. 2019. Т.4. №2. С. 8-56.
3. Левицкий К. Великий зрив / К. Левицкий. – Львів: Вид. кооператива «Червона калина», 1931. – 149 с
4. Анциферов А.Н. Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции. – Воронеж, 1907. – 250 с.
5. Витанович І. Історія українського кооперативного руху. – Нью-Йорк: Тов-во української кооперації, 1964. – 624с.
6. Гелей С.Д., Пастушенко Р.Я. Теорія та історія кооперації: Підручник. – К.: Знання, 2006. – 513 с.
7. Вахитов К. И. История потребительской кооперации России: Учебное пособие. – М., 1998. – Ч. 1. – С.25.
8. Манжура О. В. Передумови виникнення та генезис кооперативного руху в Україні // Серія: Економіка та підприємництво. – 2014. URL: <http://www.irbis-nbuv.gov.ua>.
9. Яцун Т. П. Участь вітчизняних кооперативних організацій у розвитку громадської агрономії друга половина XIX – початок XX ст. // Українська кооперація. – 2010. – № 3. – URL: <http://nbuv.gov.ua>
10. Гончаренко В. В. Міжнародні кооперативні принципи і розвиток кредитних спілок в Україні. URL: <http://194.44.39.210/bitstream/123456789/5199/1/goncharenko.htm.pdf>
11. Бабенко С. Г. Трансформація кооперативних систем у перехідній економіці: монографія / С. Г. Бабенко. – К.: Наукова думка, 2003. – 332 с.

12. Долішній М. І. Ринок продовольства України в аспектах СОТ / М. І. Долішній, В. І. Топіха, В. В. Булюк, В. А. Романова. – Миколаїв: МДАУ, 2006. – 222 с.

13. Саблук П.Т. Проблеми забезпечення дохідності агропромислового виробництва в Україні в постіндустріальний період / П.Т. Саблук // Економіка АПК. - 2008. - №4. - С. 19-37.

14. Офіційний сайт Міжнародного кооперативного альянсу. URL: www.ica.coop/members/member-stats.html

15. MONDRAGON S. COOP. URL: <https://www.mondragon-corporation.com/es/>

16. Global 300 list 2010. The world's major co-operatives and mutual business. Geneva: ICA, 2011. – 30 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Китана Арзо Нурулдин

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.165

Аннотация. В статье анализируется понятие персональных данных согласно действующему законодательству Российской Федерации, рассматриваются вопросы защиты персональных данных и ответственность за нарушение российского законодательства в области защиты персональных данных.

Annotatsiya. V stat'ye analiziruyetsya ponyatiye personal'nykh dannykh soglasno deystvuyushchemu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii, rassmatrivayutsya voprosy zashchity personal'nykh dannykh i otvetstvennost' za narusheniye rossiyskogo zakonodatel'stva v oblasti zashchity personal'nykh dannykh.

Ключевые слова: персональные данные, защита персональных данных, ответственность за нарушение защиты персональных данных

Klyuchevyye slova: personal'nyye dannyue, zashchita personal'nykh dannykh, otvetstvennost' za narusheniye zashchity personal'nykh dannykh

Указание на то, что защите информации о физическом лице необходимо уделять должное внимание, можно найти в Конституции РФ. Норма, согласно которой сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается, содержится в Статье 24 фундаментального документа. Меры защиты персональных данных подробно расписаны во множестве уточняющих это утверждение правовых актов.

В Российской Федерации уже заложена основа безопасности персональных сведений, однако разработка и внедрение комплексного подхода к ее обеспечению продолжается. В идеале в стране должна быть создана правовая система, которая объединяет требования законодательства РФ к хранению, обработке и передаче персональных данных граждан.

Рассмотрим какие данные определены законодательством Российской Федерации как персональные

Российское законодательство включает несколько категорий персональных данных. Среди них:

1. *Общедоступные ПДн* – данные, которые не подпадают под условия конфиденциальности и с согласия субъекта РФ могут стать общедоступными (справочники, адресные книги и т.д.). При этом суд или субъект персональных данных могут потребовать исключить эти сведения из открытых источников.

2. *Специальные ПДн* – данные, которые касаются национальной и расовой принадлежности, состояния здоровья, философских и религиозных убеждений, политических взглядов. Обработка такой информации возможна только при наличии письменного согласия субъекта. Согласие, однако не требуется, если его невозможно получить в связи с состоянием здоровья человека, либо в случае обработки данных в целях оперативно-розыскной деятельности.

3. *Биометрические персональные данные* – сведения о физиологических особенностях личности, которые позволяют идентифицировать человека. Например, фото- и видеоизображения людей. Для их обработки обязательно получать письменное согласие субъекта ПДн (исключение – оперативно-розыскная деятельность).

Можно выделить и ПДн, которые обрабатываются с использованием информационных систем персональных данных (баз данных). В зависимости от того, какие данные содержатся в базе, ИСПД присваивается одна из четырех категорий:

– категория 4 – ИС, содержащая обезличенные и (или) общедоступные персональные данные;

– категория 3 – база с ПДн, по которым можно идентифицировать личность субъекта;

– категория 2 – ИС, в которой собраны ПДн, позволяющие идентифицировать субъекта и получить о нем дополнительную информацию (кроме ПДн, относящихся к категории 1);

– категория 1 – база с данными человека, которые раскрывают его расовую, национальную принадлежность, политические взгляды, религиозные и философские убеждения, состояние здоровья, интимную жизнь.

Вопрос защиты персональных данных различных категорий и порядок работы с ними определен в следующих нормативно-правовых актах:

– Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации»;

– Федеральный закон «О персональных данных»;

– Глава 14 Трудового кодекса РФ.

Рассмотрим более подробно понятие и порядок защиты в указанных нормативно-правовых актах Российской Федерации.

Так, в тексте закона «Об информации»

ПДн в законе «Об информации»

В тексте настоящего федерального закона больше внимания уделено порядку работы с

биометрическими данными граждан, а также работе с данными в информационных системах.

Отметим основные моменты закона:

– В процессе обработки биометрических персональных данных государственные органы, банки и иные организации должны руководствоваться нормами закона «О персональных данных».

– Контроль и надзор за безопасностью обработки биометрических ПДн осуществляет федеральный уполномоченный орган.

– В случае нарушения прав субъектов персональных данных в части размещения информации о них в открытой форме, обнародование должно быть прекращено по решению суда.

Закон «О персональных данных», принятый 25 июля 2006 года, наиболее полно отражает порядок работы с ПДн, а также определяет меры ответственности за нарушение законодательства.

К основным понятиям закона относятся:

– Персональные данные, к которым относится любая информация, имеющая прямое или косвенное отношение к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

– Оператор ПДн – государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, организующее и (или) осуществляющее обработку персональных данных.

– Обработка ПДн – любое действие или совокупность действий, совершаемых с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение, извлечение, использование, передачу, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение.

Главное условие работы операторов с ПДн, согласно закону, четко определять цели обработки данных и использовать данные только в очерченных рамках. Причем хранение данных оператор обязан осуществлять в пределах срока их обработки, т.е. по достижении цели ПДн необходимо удалять, если срок хранения не установлен иными законодательными актами и договорами.

Как было отмечено ранее, порядок обработки персональных данных работников регламентирует глава 14 ТК РФ. К ПДн работника гражданское законодательство относит общие сведения о физическом лице, которые необходимы работодателю в связи с возникновением трудовых правоотношений. К ним относятся:

– фото работника, ФИО, сведения о месте и дате рождения, гражданстве, семейном положении, месте регистрации, образовании, специальности;

– приказы или распоряжения о приеме на работу, поощрении, увольнении, личная карточка, документы по оплате труда.

При этом в статье 86 указано, что каждый работник имеет право на защиту своих данных. Данное право предусматривает:

– наличие свободного доступа работника к личным данным;

– получение полной информации об обработке ПДн;

– возможность вносить правки в ПДн, если они содержат ошибочную информацию или обработаны с нарушением законодательства;

– возможность обжаловать в суде неправомерные действия или бездействие работодателя по защите прав субъекта ПДн.

Мероприятия по защите персональных данных должны находиться в соответствии с требованиями закона. В общем смысле – самыми важными шагами в решении этого вопроса должны быть следующие:

– Определить угрозы безопасности ПДн при их обработке и разработать модель угроз;

– Разработать систему защиты на основе модели угроз, при этом применяемые методы защиты систем персональных данных должны соответствовать классу ИС;

– Проверить средства защиты, которые будут использоваться в системе, и составить заключения о возможности их эксплуатации;

– Установить и запустить в эксплуатацию средства защиты, а также обучить сотрудников работе с ними.

Меры защиты персональной информации, которые требуется принять в организации, подробно расписаны в законе «О персональных данных». Прежде всего, следует установить является ли компания оператором ПДн. Ответ утвердительный в следующих случаях:

– предприятие использует информационные системы (ИС) для кадрового учета работников и подбора кадров;

– предприятие использует ИС в случае передачи ПДн сотрудников или клиентов в другие организации;

– клиенты предприятия – физические лица, личные сведения о которых собраны в ИС.

Один из первых шагов к обеспечению безопасности ПДн для оператора – уведомить о намерении обрабатывать данные уполномоченный орган по защите прав субъектов ПДн – Роскомнадзор. Предоставление Роскомнадзору официального уведомления для операторов является обязательным.

На следующем этапе можно приступить к организационным мерам – определить порядок работы с ПДн, подготовить ряд документов и разработать мероприятия по защите критичной информации. Порядок обработки и защиты персональных данных должен быть изложен в одноименном положении. Кроме положения об обработке персональных данных, оператор должен подготовить следующий пакет документов:

1. Уведомление об обработке ПДн (для Роскомнадзора).

2. Приказ об организации обработки ПДн с назначением ответственного лица со стороны оператора.

3. Согласие субъекта на обработку его персональных данных.

4. Документы, определяющие политику оператора в отношении обработки ПДн (политику обработки необходимо поместить в публичный доступ, например, вывесить на официальном веб-ресурсе организации).

5. Документы, содержащие положения о принятии оператором ПДн правовых, организационных и технических мер для их защиты.

6. Документы по организации приема и обработки обращений и запросов субъектов.

7. Документы, которые определяют категории обрабатываемых данных, особенности и правила их обработки с использованием и без использования средств автоматизации.

В среднем пакет документов включает порядка 30 различных приказов, положений и правил. Количество и содержание документов во многом зависит от сферы деятельности организации. Например, производственному предприятию с пропускной системой потребуется документ с требованиями к ведению журналов для однократного пропуска субъекта на территорию. А интернет-магазину такой документ ни к чему.

Одной подготовки документов для полноценной защиты конфиденциальной информации недостаточно. Оператор должен принять в том числе и технические меры. К ним относятся:

- средства защиты от несанкционированного доступа;
- антивирусные программы;
- межсетевые экраны;
- криптографические средства.

Важно учитывать, что выбранные компанией средства должны соответствовать требованиям законодательства, а точнее иметь сертификат соответствия. Реестр сертифицированных средств защиты информации приводится на сайте ФСТЭК России. Не последним моментом является и правильная настройка приобретенного ПО.

Также следует учитывать, что набор угроз информационной безопасности все время меняется. Поэтому необходимо своевременно проверять надежность технической защиты ПДн. При этом покупку нового оборудования, установку новых программ, расширение площади предприятия или изменения его структуры придется отражать в принятых документах. То есть и документальную, и техническую части необходимо периодически актуализировать.

Оператор обязан защищать личную информацию о гражданах от следующих угроз:

- неправомерного или случайного доступа;
- уничтожения;
- изменения;
- блокирования;

- копирования;
- распространения.

Любые неправомерные действия с данными могут повлечь за собой ответственность оператора, который отвечает за их сохранность по закону.

Персональные данные граждан РФ защищены действующим законодательством, которое предусматривает несколько видов ответственности за нарушение требований законов в области защиты персональной информации:

- гражданско-правовую;
- дисциплинарную;
- материальную;
- административную;
- уголовную.

Причем, некоторые санкции действуют в отношении физических, юридических и должностных лиц.

Гражданско-правовая ответственность за нарушения в области использования личных данных осуществляется в требовании выплаты денежной компенсации за моральный вред.

В случае незаконного распространения чужих персональных данных на рабочем месте на виновника могут возложить дисциплинарную ответственность в виде увольнения. Если нарушение было не слишком серьезным, работник может отделаться выговором или замечанием.

Материальная ответственность может затронуть работников, которых уличили в разглашении информации, связанной с персональными данными других лиц.

Административная ответственность за нарушение порядка сбора, хранения и распространения персональных данных предполагает предупреждение или штраф в размере от 1 000 до 3 000 рублей – для физических лиц; от 5 000 до 10 000 рублей – для должностных лиц, от 20 000 до 50 000 рублей – для юридических лиц.

А за распространение охраняемой законом информации на рабочем месте – штраф в размере от 500 до 1 000 рублей – для физических лиц, от 4 000 до 5 000 рублей – для должностных лиц.

Уголовная ответственность в области персональных данных полагается за нарушение неприкосновенности частной жизни. Меры ответственности по УК РФ следующие:

- штраф в 200 000 рублей или в размере заработной платы/иного дохода нарушителя за 18 месяцев;
- обязательные работы на срок от 120 до 180 часов;
- исполнительные работы на срок до 12 месяцев;
- арест на срок до 4-х месяцев.

Если лицо, нарушившее неприкосновенность частной жизни, использовало при этом служебное положение наказание будет строже:

- штраф от 100 000 до 300 000 рублей или в размере заработной платы/иного дохода правонарушителя за 1-2 года;

- лишение права занимать определенные должности на срок от 2 до 5 лет;
- арест на срок от 4 до 6 месяцев.

Следует учитывать, что к ответственности за нарушение законодательства в сфере ПДн операторов может привлекать регулятор – Роскомнадзор. Причем претензии к работе организации в этом направлении могут появиться у него после плановой проверки организации либо после получения жалобы от субъектов.

К слову о проверках. Они бывают плановыми и внеплановыми. Первые проводятся не чаще одного раза в три года (для одной организации). Причем список организаций, к которым инспекторы придут с проверкой в ближайший год можно найти на официальном сайте Роскомнадзора. Внеплановые проверки проводятся по случаю, например, в целях разобраться в ситуации после получения жалобы от субъекта.

Поводом для проведения инспекции может стать и желание регулятора развеять собственные подозрения. Дело в том, что третьей формой проверки является систематическое наблюдение за деятельностью операторов.

Обо всех проверках регулятор уведомляет организацию заранее: за три дня в случае плановой и за 24 часа в случае внеплановой. Кроме того, по типу инспекции могут быть документарными и выездными. В первом случае достаточно предоставить регулятору полный пакет запрашиваемых им документов, которые доказывают, что оператор ведет работу с ПДн строго по закону. Во втором, инспекторы могут пройти по компании с экскурсией, чтобы изучить и технический аспект защиты информации.

Судебная практика и практика проверок Роскомнадзора, однако, показывает, что большинство нарушителей ограничиваются штрафами. В редких случаях регулятор может потребовать через суд блокировки ресурса, который уличили в распространении закрытой информации.

Так, с 1 сентября 2015 года, когда в России появился реестр операторов ПДн, суды приняли 238 положительных решений по обращениям Роскомнадзора. Эта цифра не выглядит

устрашающей на фоне общего числа операторов в реестре – 401 624 по состоянию на 31.12.2017.

Но и штрафы, которые компаниям выписывают чаще, на деле выглядят не такими уж большими. К примеру, итоговая сумма выписанных регулятором штрафов за 2019 год составила 4 068 500 рублей.

Закон «О персональных данных» устанавливает меры по обеспечению безопасности при обработке персональной информации. Соответствие информационной системы предприятия этим требованиям контролируют ФСТЭК и ФСБ. На практике они зачастую проверяют только организации, которые используют государственные информационные системы.

Проверки ФСТЭК и ФСБ могут быть плановыми и внеплановыми. При этом инспекторы обоих органов обращают внимание на одни и те же вещи, но рассматривают их под разными углами. К примеру, проверяют, какие организационные меры для защиты данных приняты в организации, исходя из требований ФСТЭК и ФСБ соответственно.

Таким образом, при выборе мер по обеспечению соблюдения требований законодательства в области персональных данных необходимо учитывать множество обстоятельств, включая размеры организации, качество внутренней документации и форм договоров, а также потенциальный уровень риска попасть в поле зрения надзорного органа.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // *Российская газета*. – 2006. – 29 июля. – № 165; 2014. – 23 июня. – № 163.
3. «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // *Собрание законодательства РФ*. – 1997. – № 10. – Ст. 1127.

Сафонов Максим Сергеевич

THE PUBLIC COMPANIES LAW AND SUBSTANTIVE IMAGES OF PERSONS OF PUBLIC LAW IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.168

The article outlines the general problems arising in the system of the Russian legislation associated with the contradiction between the legal forms set forth in the Civil Code and the forms of legal entities that were actually formed in public law. As a specific example, it was impossible to inscribe those entities which had special legal status (Central Bank of the Russian Federation, the Pension Fund of Russia, Vnesheconombank of the USSR, Bank for Foreign Trade of the RSFSR) in the proposed by Civil Code classification. The emergence of the legal form of a public corporation is seen in the article as an attempt to remove the existing contradictions in legislation.

Keywords: legal entity, the Civil Code, a public corporation, a legal entity of public law.

On 3 July 2016, President of the Russian Federation Vladimir Putin signed Federal Law No. 283 "On Public Legal Companies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." 90 days later, in early October 2016, the law entered into force.

The law defines a new type of legal entities. It follows from the definition contained in article 2 of the Act that a public law organization is a unitary non-profit organization established by the Russian Federation in accordance with the procedure established by law, with functions and powers of a public law nature and carrying out its activities in the interests of the State and society. For the emergence of a public law company, a special law or decree of the President of the Russian Federation is needed, the charter of the company is approved by the Government. In essence, the statutory procedure for the establishment of a public law company gives birth to it with already existing public corporations and public companies, which in essence remain non-profit partnerships because they operate within the framework of the Ф3-7 "On Non-Profit Organizations."

One of the options for the creation of a public law company is to create it by reorganizing a state corporation, a state company, a joint-stock company, the only participant of which is the Russian Federation. At the same time, the law defines an exception to this rule: it is not possible to convert into public law companies such state corporations as Vnesheconombank, Deposit Insurance Agency. The explanatory note states that, in accordance with paragraph 1 of the schedule of measures for the transformation and liquidation of State corporations and the State company Avtodor, approved by the Chairman of the Government of the Russian Federation on 29 December 2010 No. 6793 p-13, the current State corporations and the State company Avtodor must be either transformed, reorganized or liquidated.

Now each state corporation and state company already has a separate federal law, and the elimination of many-number shortcomings of the legal regulation of the activities of these organizations requires amendments to each of these laws, as well as to various by-laws. In due time the Government of the Russian Federation came to a conclusion that it is necessary to create the unified rules of activity of the state corporations (the state companies) defining the general approaches and requirements to creation, registration, the organization of activity, reorganization and liquidation of the state corporations (the state companies).

The Law on Public Law Companies assumes that the basic rules for them are established by the law itself, but the decision to establish a company may contain additional rules. Thus, the decision to establish a public law company should include the following information: name, purpose of activities, functions and powers of a public law nature, location, permitted activities, sources of formation of property, procedure for disposal of property, allocation of funds, including those received from commercial activities, procedure

for formation of management bodies and others. The decision to establish a public law company may contain additional rights not provided for by law. The law provides only for rights such as the right to form branches and representative offices, the right to form other commercial and non-commercial organizations, and the right to be a member of associations and unions. The company itself is by default a non-profit organization, that is, profit-making cannot be its main purpose, but it also has the right to engage in commercial activities, if provided for by the decision to establish it and the charter, only to the extent that it serves the purposes for which it was created. Laws on the establishment of public legal companies and Decrees of the President of the Russian Federation may provide for the exercise by the President of the Russian Federation of separate powers in respect of them.

The law provides for several options for the formation of a public law company. First, the property can be received in the form of a property contribution from the founder of the company - the Russian Federation. Secondly, it could be succeeded by the transformation of a legal entity into a public law company. Voluntary contributions, revenues from commercial activities and other sources were also provided for as sources.

The authorities of the public law company are also very clear. The highest management body of the company is the supervisory board. The Chairman and members of the Supervisory Board are appointed by the Government of the Russian Federation or the President of the Russian Federation. Members of the Supervisory Board may be persons serving in public positions of the Russian Federation, public positions of constituent entities of the Russian Federation, municipal positions, or public civil servants or municipal employees. The main strategic decisions are made by the Supervisory Board. The General Director of the company is appointed to the post by the decision of the Government of the Russian Federation on the proposal of the Chairman of the Supervisory Board.

An important provision on the activities of the public law corporation is the mandatory availability of planning documents for its activities: the development strategy of the public law company, which defines the main directions, targets and expected results of activities for a period of not less than five years, and the annual financial plan (budget). This provision corresponds to similar requirements for state companies and state corporations to have a long-term program of activity and financial plan.

A supervisory board monitors the effectiveness of the implementation of the development strategy. The law also provides for the establishment of an internal control system in addition to auditing. The provisions of the law on internal control, internal audit and audit of reporting are very detailed, in contrast to individual laws on state-owned companies and corporations. A strict reporting system is provided for companies. Annual report publicly - legal company sent to the President of the Russian Federation, to the Federation Council, the State Duma, the RF Government, the

Accounts Chamber of the Russian Federation, Public Chamber of the Russian Federation, published in the Internet. The law does not name the legal consequences of sending the report to the authorities: it turns out that the report is sent simply for information.

In the explanatory memorandum to the bill at one time it was declared, that it "... is aimed at addressing the use of temporarily free funds in public - Law Firm". However, only one article is devoted to this issue, and the decision of the main issues is given to the Government of the Russian Federation. It is proposed to invest temporarily available funds of public law companies on the principles of repayment, profitability and liquidity of acquired assets (investment objects). It is proposed to determine the list of permitted assets (investment objects), the procedure and conditions for investing temporarily available funds, the procedure and mechanisms for controlling their investment, as well as the procedure for making transactions on investing temporarily available funds, the forms of reports on investing temporarily available funds and the procedure for their provision and disclosure in the order, established by the Government of Russian Federation.

In general, the law contains a number of reference norms to by-laws of the Government of the Russian Federation, without which adoption of the law becomes difficult. In principle, the law will not work, if not will be taken some laws or decrees, regulating certain aspects of the activities of public - law companies. Let us dwell in more detail on a number of fundamental points that will need to be taken into account in the preparation and adoption of those.

As we all remember, in Keeping in action in the 1995 year the Civil Code of the Russian Federation¹ (Part One) has seriously changed the Russian legal field and immediately created a problem that is still unresolved. On the one hand, the Civil Code of the Russian Federation has created an open structure of organizational and legal forms that promotes participation in civil circulation of State and municipal bodies, establishing in article 124, paragraph 2, the possibility of determining the special legal status of civil entities in special laws. In addition, article 125, paragraph 3, of the Civil Code of the Russian Federation established that legal entities may act on behalf of the Russian Federation, including if it is specifically provided for in laws or decrees. The combination of these two norms allowed to consider organizational and legal forms enshrined in the Civil Code of the Russian Federation, not as dogma, but as elements of a self-developing system.

At the same time, chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation established a number of strict

rules, which are practically impossible to develop and change: a closed list of organizational and legal forms; Division of legal entities exclusively into commercial and non-commercial forms of legal connection between founders and legal entities, as well as between persons and their property.

As a result, it remained unclear whether the authorities, such as ministries and departments, should be established in such forms as legal persons, which were enshrined in the Civil Code of the Russian Federation (in fact, there were no others)². Some direction for legal judgements was set by article 2, paragraph 3, of the Civil Code of the Russian Federation, which established that civil legislation did not apply to property relations based on administrative or other authority, including tax, financial and administrative matters, unless otherwise provided for by law. But for legal persons, this rule was too uncertain. This problem has always been relevant, to which, for example, L.C. Cheremichko points out: "There is an objective question about the participation of the State in civil law relations. It cannot be called new and unexplored, as disputes about this subject have been going on among legal scholars for quite a long period of time... Unfortunately, it has not yet been possible to reach a certain "common denominator" in terms of the solution of the task under consideration. The historical stages of the development of our State: the Russian Empire, the Union of Soviet Socialist Republics and the Russian Federation - by their alternate change lead to radical changes not only in social and political life and in political activity, but also in mores, in human thoughts"³. One of the researchers, Y.N. Andreev, said that the current civil regulation of the status of the Russian Federation participating in civil relations gave us every reason to also believe that the State acted as a legal entity, but taking into account its constitutional situation⁴. These reflections by the author demonstrate the very special status of the State as a party to the civil traffic.

Finally, the most important problem was that if the Civil Code of the Russian Federation, at the level of doctrine, allowed to dissolve the concepts of "authorities" and "legal entities of private law," it could not distinguish the category of persons who fit between them, i.e. organizations that performed a public function, but private-legal methods, at all.

The Civil Code of the Russian Federation proposed the division of legal entities into criminal and non-profit organizations. This classification was a long time ago. Thus, even in Roman law, there was a division of legal persons into unions and institutions. As I.A. Pokrovsky noted, in the form of a union "there could be various trade and industrial enterprises, as

¹ Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 N 51- Φ3 "Meeting of the legislation of the Russian Federation", December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.

² Ministries and departments still exist in the form of legal entities without defining an organizational and legal form.

³ Cheremichko L.C. To the question of the civil-legal status of the state. Power of the Law. 2010. № 2. Page 217.

⁴ Andreev Yu.N. Participation of the State in Civil Law Relations. - SPb.: Publishing House of R. Aslanov "Legal Center Press," 2005. - P. 20.

well as all kinds of alliances with non-property goals - unions religious, scientific, artistic, sports, etc."⁵ But some of the discovered goals. (Denunciation of the poor, introduction of education, etc.) required separation of the service of these purposes from a particular physical entity, which was carried out by the appointment of property and the identification of those bodies to be exploited according to its purpose. In this way, the differences in the objectives of the creation of legal entities have been seen in the fact that some of the legal entities are created only to satisfy the own needs of the founders, others - to achieve certain social, altruistic objectives. And today, accordingly, commercial organizations are those that pursue profit as the main purpose of their activities. Non-profit organizations are those that do not have a profit-making purpose and do not distribute the profit obtained from their activities among their participants.

Thus, the Civil Code of the Russian Federation, dividing legal entities into commercial organizations and non-commercial entities, as well as defining them through certain characteristics as the purpose of profit acquisition and its distribution among the participants, overlooked another category of legal entities: Organizations that might not have the purpose of profiting from their activities because they acted because of the need for the State to exercise one of its public functions. But at the same time, as the realization of these functions (function) is enabled by means of civil means, in their activity profit can be formed and in this case it has to belong to the state. The insufficiency of this classification is also mentioned in his article by Y.O. Verbitskaya: "So, the two main distinctive features specified in the Russian legislation as criteria for separating non-profit organizations from commercial organizations, as it turned out, do not allow to draw a clear section between them. Profit-making, as well as profit-sharing, is a trait that can characterize both a non-profit organization and a commercial organization to a certain extent; And sometimes it is possible to distinguish a commercial organization from a non-profit organization only in an organizational and legal form. Thus, there are no criteria for explicitly classifying organizations as commercial and non-commercial."⁶ We find a similar opinion from the famous specialist N.V. Kozlova: "... the current legislation does not always allow to clearly divide legal entities into commercial and non-commercial ones. Moreover, some types of non-profit organizations are increasingly created by entrepreneurs, as their designs allow merchants to carry out many economic operations almost unhindered, but at the same time minimize taxation of their activities."⁷

The question of the rights of the founder of legal entity for the established legal entity and its property was other legal problem in the context of legal entities of the special status. The Civil Code of the Russian Federation proposed a three-link classification of such relations. Founders (participants) of a legal entity may, in accordance with article 48 of the Civil Code of the Russian Federation, have (1) binding rights in respect of that legal entity; 2) real rights for its property (property, economic maintaining, operational management); 3) have no property rights in relation to legal entities (public and religious organizations, charitable and other foundations, associations and unions). Legal entities of special status and in this case did not fall under the classification proposed by the Civil Code of the Russian Federation.

It is obvious that the State and a legal entity of special status were not bound by binding relations, as legal entities were not established in private law by signing a founding treaty or other private law documents, but in public law by adopting a relevant public act of State authority.

At the same time, the legal relationship between the State and a special legal entity did not fit into the provision proposed by the Civil Code of the Russian Federation for the certification of types of property rights.

Finally, this legal link did not fall into the third category - the exclusion of property rights against legal persons. Acts on the activity of special entities, on the contrary, regulated in great detail the social relations that had developed between the State and the legal person of special status, unlike the Civil Code of the Russian Federation, not only the scope of property rights, but also the list of possible transactions that they could carry out with regard to their property.

N. V. Kozlova points out the following on this issue: "However, from the point of view of modern science, this classification of legal entities is not quite correct, as it does not take into account the legal nature of the relationship between the legal entity and its founders (participants, members)."⁸

Article 48, paragraph 1, of the Civil Code of the Russian Federation stipulates that a legal person may have property only in the ownership, economic management or operational management. Meanwhile, legal entities of special status by that time had developed their own attitude towards property, which was not covered by the schemes of the Civil Code of the Russian Federation. The most refined formula of property relations in the legal sense has developed at the Bank of Russia, other persons with a special status to some extent repeated it, following the same logic, although in documents on their activities the texts of

⁵ Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. M.: Statute, 1998. Page 146.

⁶ Verbitskaya Yu.O. On division of the organization into commercial and non-commercial. Corporations and institutions. Collection of Articles/Ost. edition of M.A. Rozhkov. Moscow: Statute, 2007. - 348 p. Electronic

resource://http://civilista.org/article.php?id=1 (access date 15.01.2014)

⁷ Kozlova N.V. Concept and essence of legal entity. Essay of History and Theory: Tutorial. - M.: "Statute," 2003. Page 242.

⁸ Kozlova N.V. Ukaz.sost S. 244.

norms looked different. In fact, it was a matter of the following legal formula: the State grants the Bank of Russia property, which is owned by the Federation, but the Bank of Russia itself is assigned the full title of owner (ownership, use, disposal) in relation to this property, i.e. the possibility to freely dispose of it without reference to the Government of the Russian Federation. Such legal agreement was highly contradictory from the point of view of the Civil Code of the Russian Federation, but was absolutely necessary in the performance of a number of State functions.

Property right. The legal model that formalized (and formalizes) the management of the property of legal entities of special status can be conditionally called "property in property." That is, on the one hand, their property was owned by the federation, and on the other hand, it was also owned by the persons themselves, i.e. the property had as if two owners, one of whom was purely minimal (federation) and the other - real (person of special status). Meanwhile, the Civil Code of the Russian Federation assumes that the property cannot have two owners at the same time. It was this approach, according to E.A. Sukhanov⁹ and most other scientists, that was correct and consistent with Romano-German legal traditions. For example, E.A. Sukhanov said that the theory of limited property rights had successfully replaced in continental Europe the feudal idea of land ownership "split" between suzerain and vassal.

Limited real rights. E.A. Sukhanov states in one of his works: "The right of economic management and the right of operational management constitute a special type of substantive rights, known to the established legal order. These are the substantive rights of legal entities for the economic and other use of the property of the owner, most often public. They are intended to formalize the property base for independent participation in civil legal relations of legal entities - non-owners, which is impossible in ordinary, classical property turnover. " Let 's take a closer look at the models proposed by the legislation¹⁰.

Let us remember the types of property management and consider the so-called-my economic management. Ownership of property on the right of economic management the Civil Code of the Russian Federation provides only for unitary enterprises, which immediately restricts the use of this property right in relation to pre-existing legal entities of a special state. But the impossibility of applying this model of material relations is not only hidden in this. The fact is that the right of economic management fundamentally implies that the organization to which immovable property belongs on this right has no right to sell it, rent it, pledge it, contribute to the authorized capital of economic companies and associations or otherwise dispose of it without the consent of the owner. In itself, this restriction of the authority to dispose of immovable property could not have a serious impact on the operational activities of the legal entity, but it created

uncertainty as to how the unitary enterprise would dispose of other property that it had, as the Civil Code of the Russian Federation had created ambiguity in this matter, taking such regulation to the level of a special law. Thus, the right of economic management, as it developed in the legislation, practically deprived the enterprise of the opportunity to conduct effective economic activity, namely for this purpose legal entities of special status were created. For example, the Bank of Russia had to carry out numerous transactions in order to implement monetary policy at a very high rate, and the need to obtain permits to carry them out from the owner of the property could completely paralyze its activities.

Operational management. Such substantive law as the operational management of property also implies the existence of strictly defined forms of legal persons who can use it in legal connection with property - a State enterprise and an institution. This substantive right, to an even greater extent than the right of economic management, prevents the possibility of operational activities of a legal entity, requiring that almost every step of carrying out its economic activities be agreed with the owner of the property. Accordingly, neither such organizational and legal forms as the state enterprises and institution nor the legal connection of their property with the owner fit the requirements that economic practice presented to legal entities of special status.

In general, summing up the result of the review of possible forms of legal communication of the legal entity with the property, it is necessary to tell that development of legal entities of special legal status generated a special form of the real right which connected the founder and the legal entity allocated by property and it was not provided by the Civil Code of the Russian Federation. This form assumed that the property was not formally owned by a legal entity, but in fact it was fixed by law (or in fact allowed) the full rights of the owner. Therefore, since the entry into force of Part One of the Civil Code of the Russian Federation in 1995, there have been two categories of legal entities in the legal system of the Russian Federation, one of which was in accordance with the Civil Code of the Russian Federation in terms of its organizational and legal form and legal connection with property, and the other - not.

Thus, to the 1995-96 threshold, there was a contradictory situation in Russian legislation when regulating the activities of legal entities. Another category of persons with a special legal status emerged between the authorities and private legal entities, which, in this specific status, was not "recognized" by civil law on legal entities.

Despite the primacy of the Civil Code of the Russian Federation in civil relations, the legal model of legal entities of special legal status stood in competition against the legal forms offered to them and proved its viability. This was facilitated by a number of purely

⁹ Sukhanov E.A. Civil law: In 2 vol. T. 1./Under ed. E.A. Sukhanov. - M., 2000. Page 41.

¹⁰ Sukhanov E.A. Civil law: In 2 vol. T. 1./Under ed. E.A. Sukhanov. - M., 1998. Page 598.

historical activities on which there was no point in stopping, but the main one was one. It was that a legal person of special status, in the form of a very complex set of legal relations, was not subjective, but as a reflection of real social needs, which could not be satisfied by civil legislation either before 1995 or after that point.

At the same time, a relatively new term - a legal entity of public law (and its analogue - a corporation of public law) - was introduced into the administrative lexicon. Domestic legal science has used these terms before, but only as a theoretical concept in relation to Western jurisprudence, which has used this concept not only in scientific life, but also as one of the institutions of formal law: "In terms of the nature and significance of their activities not only in theory, but also in legislation, legal entities of bourgeois law are divided into: a) public and b) private. Public legal entities are recognized as the State, territorial entities, some State institutions and so-called public law corporations (for example, the legal profession)."¹¹ Since the mid-1990s, these terms have been used as theoretically sound concepts in Russian legislative activities. Drawing public and professional attention to the phenomenon of legal entities of public law made it possible to formulate in the first approximation their main typical and logical characteristics in relation to the Civil Code of the Russian Federation.

According to the classification adopted in civil law, the type of activities carried out by those organizations did not belong either to the Committee or to non-profit organizations. This activity is public, carried out by civil means. These organizations are established on the basis of special substantive law, which is not reflected in the systematization of civil law. The formal sign of these organizations is their establishment on the basis of a public act of a public body.

The formal way to resolve existing legal failures could be to create a form of legal entity that, on the one hand, could perform public functions and, on the other, would fit the classification of the Civil Code of the Russian Federation.

That need had been driven by the needs of practice and had also been discussed by doctrine. Thus, V.E. Chirkin in 2006 noted: "Apparently, there is a need along with legal entities of private law to allocate a special group of legal entities of public law."¹² This view was the most common, though not the only one. For example, G. E. Avilov and E. A. Sukhanov noted that "The design of a legal entity is born of the needs of property (civil) turnover and represents not an intersectoral category, but a civil-legal category."¹³

The design of a new form of commercial organization was meaningful, since public legal organizations could not develop a priori for profit. In theory, such a form could be designed within the framework of the model of a non-profit organization, but this was hampered by the main sign of such organizations, enshrined in the State Code of the Russian Federation, - non-distribution of profits among founders of a legal entity. In the meantime, as indicated above, public persons, as they had already been established in the legislation, had no purpose of earning profits, but they could have been involved in their activities and should then have belonged to the State, which seemed natural to the legislator. Therefore, when a new form of legal entity was negotiated, in order for it to perform public functions as a non-profit organization, it should have been deprived of the obligation to transfer profits, if any, to the benefit of the Federation. That problem had been solved through the creation of a new legal and organizational form, the public corporation.

E.O. Adarchenko, for example, writes in this regard: "In fact, state corporations, in our opinion, were initially legal persons of public law, the status of which has not yet been properly reflected in modern legislation."¹⁴

The concept of a state corporation as a type of legal entity, a non-commercial organization appeared in the legislation of the Russian Federation for the first time since the Federal Law of July 8, 1999 No. 140-FZ "On Addition to the Federal Law" On Non-Profit Organizations,"¹⁵ which introduced Article 7.1 into this Law. At the same moment, a federal contract would be adopted, which legalized the first state corporation - the Agency for Restructuring Credit Institutions.

In total, the following State corporations, some of which had already ceased to exist, had been incorporated into the legislative system of the Russian Federation.

1. Rosatom - Federal Law No. 317-FZ of 1 December 2007 "On the State Atomic Energy Corporation" Rosatom."¹⁶

2. "Rostechology" - Federal Law No. 270-FZ of 23 November 2007 "On the State Corporation" Rostechology."¹⁷

3. "State Corporation for the Construction of Olympic Facilities and the Development of the City of Sochi as a Mining Climate Resort (GK Olympus-Stroy)" - Federal Law No. 238-FZ of 30 October 2007 "On the State Corporation for the Construction of

¹¹ Bratus S.N. Legal entities in Soviet civil law. M, 1947. Page 62 — 63.

¹² Chirkin V.E. Again about the legal entity of public law. Magazine of Russian law. 2006. № 5 (113). Page 101.

¹³ Avilov G. E., Sukhanov E. A. Legal Entities in Modern Russian Civil Law//Journal of Civil Law. 2006. № 1. T. 6. Page 15.

¹⁴ Adarchenko E.O. State corporations as a type of legal entities of public law. Ad-Ministerial and Municipal Law, 2012, N 7. Electronic resource://<http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1307> date of access (22.01.14).

¹⁵ "Rossiyskaya Gazeta", N 134, 14.07.1999.

¹⁶ "Rossiyskaya Gazeta", N 272, 05.12.2007.

¹⁷ "Rossiyskaya Gazeta", N 264p, 26.11.2007.

Olympic Facilities and the Development of the City of Sochi as a Mining Climate Resort."¹⁸

4. "Fund for Assistance to the Reform of Housing and Communal Services" - Federal Law No. 185-FZ of 21 July 2007 "On the Fund for the Reform of Housing and Communal Services."¹⁹

5. "Russian Nanotechnologies Corporation" - Federal Law No. 139-FZ of 19 July 2007 "On the Russian Nanotechnologies Corporation."²⁰ (It is reorganized on the basis of the Federal Law of 27.07.2010 No. 211-FZ).²¹

6. "Bank for Development and Foreign Economic Activity (Vneshekonombank)" - Federal Law No. 82-FZ of 17 May 2007 "On the Development Bank."²²

7. Deposit Insurance Agency - Federal Law No. 177-FZ of 23 December of 2003 "On Insurance of Deposits of Individuals in Banks of the Russian Federation."²³

The legal concept that formed the basis of this organizational and legal form was described in detail above, and the legal model was as follows. The State Corporation is established by the Russian Federation and its purpose and objectives are determined directly by federal law and are public. It was established that profit-making was not the purpose of the activities of the State Corporation. The Russian Federation confers ownership on the corporation. Profits resulting from the activities of the corporation are directed to the performance of its tasks established by law. The State Corporation operated independently of other authorities in carrying out its legislative objectives, but it coordinated its activities with them in the areas of its competence. In order to carry out operational activities, a State corporation has the right to carry out certain civil transactions. The corporation was administered by a body composed of representatives of State authorities, thereby ensuring that the will of the State in the activities of the organization was reflected. This model, introduced in the legislation, allowed, for example, V.P. Mosolin to approve the following: "State corporations (companies), in their modern form provided for by the legislation, perform public legal functions in parallel with those of a private legal nature."²⁴

The model created differed in some significant respects from the model of the public-legal person that had formed by 1999. The features should be discussed in more detail.

The main feature of the new organizational and legal form of a State corporation, which should be doctrinal as a form of public law, from the former to 1999, was that the legal person had been given property by the State and transferred to the legal person. That is, the ambivalence that took place in the model embodied

in the property status of the Bank of Russia was finally overcome. The property state of "property in ownership" as a special type of property law was reduced to a more traditional understanding of "property in ownership." This step allowed to remove most of the questions about the organizational and legal form of public persons, which arose, among other things, in state bodies. In doctrine, however, the question of the ownership of state corporations remains debatable to date. In this regard, for example, V.V. Bondarenko points out: "The most balanced doctrine is the concept of explaining the nature of the right of ownership of state corporations on the basis of a divided (difficult structural) model of ownership. Thus, in particular, V.P. Mosolin, being a member of such a model, holds the position that in this case two types of property rights coexist in relation to the same state property - the Russian Federation and the state corporation - which are in a state of legal and genetic communication and interaction as part of a single constituent structure of property rights. During the existence of the state corporation, the right of the Russian Federation to the state property transferred to it is suspended, but restored subsequently."²⁵

At the same time, the profits that arise in the activities of state corporations, in accordance with the legislative norms, should have been directed not to the state budget, as, for example, traditionally established for public persons, but to achieve the objectives of the activities of the corporation itself, as provided for non-profit organizations as a whole.

Thus, in legislative terms, the evolution of perceptions of legal persons of public law has been completed. The result of this movement was a form of State corporation, which in property terms was completely independent of the State, did not owe it anything after formal acquisition of property from it. The relationship with the State, its public functions and the resulting aims and objectives of the corporation itself was carried out exclusively through the management system. On the one hand, this was a positive development, since the public authorities did not miss minor guardianship or influence the operational activities of corporations, on the other hand, the lack of control over the use of public property allowed the authorities of this organizational and legal form to speak about the inefficiency of the legal form itself. It is with these problems that today's ideas about the legal essence of persons of public law in Russian law are connected. And that is why we have much to do to resolve the contradictions in modern legislation and the emergence in the near future of new laws and by-laws regulating the activities of publicly legal companies and state corporations.

¹⁸ "Rossiyskaya Gazeta", N 247, 03.11.2007.

¹⁹ "Rossiyskaya Gazeta", N 162, 27.07.2007.

²⁰ "Rossiyskaya Gazeta", N 159, 25.07.2007.

²¹ "Rossiyskaya Gazeta", N 168, 30.07.2010.

²² "Rossiyskaya Gazeta", N 108, 24.05.2007.

²³ "Rossiyskaya Gazeta", N 261, 27.12.2003.

²⁴ Mosolin V.P. State Corporation vs. Joint Stock Company. Journal of Russian Law No. 6, 2010. Page 21.

²⁵ Bondarenko V. V. Public-legal status of state corporations. Legal field of economic policy № 12, 2012. Page 112.

Bibliography :

1. Avilov G. E., Sukhanov E. A. Legal entities in modern Russian-Sian civil law. Messenger of civil law. 2006. № 1.
2. Adarchenko E.O. State corporations as a type of legal person of public law. Administrative and municipal law, 2012, N 7. Page 13-16. Electronic resource://http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1307 date of access (22.01.14)
3. Andreev Yu.N. Participation of the State in Civil Law From - SPb.: Publishing House R. Aslanov "Legal Center Press," 2005. 355 p.
4. Bondarenko V. V. Public-legal status of state corporations. Legal field of modern economy № 12, 2012.
5. Bratus S.N. Legal entities in Soviet civil law. M., 1947. 363 p.
6. Verbitskaya Yu.O. On division of the organization into commercial and some-dimensional. Corporations and institutions. Collection of Articles/Ost. edition of M.A. Rozhkov. M.: Statute, 2007. 348 p. Electronic resource://http://civilista.org/article.php?id=1.
7. Kaplin S.J. The state corporation as a subject of law. Samara, 2011.
8. Kozlova N.V. Concept and essence of legal entity. Essay of Literature and Theory: Tutorial. - M.: "Statute," 2003. 318 p.
9. Milov K. Public Law Company - Reincarnation of public corporations for the benefit of society//Economy and life. 2013. No 5.
10. Mosolin V.P. State Corporation vs. Joint Stock Company. Journal of Russian Law No. 6, 2010. Page 19-34.
11. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. M.: Statute, 1998. 353 p.
12. Polyansky V.V. Natural monopolies and state//State and right. 2001. No 12.
13. Fishakov V.A., Tarhov V.A. Property and right of ownership. Ufa, 2001.
14. Sergey V. V. On Legal Entities of Public Law//Banks-the Law. 2013. No 2.
15. Sukhanov E.A. Civil law: In 2 vol. T. 1./Under ed. E.A. Sukhanov. - M., 1998. - 816 p.
16. Chemerichko L.C. To the question of the civil-legal status of the State. Power of the Law. 2010. № 2.
17. Chirkin V.E. Again about the legal entity of public law. Magazine of Russian law. 2006. № 5 (113).

УДК 342

Сизова Алла Сергеевна
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Владимирского филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук
Соколов Егор Евгеньевич
студент факультета права
Владимирский филиал РАНХиГС

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СВЯЗАННЫХ С ИЗМЕНЕНИЯМИ В РАБОТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Sizova Alla S.,
Assistant Professor of Constitutional
and Municipal Law Department
of Vladimir branch of the RANEPА,
PhD (Law)
Sokolov Egor E.
law student
of Vladimir branch of the RANEPА

**ON THE IMPLEMENTATION OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN
FEDERATION RELATED TO CHANGES IN THE WORK OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF
THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Основным законом любой страны является гарантом правильной жизни людей на определенном историческом этапе. Часто происходит так, что протекающая жизнь стремительно меняется, а значит и действующее законодательство должно претерпеть некоторые изменения для того, чтобы полностью контролировать текущую ситуацию в стране. Данные поправки в Конституцию Российской Федерации создают полностью новый этап в жизни нашей страны. Изменения в судебной системе влекут за собой огромные изменения в работе Конституционного Суда Российской Федерации, но не факт что данные изменения внесут только негативные моменты. Научная новизна данной работы заключается в том, что любое глобальное изменение всегда сопровождается огромным количеством различных мнений, в данной научной статье был проведен анализ части изменений в работе Конституционного Суда РФ и

сделаны выводы о допустимости и легитимности данных поправок, а также перспектив дальнейшего развития

Abstract. The basic law of any country is the guarantor of the correct life of people at a certain historical stage. It often happens that life is changing rapidly, which means that the current legislation must undergo some changes in order to fully control the current situation in the country. These amendments to the Constitution of the Russian Federation create a completely new stage in the life of our country. Changes in the judicial system entail huge changes in the work of the Constitutional Court of the Russian Federation, but it is not a fact that these changes will bring only negative aspects. The scientific novelty of this work lies in the fact that any global change is always accompanied by a huge number of different opinions, in this scientific article an analysis of some of the changes to the work of the Constitutional Court of the Russian Federation was carried out and conclusions were drawn about the admissibility and legitimacy of these amendments, as well as prospects for further development

Ключевые слова: Конституция, поправки, судебная власть, Конституционный Суд РФ.

Keywords: Constitution, amendments, judicial power, Constitutional Court of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации за все время своего существования претерпело немало количество изменений. Последние поправки в Конституцию РФ я считаю самыми глобальными за всю историю существования Основного закона нашей страны.

Как мы прекрасно знаем, с 25 июня по 1 июля 2020 года проводилось всероссийское голосование о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации. Мы не будем углубляться в тонкие вопросы данного голосования, просто лишь констатируем тот факт, что по официальной статистике почти 78 процентов проголосовавших одобрили данную инициативу о внесении конкретных поправок в Конституцию Российской Федерации. 4 июля данные поправки вступили в законную силу.

В данной работе мы не будем обсуждать поправки, касающиеся расширенных полномочий Президента Российской Федерации. Этот момент обсудили уже многие, и ничего нового мы, скорее всего, в данном вопросе не выскажем. Мы обсудим те поправки в Конституцию Российской Федерации, которые тем или иным образом были упущены многими учеными, профессионалами, а также обычными людьми.

Специальная литература предусматривает позитивное, нейтральное и регрессивное изменение Основного закона страны. В нынешних реалиях современного прогрессивного общества становится необходимым осуществление изменений в позитивной направленности. Судебная власть в любой стране выступает гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина, наиболее точно отражает правовые запросы общества и вектор его развития.

Именно поэтому многие поправки, принятые в ходе всенародного голосования коснулись судебной власти в нашей стране.

Основная тема данной работы, внесение поправок в Конституцию РФ, которые прямо касаются изменений в судебной системе Российской Федерации. Судебная власть является самостоятельной ветвью власти в Российской Федерации. Действует на основе принципа разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Основная задача –

осуществление правосудия на территории Российской Федерации.

Первое что бросается в глаза - ужесточение требований, предъявляемых к судьям. Теперь они не имеют право получать иностранное гражданство, а также не должны иметь вкладов за границей.

Следующая поправка касается Конституционного Суда Российской Федерации, а конкретно количества его судей. Раньше их было 19, теперь же их становится 11. Формально состав Конституционного Суда РФ сокращается почти в два раза, по факту на момент принятия данных поправок свои обязанности исполняли только 15 судей, соответственно уменьшение количества произойдет на 1/3. В пояснительной записке инициаторами данного изменения не было объяснений данному изменению. Обратимся к мнению Ольги Подопреловой, которая считает, что в данной ситуации были нарушены положения ч. 5 ст. 3 Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации».

Она также считает, что из данной ситуация явно вытекает и следующий факт: степени нагрузки на каждого отдельно судью Конституционного Суда РФ будет увеличиваться. Судей стало меньше, но работы не убавилось. Наоборот, тенденция такова, что обращений в КС РФ с каждым годом становится все больше.

В данной ситуации мы не согласны с мнением О. Подопреловой, так как секретариат Конституционного Суда РФ получил возможность отклонять обращения граждан в связи с тем, что они ещё не исчерпали все средства внутригосударственной защиты. А это значит что судьи Конституционного Суда РФ в данном вопросе избавляются от огромного количества обращений. Снижению нагрузки на судей будет способствовать и то, что определения КС РФ не будут подлежать разъяснению (ч. 1 ст. 83).

Также отметим, что Конституционный Суд РФ имеет право привлекать для консультаций, проведения проверок, исследования отдельных документов специалистов не заинтересованных в исходе дела, именно это будет способствовать облегчению работы судей Конституционного Суда РФ.

Также отметим, что продолжает усиливаться роль Председателя Суда, при подготовке дела к слушанию судья-докладчик сможет требовать проведения проверок, исследований, представления письменного профессионального мнения не самостоятельно, а только по согласованию с ним (ч. 2 ст. 49 ФКЗ о КС).

Обратим также внимание на поправку в статью 81 Конституции РФ, а точнее подпункт «е.3». Исходя из данной нормы мы понимаем, что Президент РФ наделяется еще одним предметом влияния на судебную власть. Теперь судей будет лишать полномочий Совет Федерации, по представлению Президента РФ. Официальный текст данного подпункта предполагает отрешение судей, «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

Кандидат юридических наук Александр Владимирович Саленко считает, что созданная «конституционная лазейка» не исключает такого варианта, при котором Президент РФ будет вправе лишить судью занимаемой должности, например, «в связи с утратой доверия» по аналогии с отрешением президентом от должности высших должностных лиц субъектов федерации.

Мы считаем, что данная поправка действительно увеличивает влияние Президента РФ в данном вопросе, но всё же, закрепленная Конституцией РФ независимость судебной власти на основе принципа разделения власти на три самостоятельные ветви никуда не делась. Конституция РФ всё также в статье 120 закрепляет независимость судей и подчинение их только Основному закону страны и федеральному закону.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что данные поправки в Конституцию Российской Федерации совсем неоднозначны, как это преподносит общественность. Да, есть много спорных моментов в части, касающейся расширенных полномочий Президента Российской Федерации в части отрешения от должности судей, но есть и положительная сторона в данных поправках: никуда не делась провозглашенная Конституцией Российской Федерации независимость судей. Принятые Конституционным Судом Российской Федерации решения являются окончательными и не подлежат обжалованию. Положения нормативных актов, признанные Конституционным Судом противоречащими Конституции, утрачивают силу. Уменьшение числа судей Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что на данном историческом этапе развития нашей страны данное изменение необходимо. К тому же число их обязанностей уменьшилось, на помощь им пришел секретариат и отсутствие необходимости давать разъяснения, помощь специалистов. Никуда не делся профессионализм

данных судей, а значит исполнение ими своих обязанностей должно остаться на том же уровне.

Список литературы

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23 мая 1969 года) // <https://pravo.ru>

2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : <https://pravo.ru>

3. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1–3. URL : <https://pravo.ru>

4. По делу о проверке конституционности Положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального Закона «О международных договорах российской федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 Части 3 статьи 311 арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 Части 1 статьи 350 кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы Депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. URL : <https://pravo.ru>

5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019 (дата обращения 22.11.2021).

6. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 2020 г. Стенограмма. URL : <https://pravo.ru>

7. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» /

Цветикова Татьяна Викторовна
аспирантка II курса
юридического факультета по направлению
«Теория и история права
и государства;
история политических и правовых учений»
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского», преподаватель
высшей квалификационной категории
ГБПОУ КО «Калужский колледж
народного хозяйства и природообустройства».

МЕСТО ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID -19

Tsvetikova Tatyana Viktorovna
a post-graduate student
of the second year of the Faculty of Law
in the direction of "Theory and history of law and the State;
history of political and legal doctrines "
Bryansk State University
named after Academician I. G. Petrovsky,
teacher of the highest qualification category
GBPOU CO "Kaluga College of National Economy
and Environmental Management"

THE PLACE OF LEGAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF OVERCOMING THE CONSEQUENCES OF THE COVID-19 CORONAVIRUS INFECTION

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.3.75.167

Аннотация. Коронавирусная инфекция COVID -19 привела к глобальному кризису во всех сферах жизнедеятельности общества и государства: экономике, социальных отношениях, образовании, медицине; заставила пересмотреть правовые нормы и принять законы и подзаконные акты, регламентирующие поведение людей в условиях новой пандемии. Наиболее страшные ее последствия связаны с массовой гибелью людей на всех континентах, как от самого заболевания, так и от его осложнений. Только в Российской Федерации за 2020-2021 годы неоднократно принимались органами верховной власти постановления о введении и продлении особого положения, которое заключается в ведении масочного режима на предприятиях и в организациях различных форм собственности; установления социальной дистанции в 1,5м, перевод детских дошкольных и образовательных учреждений на дистанционное обучение и т.д..

Идентичные ограничения были введены и за рубежом в тех странах, где уровень заболевших и умерших от новой инфекции достаточно высок.

Изобретение и применение вакцин от данного недуга тоже пока не гарантирует 100%-гарантии защиты. К сожалению, отдельные граждане, привитые от COVID – 19, скончались впоследствии от осложнений, вызванных сопутствующими заболеваниями. В ряде стран прошли массовые выступления против закрытия предприятий и перевода производства в заочную форму, что неизбежно привело к росту расходов предпринимателей, вызванных необходимостью внедрения новых технологий в авральном порядке.

Для предотвращения всеобщего хаоса и роста случаев правового нигилизма назрела необходимость преобразования существующей правовой культуры с учетом экстраординарных обстоятельств, вызванных глобальным мировым кризисом. Способам и рекомендациям приспособления правовых механизмов, действующих как в мире, так и в Российской Федерации, к последствиям коронавирусной инфекции COVID – 19 посвящена представленная публикация.

Ключевые слова: «коронавирусная инфекция»; «осложнения респираторных заболеваний»; «режим самоизоляции»; «мониторинг эпидемиологической ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции COVID – 19».

Введение.

Коронавирусная инфекция, возникшая в мировом масштабе в 2020 году, вновь заявила о

себе через 13 лет. Причисленная к группе респираторных заболеваний, наряду с гриппом и ОРЗ, она поражает не только своими масштабами, но и тяжестью последствий.

Впервые родственная аномалия была зафиксирована в 2002 – 2003гг. в форме атипичной пневмонии. Переносчиками заболевания тогда стали летучие мыши, виверры.

В 2019г. до настоящего времени идет распространение новой коронавирусной инфекции COVID – 19. Ее возбудители однозначно не установлены, предполагается, что ими могут оказаться панголины. При этом уже на 22 июня 2020г. только в США было зафиксировано более 468 жертв указанного недуга. [1]

Естественно, что в такой ситуации ряд стран, столкнувшихся с аналогичной проблемой и не имевших четких представлений о способах ее преодоления, пошли на масштабные ограничения во всех сферах жизнедеятельности общества и государства: экономике, социальных отношениях, проведение культурно-массовых мероприятий, организация празднования религиозных торжеств различными конфессиями и т.д.. Кроме того, был введен повсеместный масочный режим, в местах массового пребывания людей устанавливалась социальная дистанция не менее 1,5м. Людям запрещалось без особой необходимости покидать места своего постоянного проживания или пребывания.

В ответ на подобную политику правящих кругов в ряде стран прокатилась волна протестов. Тем самым было продемонстрировано неприятие гражданами любого наступления на их свободы, что в данной ситуации уполномоченными властными органами было интерпретировано как проявления правового нигилизма.

Данная статья раскрывает механизмы сохранения правовой культуры в условиях кризисных явлений, которые имеют место не только в настоящий исторический период, но могут повториться и в будущем на примере нормативно-правовых источников и специальной литературы соответствующей тематики.

Целью ее написания является раскрытие различных точек зрения по поводу состояния правовой культуры и особенностей механизмов ее сохранения, применяемых в ситуации существования и распространения новой коронавирусной инфекции.

Задачи исследования состоят в следующем:

- раскрытие особенностей появления и развития пандемии COVID -19 в имеющихся публикациях;
- рассмотрение последствий негативных явлений в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, ведущих к активизации правового нигилизма;
- представление рекомендаций по сохранению правовой культуры в условиях существования коронавирусной инфекции COVID – 19 на основе

текстов работ исследователей данной проблематики.

Объектом данного исследования является категория «правовая культура». Предмет изучения составляет проблема ее сохранения в условиях господства в мире в целом и в Российской Федерации, в частности, вышеназванной респираторной аномалии.

Представленная публикация опирается на следующие нормативно-правовые источники: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.05.2020г. № 15 (ред. от 13.11.2020г.) «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597 – 20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID – 19)» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2020г. № 58465); «Рекомендации по профилактике рисков, связанных с распространением коронавирусной инфекции (COVID – 19), при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, иных выборов и референдумов, назначенных на единый день голосования 19 сентября 2021 года» (утв. Главным государственным санитарным врачом 08.07.2021г.); Федеральный закон Российской Федерации от 20.07.2020г. № 215 – ФЗ (ред. от 22.12.2020г.) «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции»; Указ Президента Российской Федерации от 15.06. 2021г. № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID - 19)»; изменения в гражданском, трудовом, административном, уголовном и иных законодательных системах Российской Федерации. Иностранный опыт выявления и преодоления последствий новой коронавирусной инфекции приводится в подборке материалов по теме: «Наука и борьба с COVID – 19», подготовленной Департаментом международного и регионального сотрудничества.

В качестве учебной литературы привлекаются публикации Б.К.Романова «Коронавирусная инфекция covid – 2019», В.Ю. Мельникова «Российское законодательство в период противодействия коронавирусной инфекции», М.А. Ефремовой, А.А. Шутовой, А.А. Никифоровой «Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19)»; коллективная публикация «Новая коронавирусная инфекция Covid-19 в практике акушера-гинеколога: обзор современных данных и рекомендаций» и т.д..

Материалы и методы. Методологическая база представлена описанием, анализом, обобщением, прогнозированием.

Описание как основной прием изложения материала используется при обращении к текстам документов, касающихся ограничений и специфики поведения граждан в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID – 19.

Анализ в качестве основного метода исследования привлекается при рассмотрении изменений, касающихся настоящей эпидемиологической ситуации в ряде законодательных баз Российской Федерации, а также действующих за рубежом.

Обобщения представлены в выводах, как по отдельным фрагментам статьи, так и в заключительной части.

Наконец, прогнозирование позволяет оценить состояние правовой культуры в мировом масштабе и в отечественной традиции при дальнейшем распространении новой коронавирусной инфекции.

Результаты. В связи с тем, что коронавирусная инфекция возникла внезапно и заставила мировое сообщество позаботиться, главным образом, о минимизации ее вредных последствий с медицинской точки зрения; правовой аспект при разрешении сложившейся ситуации изначально был тесно связан со сферой здравоохранения и лекарственного обеспечения. Хотя теоретическая база по данной проблематике только начинает формироваться, прослеживается намерение общества и государства актуализировать действующие нормы права для обеспечения максимального сохранения физического и психического здоровья населения в сложившихся обстоятельствах, о чем можно судить по текстам приведенных документов и публицистическим материалам. При этом законодатель и лица, осуществляющие правоприменительную деятельность, считают необходимость сформировать как на личностном, так и на групповом уровнях, ответственное поведение населения, понимающего необходимость применения ряда ограничительных мер в борьбе с пандемией COVID – 19.

Обсуждение. Обратимся прежде всего к нормативно-правовой базе, предлагающей способы борьбы с данным недугом, исходя из его симптоматики.

Поскольку новая коронавирусная инфекция относится к категории тяжелых респираторных заболеваний, от граждан требуют соблюдения следующих мер безопасности:

- ношение индивидуальных средств защиты при посещении мест массового пребывания людей;
- соблюдение социальной дистанции 1,5 – 2 м;
- периодическое проведение влажной уборки с добавлением дезинфицирующих средств на предприятиях, в организациях и в домашней обстановке;

- регулярное мытье рук, протирание поверхностей столов, компьютеров и других элементов мебели, с которыми непосредственно соприкасается человек. [2]

Для локализации очагов распространения указанного заболевания после анализа текущей эпидемиологической обстановки Правительство РФ и Президент могут своими актами отменять или продлевать период чрезвычайного положения (последнее имеет место в настоящее время). [3]

Для предотвращения нежелательных последствий коронавирусной инфекции COVID -19 при проведении массовых мероприятий общественного или государственного значения также разработано и принято ряд актов, регламентирующих поведение граждан и должностных лиц, принимающих участие в их проведении.

Так, при голосовании на выборах депутатов Федерального собрания Российской Федерации, а также регионального и муниципального уровней требуется проводить термометрию, как участников избирательных комиссий, наблюдателей и представителей правоохранительных органов, так и голосующих граждан.

Всех посетителей избирательные комиссии должны обеспечить индивидуальными ручками, масками и перчатками (указанные средства индивидуальной защиты выбрасываются в урну после завершения гражданином процедуры голосования и выхода с избирательного пункта).

Между кабинками для голосования и столами, за которыми заполняются бюллетени, устанавливается дистанция в 1,5 м.

В самом помещении для голосования устанавливаются запреты рукопожатий и иных форм тесных контактов между людьми, которые могут привести к заражению указанным вирусом.

Если у кого-либо из участников избирательной комиссии, наблюдателей или представителей правоохранительных органов будет зафиксирована температура выше 37,1 °С, его помещают в изолированное помещение и вызывают медицинского работника для установления причины повышенной температуры и оценки общего состояния здоровья.

Таким образом, указанные мероприятия свидетельствуют о необходимости наличия высокой правовой культуры не только у гражданского населения, но также у юристов, разрабатывающих соответствующие правила поведения и должностных лиц, осуществляющих контроль за их исполнением в определенной обстановке. [4]

Учитывая, что чрезвычайная ситуация, вызванная атипичным заболеванием, неизбежно отражается на различных сторонах общественной жизни, по мере необходимости вносятся изменения в акты гражданского, административного, уголовного и иных систем законодательства Российской Федерации.

В частности, в отношении должников – юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, являющихся субъектами малого или среднего бизнеса, по их заявлению или заявке доверенных лиц, может быть предоставлена рассрочка кредитных платежей. Исключение составляют случаи, когда в отношении соответствующих субъектов уже было возбуждено дело о банкротстве. Тем самым властные структуры побуждают кредиторов, независимо от их статуса, делать послабления обязанным лицам, понимать тяжесть их положения в материальной сфере из-за неординарной ситуации.

Что касается рядовых граждан, то рассрочка обязательных платежей им предоставляется, если их единственный источник дохода – пенсионное обеспечение по старости, инвалидности или по случаю потери кормильца, сумма которого не превышает 2-х минимальных размеров оплаты труда, установленных для федерального центра, региона или муниципального образования. [5]

В целом от предпринимателей и представителей предприятий и организаций требуется честное информирование уполномоченных властных структур о своем материальном положении в связи с существующим эпидемиологическим кризисом; от представителей уполномоченных органов – деятельное вмешательство в ситуацию для ее стабилизации в отношении лиц, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации в силу стечения обстоятельств. Подобный пример также свидетельствует о необходимости наличия высокого уровня правовой культуры у всех сторон взаимодействия.

Кроме граждан Российской Федерации, тяжелое положение, вызванное новой коронавирусной инфекцией, отразилось и на судьбах иностранных граждан и лиц без гражданства, оказавшихся на чужой территории в этот непростой период времени либо ожидающих разрешения на въезд в Россию в рамках программы поддержки соотечественников, оказавшихся за пределами государства. [6]

Так, в период с 15.03.2021г. по 15.06.2021г. приостанавливалось течение сроков временного или постоянного пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации по месту их пребывания или по зарегистрированному месту жительства, если данные сроки истекали.

При невозможности по эпидемиологическим показателям въезда на территорию Российской Федерации лиц в рамках программы поддержки соотечественников, оказавшихся за пределами государства, срок разрешения для переезда в Российскую Федерацию продлевался, если не истек 6-ти месячный период выдачи разрешения на переезд в государство.

Также приостанавливалось действие административных постановлений о выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства из страны за противоправную деятельность,

предусматривающую подобную меры воздействия к нарушителю, если в государстве преимущественного или постоянного проживания таких граждан был установлен карантин по коронавирусной инфекции COVID – 19. Тоже касается и добровольного выезда граждан в другие государства с территории Российской Федерации.

Одновременно приостанавливается истечение сроков действия въездных документов: виз, разрешений на временное проживание, вида на жительство, миграционных карт, удостоверений беженца, свидетельств о рассмотрении ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу, свидетельства о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, а также свидетельства участника Государственной программы о переселении соответствующих граждан.

Подобные изменения в положении иностранных граждан и лиц без гражданства, оказавшихся на территории Российской Федерации в период коронавирусной инфекции, а также политика, проводимая в отношении российских граждан, находящихся за границей и желающих переехать на постоянное место жительства в Россию, свидетельствуют о необходимости наличия высокой правовой культуры не только у законодателей, принимающих подобные решения, но также и у представителей исполнительных органов власти, осуществляющих их реализацию на практике в условиях неординарной политической и правовой ситуации, вызванной коронавирусной инфекцией COVID – 19, когда ими демонстрируется понимание физического и морального состояния людей, оказавшихся в чужом государстве в кризисный период, которые не должны из-за экстраординарных обстоятельств превращаться в категорию индивидов без определенных мест жительства и работы.

В качестве перехода от нормативно-правовой базы, регламентирующей поведение людей в условиях коронавирусной инфекции COVID – 19, можно обратиться к отчету по теме: «Наука и борьба с COVID – 19», подготовленного Департаментом международного и регионального сотрудничества.

В данной работе описываются история возникновения соответствующего заболевания и сходных недугов; эпидемиологическая картина развития; приводятся методики предупреждения роста случаев заражения соответствующим вирусом через проведение вакцинации.

Последовательность изложения и подробное описание разных сторон развития коронавирусной патологии показывают понимание медицинскими работниками не только Российской Федерации, но и ряда зарубежных стран, в частности, США, необходимости скорейшего внедрения на практике эффективных медикаментозных средств минимальными побочными явлениями для минимизации случаев заражения и

распространения указанной, опасной, на сегодняшний день, инфекции.[7]

После анализа отдельных документов, тексты которых направлены на стабилизацию ситуации, связанной с распространением новой респираторного заболевания, стоит обратиться к публицистическим источникам. Так, Б.К. Романов в своей статье, посвященной непосредственно заболеванию, вызванному вирусом 2019 – nCov, излагает стратегию борьбы с указанным недугом по версии ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения). [8] По приведенным им данным, 31 декабря 2019г. прошла информация о первом случае заражения неизвестной болезнью в провинции Ухань (Китайская народная республика). Уже к 3 января следующего года заболевание было подтверждено у 44 пациентов; возбудителем считались морепродукты, с которыми соприкасались все указанные лица. Первые симптомы нового недуга возникли в период между 12 и 29 декабря 2019 года.

Первый отчет о распространении и развитии указанного заболевания представители ВОЗ опубликовали 21 января 2020г. 31 января 2020г. случаи появления коронавирусной инфекции были зафиксированы на территории России, но пострадавшими являлись жители Китая.

Для поиска путей преодоления заболевания представители уполномоченных властных структур на первом этапе попытались найти родственные аномалии, имевшие место в мире в последние годы. Были проанализированы симптомы недуга; оценены сезонные проявления.

10 января 2020г. в ряде стран мира были подготовлены и утверждены руководящие указания о подготовке к проявлениям вышеуказанной инфекции. 11-12 февраля был созван Глобальный научно-инновационный форум по проблеме мобилизации международных усилий в ответ на COVID – 19.

Лицам, находящимся в кратковременном контакте с заболевшими, рекомендовалось перейти на 14 –дневный карантин. Тем, кто находился в более длительных взаимодействиях с индивидами, у которых был выявлен указанный недуг, рекомендовалось перейти на более длительную изоляцию в рамках гостиниц, домов отдыха, профилакториев.

Если у граждан выявлялись осложненные формы коронавирусной инфекции, то их рекомендовалось помещать в специализированные стационары и проводить процедуры интенсивной терапии. При этом в ранней стадии заболевания рекомендовалось применять антибиотики для подавления активности вируса. Однако, подобные мероприятия были неприемлемы для граждан, у которых уже были выявлены респираторные заболевания типа ОРВИ (острой респираторной вирусной инфекции).

Устанавливались также нормы выделяемого кислорода для лиц, страдающих заболеваниями, сопровождаемыми затрудненным или

отсутствующим дыханием, тяжелой дыхательной недостаточностью, центральным цианозом и иными патологиями верхних дыхательных путей. Делалось предупреждение относительно неправильного установления оптимальной дозы насыщения легких этим компонентом, что могло вызвать летальный исход. Все предлагаемые рекомендации, в конечном итоге были направлены на стабилизацию состояния инфицированного человека; предотвращение его смерти, что свидетельствует о высоком уровне правовой культуры автора публикации, понимающего, с одной стороны, опасность дальнейшего распространения опасного недуга; с другой, готового бороться до конца за жизнь каждого пациента, даже находящегося в тяжелом состоянии.

Представленная информация свидетельствует о том, что вышеуказанный публицист делает акцент на понимании каждым индивидом сути новой патологии. При обнаружении ее признаков у себя любой из них должен быть готов на ограничительные мероприятия и пройти необходимый курс лечения для сохранения здоровья у окружающих лиц, а также недопущения рецидива заболевания у себя.

М.А. Ефремова, А.А. Шутова, А.А. Никифорова, рассматривая изменения административного и уголовного законодательных систем в условиях существования коронавирусной инфекции COVID – 19, пришли к выводу, что нововведения коснулись, прежде всего, рекомендаций лицам, у которых не был выявлен данный вирус, находиться на самоизоляции в привычных для себя помещениях; инфицированным субъектам советовали немедленно обратиться в медицинское учреждение и при необходимости пройти госпитализацию.[9] По их мнению, правовая культура граждан в условиях коронавирусной инфекции, реализовывалась, в первую очередь, в их готовности к самоизоляции для предотвращения заражения либо распространения вируса от больного человека к здоровому. При нарушении указанного режима, особенно заболевшими гражданами, устанавливалась уголовная ответственность, установленная статьей 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» Уголовного кодекса РФ. [10] При этом в качестве наступивших последствий указывали массовое заболевание граждан.

В.Ю. Мельников в своей публикации отражал действия властей г. Москвы по отслеживанию лиц, нарушающих режим самоизоляции и использующих в отношении их штрафные санкции, о которых им сообщалось по электронной почте или посредством телефонной связи. Подобные меры воздействия должны были хотя бы в принудительном порядке сформировать должный уровень правовой культуры в сфере соблюдения ограничений, связанных с новой инфекцией, у широкого круга населения.

Идентичный опыт был реализован еще в 21 регионе Российской Федерации. [11]

Е. Ю. Юпатов, Л.И. Мальцева, Р.С.Замалева, Т.П.Зефирова и др. в своей коллективной публикации пытаются провести мониторинг случаев осложненных беременности и преждевременных родов у лиц, страдающих указанной инфекцией.[12] При этом были выявлены 2 случая передачи новой инфекции от матери плоду; из 10 новорожденных только один ребенок родился недоношенным, у троих была диагностирована бактериальная пневмония. Была проведена антибактериальная терапия, после чего новорожденные с матерями были выписаны домой; материнской или детской смертности впоследствии зафиксировано не было.

Подобные наблюдения и опубликование их результатов свидетельствуют о высоком уровне профессиональной правовой культуры врачей, готовых не только поделиться опытом в применении профилактических средств, но также считающих необходимым информировать население об эпидемиологической ситуации, связанной с коронавирусной инфекцией в области гинекологии и акушерства, т.е. сфере, связанной с рождением новых людей.

Тем не менее, проблема сохранения правовой культуры в условиях преодоления последствий, вызванных коронавирусной инфекцией COVID – 19, существует. Если специалисты стараются вводить меры по предупреждению этого опасного заболевания через вакцинацию, то рядовые граждане, как в Российской Федерации, так и за рубежом выступают против проведения подобной процедуры.

Так, власти стран ЕС (Европейского Союза) столкнулись с массовыми акциями протеста после введения обязательной вакцинации для врачей, медсестер, сиделок, пожарных, военных.

Власти Франции поставили население перед выбором: либо пройти вакцинацию от коронавируса, либо на время оказаться безработными без всяких средств к существованию. Для 16-17-ти - летних подростков ввели право вакцинироваться без согласия родителей.

Все рекорды по выступлениям против вакцинации от указанного заболевания бьет Германия. [13]

В Российской Федерации в 52 городах прошли акции, направленные против принудительной вакцинации от новой коронавирусной инфекции.[14]

Подобные проявления правового нигилизма связаны со следующими факторами:

- во-первых, до конца не были изучены последствия вакцинации и установлены показания и ограничения к ее проведению;

- во-вторых, на сегодняшний день нет однозначно эффективной вакцины, а смертность от уже примененных инъекций пугает население;

- в-третьих, не налажена разъяснительная работа с людьми разных социальных слоев и групп, как об опасности данного респираторного заболевания, так и о необходимости проведения вакцинации в целях предупреждения осложнений указанного недуга;

- наконец, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости совместной деятельности представителей властных структур, медицинских работников и рядовых граждан над повышением уровня правовой культуры в условиях преодоления последствий коронавирусной инфекции COVID – 19.

Заключение.

Таким образом, для сохранения и повышения уровня правовой культуры населения в целом как в Российской Федерации, так и за рубежом в вопросе преодоления последствий новой коронавирусной инфекции COVID -19, представителям властных структур, в первую очередь, следует отказаться от давления на граждан и перейти к разъяснительной и консультативной работе.

Также необходимо проводить испытания каждого нового лекарства вначале на животных со сходным с человеком генотипом, а затем на группах добровольцев и только после достаточного количества позитивных результатов исследований внедрять массовую вакцинацию.

Наконец, нужно своевременно проводить мероприятия, направленные на поддержку различных сфер жизнедеятельности общества и государства: экономики, социальных отношений, медицинского и лекарственного обслуживания, совершенствования культурно-досуговой деятельности, образовательной среды, чтобы предупреждать системные кризисы, подобные последствиям новой коронавирусной инфекции COVID-19.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коронавирус в США.//[Электронный ресурс]: URL: coronavirusstat.ru (Дата обращения: 21.09.2021г.);

2. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.05.2020 № 15 (ред. от 13.11. 2020г.) «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597 -20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции COVID – 19» (вместе с СП 3.1.3597 – 20 «Санитарно-эпидемиологические правила...») (Зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2020г. № 58465);

3. Указ Президента РФ от 11.05.2020г. № 316 «Об определении порядка продления мер по обеспечению санитарно – эпидемиологического благополучия населения в субъекта Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID – 19);

4. «Рекомендации по профилактике рисков, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID – 19, при подготовке и

проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, иных выборов и референдумов, назначенных на единый день голосования 19 сентября 2021 года» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 08.07.2021г.);

5. Федеральный закон РФ от 20.07.2020г. № 215 – ФЗ (ред. от 22.12.2020г. № 450 – ФЗ) «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции»;

6. Указ Президента РФ от 18.04.2020г. № 274 (ред. от 02.01.2021г.) «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID – 19);

7. Б.К. Романов Коронавирусная инфекция COVID – 2019. // [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.30895/2312-7821-2020-8-1-3-8> (Дата обращения: 21.09.2021г.);

8. Наука и борьба с COVID -19. Дайджест подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества в 2020г. – 45с.// [Электронный ресурс]: URL: Covid – 19 – science. pdf (Дата обращения: 21.09.2021г.);

9. М.А. Ефремова, А.А. Шутова, А.А. Никифорова Трансформация российского

административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).// [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru>. (Дата обращения: 21.09.2021г.);

10. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996г. № 63 – ФЗ (ред. от 01.07.2021г.). – ст. 236;

11. В.Ю. Мельников Российское законодательство в период противодействия коронавирусной инфекции.// [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru>. (Дата обращения: 21.09.2021г.);

12. Е.Ю. Юпатов, Л.И. Мальцева, Р.С. Замаева, Т.П. Зефирова, О.В. Чечулина, М.И. Мазитова, Т.Е. Курманбаев. Новая коронавирусная инфекция COVID – 19 в практике акушера-гинеколога: обзор современных данных и рекомендаций.// [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2020.142>. (Дата обращения: 21.09.2021г.);

13. «Руки прочь от наших прав!» Как карантин в Европе привел к массовым беспорядкам и акциям протеста против вакцинации. // [Электронный ресурс]: URL: LENTA.ru. (Дата обращения: 21.09.2021г.);

14. В 52 городах России прошли акции в защиту права человека на добровольность вакцинации. // [Электронный ресурс]: URL: новости – россия.ru – an.info. (Дата обращения: 21.09.2021г.).

Черненко Павло Валерійович

аспірант докторантури та аспірантури

Дніпропетровський державний університет внутрішніх справ

ФАЛЬСИФІКАЦІЯ ВИБОРЧИХ ДОКУМЕНТІВ: КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВИЙ АНАЛІЗ ОБ'ЄКТИВНИХ ОЗНАК

Chernenko Pavlo Valeriyovych

postgraduate and postgraduate studies

Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

FALSIFICATION OF ELECTORAL DOCUMENTS: CRIMINAL AND LEGAL ANALYSIS OF OBJECTIVE SIGNS

Анотація. Наукову статтю присвячено кримінально-правовому аналізу об'єктивних ознак фальсифікації виборчих документів. У межах дослідження наголошується на тому, що відповідно до чинного кримінального законодавства України, кримінальна відповідальність за фальсифікацію виборчих документів передбачена в ст. 158, 158-1, 158-2 та 158-3 Кримінального кодексу України. Загострюється увага на тому, що усі ці кримінально-правові норми, не зважаючи на те що вони об'єднані єдиним родовим об'єктом, мають власний безпосередній об'єкт. Проаналізовано розуміння та зміст предмету складу кримінального правопорушення, який має місце у випадку фальсифікації виборчих документів. Зазначено те, що суспільно небезпечне діяння, як єдина обов'язкова ознака об'єктивної сторони фальсифікації виборчих документів, передбачена законодавцем у формі активної дії. Наголошується увага на тому, що правильний кримінально-правовий аналіз ознак складів кримінальних правопорушень має невід'ємне та актуальне значення під час здійснення ефективної протидії даному негативному кримінально-протиправному явищу.

Abstract. The scientific article is devoted to the criminal-legal analysis of objective signs of falsification of election documents. The study emphasizes that in accordance with the current criminal legislation of Ukraine, criminal liability for falsification of election documents is provided in the following articles of the Criminal Code of Ukraine – 158, 158-1, 158-2, and 158-3. Attention is drawn to the fact that all these criminal law norms, even

though they are united by a single generic object, have their own direct object. The understanding and content of the subject of the criminal offense, which takes place in case of falsification of election documents, is analyzed. It is noted that a socially dangerous act, as the only obligatory sign of the objective side of falsification of election documents, is provided by the legislator in the form of active action. Attention is drawn to the fact that the correct criminal-legal analysis of the features of the components of criminal offenses is not negative and relevant in the implementation of effective counteraction to this negative criminal-illegal phenomenon.

Ключові слова: фальсифікація виборчих документів, об'єкт кримінального правопорушення, предмет кримінального правопорушення, виборчий документ, виборча документація, суспільно небезпечна дія.

Keywords: falsification of election documents, the object of a criminal offense, the subject of the criminal offense, election document, election documentation, socially dangerous action.

Постановка проблеми. Групу кримінальних правопорушень, що пов'язані з фальсифікацією виборчих документів утворюють наступні кримінально правові норми – ст.ст. 158, 158-1 та 158-2 Кримінального кодексу України (далі – КК України). Всі вони віднесені законодавцем до Розділу V «Кримінальні правопорушення проти виборчих, трудових та інших особистих прав і свобод людини і громадянина» КК України.

Починаючи реалізовувати кримінально-правову характеристику об'єктивних ознак даних кримінально-правових норм існує певна потреба наголосити на деяких етапах нормотворчості.

По-перше, в редакції КК України 2001 року в кримінальному законі мала місце лише ст. 158 КК України «Неправомірне використання виборчих бюлетенів, підлог виборчих документів або неправильний підрахунок голосів чи неправильне оголошення результатів виборів», яка в подальшому змінювалась, трансформувалась та вкінці кінців отримала сучасну назву «Надання неправдивих відомостей до органу ведення Державного реєстру виборців або інше несанкціоноване втручання в роботу Державного реєстру виборців». При цьому, останні зміни відбулись лише 16 липня 2020 року, що були внесені ЗУ «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо вдосконалення виборчого законодавства» [1].

По-друге, незважаючи на той факт, що ст.ст. 158-1 та 158-2 КК України є, в певній мірі, новелами кримінального законодавства (ст. 158-1 КК України «Голосування виборцем на виборчій дільниці більше ніж один раз» набрала чинності 21 серпня 2009 року [2], а ст. 158-2 КК України (на той час ст. 158-1 КК України) «Незаконне знищення виборчої документації або документів референдуму» – 1 грудня 2005 року [3]) вони неодноразово доповнювали свій зміст, а інколи навіть суттєво змінювались.

Внаслідок чого, в наукових дослідженнях проблеми кримінально-правової характеристики цих кримінально-правових норм існують певні прогалини, недостатня розробленість. І саме головне, дуже часто в наукових публікаціях минулих років зустрічаються певні позиції правників, що були актуальні на момент чинності тих чи інших редакцій даної категорії кримінальних правопорушень, а в реаліях сучасного стану кримінального законодавства ці точки зору втрачають свою достовірність та об'єктивність.

Аналіз останніх досліджень та публікацій.

Проблемою кримінально-правового аналізу об'єктивних ознак кримінальних правопорушень (свого часу – злочину) займалися велика когорта як вітчизняних правників так і закордонних. Необхідно наголосити на тому, що дослідження даної проблематики тривають не одне десятиліття і навіть століття. Серед загальної кількості дослідників найбільший внесок в розвиток як теорії складу кримінального правопорушення (злочину) взагалі, так і об'єктивних ознак окремо зробили М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, К. Біндінг, Ф. Г. Бурчак, Г. Вельцель, С. Б. Гавриш, В. П. Ємельянов, М. Й. Коржанський, В. М. Кудрявцев, Ф. Ліст, А. В. Наумов, Б. С. Нікіфоров, М. І. Панов, А. О. Пінаєв, О. О. Піонтковський, В. В. Сташис, М. С. Таганцев, В. Я. Тацій, А. Н. Трайнін, В. М. Трубніков, С. В. Фесенко, А. Фейєрбах та інші.

Але, необхідно ще раз наголосити – всі ці дослідження переважній мірі мали відношення до загальнотеоретичних аспектів проблеми складу кримінального правопорушення (злочину).

Щодо кримінально-правової характеристики суспільно небезпечних діяння, пов'язаних тим чи іншим чином з піддробленням документів, свого часу висвітлювалася у працях А.А. Жижиленка, А.В. Кузнецова, Б.І. Пінхасова, Г.Ф. Поленова та Т.Л. Сергеевої. При цьому, необхідно наголосити на тому, що всі вони були здійснені або за межами України, або на підставі радянського законодавства. Що стосується аналізу проблеми захисту суспільних відносин, предметом яких виступають документи, на підставі українського законодавства, то в цій ситуації можливо виділити роботи Ю.П. Дзюби, Н.О. Тимошенко, С.С. Тучкова та М.І. Фіалки.

Однак, відсутність комплексних кримінально-правових досліджень стосовно саме встановлення кримінальної відповідальності за фальсифікацію виборчих документів зумовлює актуальність обраної нами теми наукової статті.

Мета статті. Метою нашої наукової статті є кримінально-правовий аналіз об'єктивних ознак складів кримінальних правопорушень, які полягають у фальсифікації виборчих документів.

Викладання основного матеріалу. Враховуючи викладене вище, реалізуємо аналіз кримінально-правових ознак об'єктивного характеру ст.ст. 158, 158-1 та 158-2 КК України.

Об'єкт та предмет фальсифікації виборчих документів. Наукова думка в теорії кримінального права відносно родового об'єкту Розділу V КК України в більшій мірі отримала власне визначення. Але, зрозуміло той факт, що існують окремі особисті уточнення окремих науковців на це питання.

Так, свого часу, А. А. Васильєв та Д. Ю. Кондратов під родовим об'єктом даної групи кримінальних правопорушень визнавали суспільні відносини, що забезпечують дотримання та реалізацію прав та свобод людини та громадянина. При цьому, вони наголошували на тому, що традиційно, у теорії держави і права, виокремлюють чотири групи основних прав і свобод людини і громадянина: особисті (громадянські), політичні, соціально-економічні та культурні (духовні) [4, с. 130].

Декілька пізніше, Д. Ю. Кондратов оптимізував раніше викладену власну думку і визначив родовий об'єкт даної групи кримінальних правопорушень як суспільні відносини, що забезпечують дотримання та реалізацію громадянських (особистих), політичних, соціально-економічних і культурних прав і свобод людини та громадянина [5, с. 160].

Ще більш лаконічніше ніж попередні науковці, визначив родовий об'єкт даної категорії кримінальних правопорушень І. О. Зінченко. Він передбачив його як суспільні відносини, що забезпечують конституційні права та свободи людини та громадянина [6, с. 103].

Що стосується нашої позиції, то нам більш до вподоби визначення родового об'єкту, яке дав Д. Ю. Кондратов. Справа полягає в тому, що в ньому чітко закріплені суспільні відносини, що охороняються кримінальним законом в межах Розділу V КК України. Що стосується узагальнено підходу у виді «конституційних прав і свобод», то в цій ситуації одразу виникає запитання, а інші розділи КК України неже ставлять під охорону суспільні відносини, які регулюють права і свободи за межами Конституції України. Відповідно до положень ст. 13 Конституції України, держава забезпечує захист прав усіх суб'єктів права власності і господарювання, соціальну спрямованість економіки. Усі суб'єкти права власності рівні перед законом [7]. Іншими словами, право будь-якої особи (фізичної або юридичної) на власність, господарювання та соціальну спрямованість економіки визначається як конституційне право. В наслідок чого, можливо наголосити на тому, що Розділ VI «Кримінальні правопорушення проти власності» та Розділ VII «Кримінальні правопорушення у сфері господарської діяльності» КК України також охороняють конституційні права особи та громадянина.

Визначившись з родовим об'єктом даної категорії кримінальних правопорушень, нам необхідно проаналізувати безпосередні об'єкти

кожної кримінально-правової норми, які віднесені нам до даної категорії.

Як зазначають І. О. Зінченко та Є. В. Шевченко, безпосереднім об'єктом конкретного злочину чи кримінального проступку є певне, окреме конституційне право чи свобода людини або громадянина, проти яких спрямоване кримінально-протиправне діяння, наприклад, право обирати або бути обраним до органів державної влади чи самоврядування, право на отримання освіти, право на недоторканність житла тощо [8, с. 369]. І в цій ситуації з даною точкою зору важко не погодитись.

Спробуємо проаналізувати безпосередні об'єкти наших кримінально-правових норм, а саме: ст.ст. 158, 158-1, 158-2 та 158-3 КК України.

Під безпосереднім об'єктом надання неправдивих відомостей до органу ведення Державного реєстру виборців або інше несанкціоноване втручання в роботу Державного реєстру виборців (ст. 158 КК України) дослідники цієї проблеми розуміють наступне: виборчі та референдні права громадян, а також встановлений законом порядок голосування, підрахунку голосів та оголошення результатів виборів (І. О. Зінченко та Є. В. Шевченко [8, с. 385]), правовідносини, які виникають у зв'язку з реалізацією громадянами України виборчих та референдних прав під час підведення підсумків голосування та результатів голосування на виборах і референдумі (Д. О. Колодін [9, с. 11]).

Основним безпосереднім об'єктом незаконного використання виборчого бюлетеня, бюлетеня для голосування на референдумі, голосування виборцем, учасником референдуму більше одного разу, викрадення, пошкодження, приховування або знищення виборчого бюлетеня, бюлетеня для голосування на референдумі (ст. 158-1 КК України) виступає виборче та референдне право громадян, а також принцип рівного виборчого права, згідно з яким кожен виборець має право тільки на один голос (І. О. Зінченко та Є. В. Шевченко [8, с. 387]).

Досліджуючи основний безпосередній об'єкт незаконного знищення або пошкодження виборчої документації або документації референдуму (ст. 158-2 КК України), М. І. Фіалка наголошував на тому, що його необхідно розуміти як документообіг у сфері реалізації виборчих прав громадян [10, с. 73]. Таку свою позицію він формує в наслідок того, що вважає першочергове посягання на відповідний обіг документів, які використовуються в межах реалізації виборчих прав громадян. При цьому, саме виборче право громадянина страждає від кримінально-протиправного посягання у другу чергу. Ми з такою позицією в певній мірі погоджуємось. Крім того, потрібно доповнити тим, що від такого посягання може постраждати виборче право не кожного виборця. Так, наприклад, коли відбувається знищення виборчої документації в архівних установах після проведення виборів,

право громадянина обирати та бути обраним на той момент вже реалізоване. Тому, ще раз наголошуємо, визнання основним безпосереднім об'єктом документообігу у сфері реалізації виборчих прав громадян є об'єктом об'єктом і доцільним.

Щодо, безпосереднього об'єкту фальсифікації, підроблення, викрадення, пошкодження або знищення виборчої документації, документації референдуму, викрадення, пошкодження, приховування, знищення печатки виборчої комісії, комісії референдуму, виборчої скриньки, списку виборців чи учасників референдуму (ст. 158-3 КК України), то в цій ситуації треба розуміти те, що необхідно враховувати наявність як основного так і додаткового об'єкту.

Основним безпосереднім об'єктом цього злочину є виборчі та референдні права громадян, додатковим – нормальна діяльність органів державної влади та самоврядування (І. О. Зінченко та Є. В. Шевченко [8, с. 391]).

Предмет фальсифікації виборчих документів. З метою аналізу предмету фальсифікації виборчих документів, визначимо перелік, а потім проаналізуємо зміст окремих з цих предметів. До предметів кримінальних правопорушень в даній категорії складів кримінальних правопорушень належать:

- відомостей про виборців (ст. 158 КК України);
- інформація, що міститься в базі даних Державного реєстру виборців (ст. 158 КК України);
- база даних Державного реєстру виборців (ст. 158 КК України);
- виборчий бюлетень (ст. 158-1 КК України);
- бюлетень для голосування на референдумі (ст. 158-1 КК України);
- виборча документація (ст. 158-2, ч. 2 ст. 158-3 КК України);
- документація референдуму (ст. 158-2, ч. 2 ст. 158-3 КК України);
- протокол про підрахунок голосів виборців на виборчій дільниці або дільниці з референдуму (ст. 158-3 КК України);
- список виборців чи учасників референдуму (ч. 3 ст. 158-3 КК України) [11].

База даних Державного реєстру виборців це автоматизована інформаційно-телекомунікаційна система, призначена для зберігання, обробки даних, які містять передбачені цим Законом відомості, та користування ними, створена для забезпечення державного обліку громадян України, які мають право голосу [12].

Виборчий бюлетень. Законодавчого закріплення терміну «виборчий документ» в правовому полі України на превеликий жаль не існує. Виборчий кодекс України закріплює різноманітні вимоги до цього документу, наголошує на тому, де і в якій формі здійснюється опис виборчого бюлетеня, але чіткого розуміння терміну не визначає. Узагальнивши інформацію відносно виборчого бюлетеня, можливо наголосити

на тому, що це офіційний документ суворої звітності, який призначений для голосування на виборах Президента України і депутатів різних рівнів, в якому особа, що приймає участь у виборах в якості виборця, зазначає своє волевиявлення на підтримку окремих кандидатів на виборчі посади, або виборчих списків кандидатів, що висунуті політичними партіями.

Під *виборчою документацією* необхідно розуміти певну сукупність виборчих документів. Що до розуміння виборчого документа, то ми вже раніше наголошували на тому, що це будь-який матеріальний носій на якому зафіксована інформація, яка використовується під час організації та реалізації виборчого процесу, які видаються відповідними суб'єктами виборчого процесу і утворені з дотриманням визначених законом форм та містять передбачені законом реквізити.

Протокол про підрахунок голосів виборців на виборчій дільниці або дільниці з референдуму це виборчий документ, яким здійснюється документування діяльності виборчої комісії і який встановлює підсумки певних дій, виконаних нею, а саме – відображаються результати підрахунку голосів виборців на виборчій дільниці, встановлення результатів голосування в межах територіального виборчого округу, встановлення результатів виборів або референдуму.

Проаналізувавши вищевикладені терміни, які визначають предмети складів кримінальних правопорушень, що реалізуються у фальсифікації виборчих документів, можливо наголосити на тому, що це, або, в певній мірі, повноцінний офіційний документ, який використовується в тому, чи іншому питанні виборчого процесу, або відповідна інформація, як складова частина такого офіційного документу.

Об'єктивна сторона фальсифікації виборчих документів.

Об'єктивна сторона кримінальних правопорушень, які передбачають фальсифікацію виборчих документів характеризується обов'язковою ознакою, а саме – діянням. При цьому, конче з цих діянь передбачено у виді декількох альтернативних видів.

Так, надання неправдивих відомостей до органу ведення Державного реєстру виборців або інше несанкціоноване втручання в роботу Державного реєстру виборців (ст. 158 КК України) передбачає наявність наступних кримінально-протиправних проявів:

- подання до органу ведення Державного реєстру виборців неправдивих відомостей про виборців (ч. 1 ст. 158 КК України);
- внесення неправдивих відомостей до бази даних Державного реєстру виборців (ч. 1 ст. 158 КК України);
- несанкціоновані дії з інформацією, що міститься в базі даних Державного реєстру виборців (ч. 1 ст. 158 КК України);

– інше несанкціоноване втручання у роботу бази даних Державного реєстру виборців (ч. 1 ст. 158 КК України) [11].

В свою чергу, незаконне використання виборчого бюлетеня, бюлетеня для голосування на референдумі, голосування виборцем, учасником референдуму більше одного разу, викрадення, пошкодження, приховування або знищення виборчого бюлетеня, бюлетеня для голосування на референдумі (ст. 158-1 КК України) в межах обов'язкового діяння передбачає:

– надання або отримання виборчого бюлетеня чи бюлетеня для голосування на референдумі особою, яка не має права його надавати чи отримувати (ч. 1 ст. 158-1 КК України);

– надання виборцю, учаснику референдуму заповненого виборчого бюлетеня чи бюлетеня для голосування на референдумі (ч. 1 ст. 158-1 КК України);

– голосування виборцем, учасником референдуму більше одного разу (ч. 1 ст. 158-1 КК України);

– викрадення, пошкодження, приховування або знищення виборчого бюлетеня, бюлетеня для голосування на референдумі (ч. 2 ст. 158-1 КК України) [11].

Що стосується незаконного знищення або пошкодження виборчої документації або документації референдуму (ст. 158-2 КК України), то в цій ситуації мова йде про незаконне знищення або пошкодження виборчої документації або документації референдуму в архівних установах або в Центральній виборчій комісії після проведення виборів або референдуму (ч. 1 ст. 158-2 КК України) [11].

Фальсифікація, підроблення, викрадення, пошкодження або знищення виборчої документації, документації референдуму, викрадення, пошкодження, приховування, знищення печатки виборчої комісії, комісії референдуму, виборчої скриньки, списку виборців чи учасників референдуму (ст. 158-3 КК України) передбачає наявність наступних суспільно-небезпечних діянь:

– підписання протоколу про підрахунок голосів виборців на виборчій дільниці або дільниці з референдуму, протоколу про підсумки голосування в межах відповідного виборчого округу, округу з референдуму чи про результати виборів або референдуму до остаточного заповнення протоколу, а також підписання такого протоколу не на засіданні виборчої комісії або комісії з референдуму (ч. 1 ст. 158-3 КК України);

– підробка виборчої документації, документації референдуму (ч. 2 ст. 158-3 КК України);

– незаконне виготовлення виборчої документації, документації референдуму (ч. 2 ст. 158-3 КК України);

– використання незаконно виготовленої чи підробленої виборчої документації, документації референдуму (ч. 2 ст. 158-3 КК України);

– зберігання незаконно виготовленої чи підробленої виборчої документації, документації референдуму (ч. 2 ст. 158-3 КК України);

– включення до виборчої документації чи документації референдуму завідомо недостовірних відомостей (ч. 2 ст. 158-3 КК України);

– викрадення списку виборців чи учасників референдуму або протоколу про підрахунок голосів виборців чи учасників референдуму, про підсумки голосування в межах відповідного виборчого округу на виборах чи референдумі, про результати виборів або референдуму (ч. 3 ст. 158-3 КК України);

– пошкодження списку виборців чи учасників референдуму або протоколу про підрахунок голосів виборців чи учасників референдуму, про підсумки голосування в межах відповідного виборчого округу на виборах чи референдумі, про результати виборів або референдуму (ч. 3 ст. 158-3 КК України);

– приховування списку виборців чи учасників референдуму або протоколу про підрахунок голосів виборців чи учасників референдуму, про підсумки голосування в межах відповідного виборчого округу на виборах чи референдумі, про результати виборів або референдуму (ч. 3 ст. 158-3 КК України);

– знищення списку виборців чи учасників референдуму або протоколу про підрахунок голосів виборців чи учасників референдуму, про підсумки голосування в межах відповідного виборчого округу на виборах чи референдумі, про результати виборів або референдуму (ч. 3 ст. 158-3 КК України) [11].

На перший погляд, в кожній з кримінально-правових норм мова йде про особисту власну форму діяння. Але, з іншого боку, ми маємо ситуацію з існування чітких з тенденційно вираженими характерними закономірностями для даної групи кримінальних правопорушень.

По-перше, в усіх випадках мова йде про активну форму кримінально-протиправної поведінки, а саме – дію.

По-друге, кожна з конструкцій об'єктивної сторони вищезазначених складів кримінальних правопорушень виключає наявність обов'язкового настання суспільно-небезпечних наслідків. Іншими словами, законодавець передбачив в усіх наших випадках кримінальні правопорушення з формальним складом.

Висновки та пропозиції. Підсумовуючи викладене вище, можливо наголосити на тому, що:

– відповідно до чинного кримінального законодавства України кримінальна відповідальність за фальсифікацію виборчих документів передбачена в ст.ст. 158, 158-1, 158-2 та 158-3 КК України;

– не зважаючи на те що фальсифікація виборчих документів об'єднана єдиним родовим об'єктом, кожна з окремих кримінально-правових норм має власний безпосередній об'єкт;

– предмети складів кримінальних правопорушень, що реалізуються у фальсифікації

виборчих документів, розглядаються нами як або, в певній мірі, повноцінний офіційний документ, що використовується в тому, чи іншому питанні виборчого процесу, або відповідна інформація, як складова частина такого офіційного документу;

– суспільно небезпечне діяння, як єдина обов'язкова ознака об'єктивної сторони фальсифікації виборчих документів, передбачена законодавцем у формі активної дії.

– правильний кримінально-правовий аналіз об'єктивних ознак складів кримінальних правопорушень має не від'ємне та актуальне значення під час здійснення ефективної протидії даному негативному кримінально-протиправному явищу.

Список літератури:

1. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо вдосконалення виборчого законодавства: закон України від 16.07.2020 № **805-IX**// База даних «Законодавство України»/Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/805-20#n34> (дата звернення: 08.09.2021).
2. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виборів Президента України: закон України від 21.08.2009 № **1616-VI** // База даних «Законодавство України»/Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1616-17#Text> (дата звернення: 08.09.2021).
3. Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України щодо відповідальності за знищення виборчої документації або документів референдуму: закон України від 01.12.2005 № **3169-IV** // База даних «Законодавство України»/Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3169-15#Text> (дата звернення: 08.09.2021).
4. Кримінальне право України. (Особлива частина): підручник; за заг. ред. О. М. Литвинова; нак. ред. серії О. М. Бандурка; А. В. Байлов, А. А. Васильєв, О. О. Житний та ін. Харків: Вид-во ХНУВС, 2011. 572 с.

5. Кримінальне право України. Особлива частина: навч. посіб.; за заг. ред. О. М. Литвинова; А. А. Васильєв, О. О. Житний, Є. О. Гладкова та ін. Харків: Право, 2020. 656 с.

6. Кримінальне право України: Особлива частина: підручник; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація; Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. 4-те вид., переробл. і допов. Харків: Право, 2010. 608 с.

7. Конституція України: закон України від 28.06.1996 № 254к/96-ВР // База даних «Законодавство України»/Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-вр> (дата звернення: 18.10.2021).

8. Зінченко І. О., Шевченко Є. В. Лекція за темою: «Загальна характеристика кримінальних правопорушень проти виборчих, трудових та інших особистих прав і свобод людини і громадянина (статті 157–184 КК). Кримінальні правопорушення проти виборчих прав громадян (статті 157–160 КК)». *Вісник Асоціації кримінального права України*, 2020, № 2(14). С. 366–406.

9. Колодін Д. О. Кримінальна відповідальність за фальсифікацію підсумків голосування на виборах та референдумі: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Одеса, 2014. 21 с.

10. Фіалка М. І. Документообіг як безпосередній об'єкт незаконного знищення виборчої документації або документів референдуму. *Науковий вісник Ужгородського національного університету*. 2013. Серія «Право», № 22, ч. 1, Т. 3. С. 71–74.

11. Кримінальний кодекс України: закон України від 05.04.2001 № 2341-III // База даних «Законодавство України»/Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (дата звернення: 23.10.2021)

12. Про Державний реєстр виборців: закон України від 22.02.2007 № **698-V** // База даних «Законодавство України»/Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/698-16#Text> (дата звернення: 24.10.2021).

#11(75), 2021 часть 3
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#11(75), 2021 part 3
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Клиmek (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>